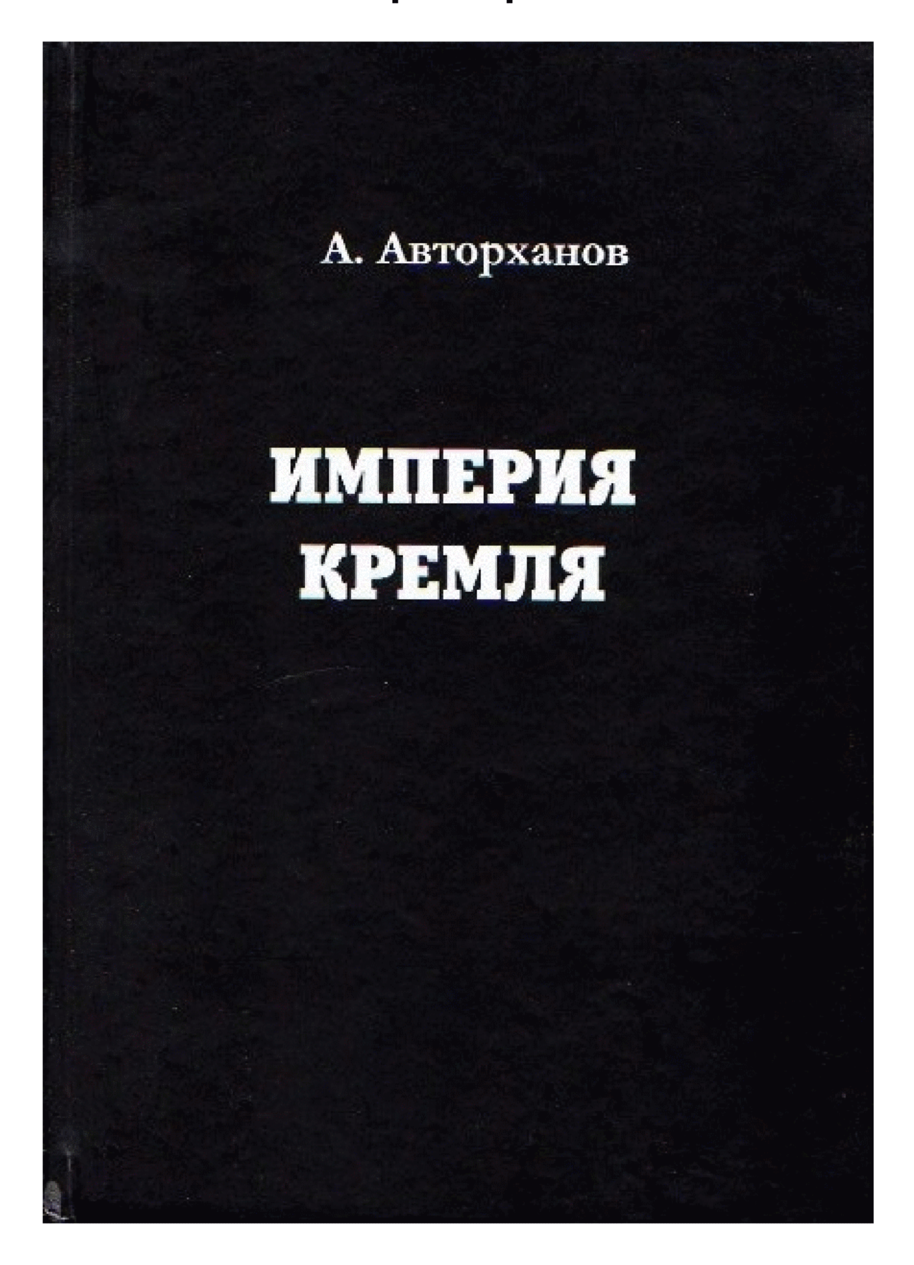
Абдурахман Авторханов
Империя Кремля

ОБ АВТОРЕ

Абдурахман Авторханов (1908–1997) – историк, писатель, общественный деятель второй российской эмиграции. Родился в чеченском селе Лаха Неври. В 1937 окнчил Институт красной профессуры в Москве по специальности русская история. Работал в ЦК ВКП(б), был направлен на работу в г. Грозный. В 1938 г арестован и 5 лет провёл в тюрьмах. В 1942 г. освобождён. Оказавшись в 1943 г. на оккупированной территории в 1943 г. выехал в Германию. Работал в немецкой пропагандисткой организции в Берлине. После войны преподавал в армейской школе армии США. В 1950 г. стал одним из учредителей мюнхенского Института по изучению истории и культуры СССР. Часто выступал по радио «Свобода». Читал лекции для американских дипломатов и разведчиков о СССР и КПСС. Автор многочиленных работ среди которых: «Технология власти» (1959), «Происхождение партократии» (1973), «От Андропова к Горбачёву» (1986) и др.

> Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации… Очень естественно, что «свобода выхода из Союза», которою мы оправдываем себя, окажется пустой бумажкой, не способной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса, шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ… Не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы… вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить Союз Советских Социалистических Республик лишь в отношении военном и дипломатическом.
>
> Ленин, «К вопросу о национальностях или об «автономизации»».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Национальный вопрос и национальная политика Кремля до сих пор не входили в круг

моих исследовательских интересов, хотя я как национал, внимательно следил за советской национальной политикой. Причины тут были две: во-первых, я поставил своей целью писать лишь о том, что составляет основу основ всех бедствий не только малых народов, но и самой державной нации империи – о возникновении и функционировании советской политической системы; во-вторых, кого же интересовали судьбы и страдания малых народов, кроме как их самих. Сегодня положение резко изменилось. Изменилось и мое собственное отношение к данной проблеме. Я раньше связывал распад советской империи со сменой политической системы в метрополии, но теперь все яснее вырисовывается другая картина – разложение империи начнется вероятно с ее окраин. Отсюда и западный мир проявляет растущий интерес к судьбе нерусских народов. Я это заметил и на своем докладе о «перестройке» в Вашингтоне в ноябре 1987 г. на собрании группы американских экспертов по советским делам. Меня попросили подробнее рассказать о перспективах «перестройки» Горбачева в области национальной политики. Когда я мимоходом упомянул, что моя первая статья с критикой тезисов Политбюро к XVI съезду партии называлась «За выполнение директив партии по национальному вопросу» и появилась в газете «Правда» от 22 июня 1930 г., то есть за год до рождения генсека Горбачева, то в зале люди переглянулись. Только я не понял, чему больше удивились – моей старости или горбачевской молодости. Я ведь только хотел подчеркнуть, что с того времени я постоянно слежу за национальной политикой Кремля. Не только официальные источники, но и мои наблюдения лежат в основе предлагаемого исследования.

Теперь о моем общем подходе к разбираемой теме.

После Второй мировой войны уцелела только одна мировая империя – это советская империя. Главные причины тут, на мой взгляд, три: первая причина лежит в абсолютном совершенстве военно-полицейского управления советской империей, когда каждый ее житель от рождения до могилы находится под тотальным полицейским надзором. Вторая причина лежит в научно разработанной системе превентивного, выборочного, но систематического террора против любого проявления индивидуального или группового политического инакомыслия. Третья причина лежит в политической природе советской правительственной системы, при которой интересы удержания власти партией ставятся не только выше интересов личности, но и выше интересов социальных групп, классов и даже целых народов, что доказали коллективизации, индустриализации и геноцид малых народов во время войны. Сказанное дает основание считать советскую империю не обычной империей классического типа прошлых времен и не простым продолжением старой царской империи.

Советская империя прежде всего идеократическая империя. Поэтому всякое ее сравнение со старыми империями не только ошибочно, оно просто вводит нас в заблуждение: мы переоцениваем возможности и масштаб старых империй и недооцениваем потенциальные возможности и чудовищные последствия, которые таит в себе успешное осуществление идеократической программы советской империи в глобальном масштабе – не только для внешнего мира, но и для народов самого Советского Союза. Ведь большевики могут осуществить свою цель только принося в жертву собственное население и осуществляя геноцид чужих народов, как это показал опыт Афганистана. Советский тип империализма добивается не просто покорения чужих народов и присвоения их богатств, а он еще ставит своей конечной целью обращение покоренных народов в новую коммунистическую веру, чтобы навязать им коммунистический образ жизни.

Русская империя была относительно молодой империей. Русь не знала ни древних, ни средневековых империй. Наоборот, на территориях, которые ныне занимает Советский Союз, распространялось влияние и господство ряда западных империй римской, греческой, византийской, германской, соседних королевств – польско-литовского и шведского, ряда азиатских империй – турецкой, персидской, китайской. Более того, сама этнографическая Русь находилась более двухсот лет в вассальной зависимости от татаро-монгольских ханств. Только в конце царствования первой русской династии Рюриковичей началась эпоха

образования многонационального российского государства, объявленного Российской Империей в начале XVIII века Петром Первым из новой династии Романовых (1613–1917 гг.). Вот с этих пор обозначилась интенсивная и весьма успешная экспансия Российской Империи почти во всех направлениях – на востоке, на юге, на западе и на севере, откуда наседали ранее на Русь чужеземные завоеватели.

Предлоги для расширения империи находились легко, к тому же вполне убедительные для русского уха: по классической схеме знаменитого историка Ключевского Россия искала выхода к ее естественным границам, которые упирались на Востоке в Тихий океан, а на Западе в Балтийское море. Россия искала также выхода к южным морям, за которыми открывались соблазнительные просторы мирового океана.

Политико-стратегические мотивы экспансии, изложенные Ключевским, тоже были, хотя и неубедительны, но четко сформулированы в духе времени: дальнейшая русская экспансия нужна была, чтобы обезопасить достигнутые имперские границы, военные походы в чужие земли нужны были, чтобы обеспечить безопасность прохождения там русских торговых караванов. Войны России в Туркестане нужны были, чтобы спасти туркестанские народы от господства англичан. Войны на Кавказе нужны были, чтобы спасти христианские народы – грузин и армян – от мусульманского ига Турции и Персии. Войны на Балканах велись во имя спасения «славянских братьев» от той же Османской империи.

Вся эта схема была объявлена Лениным и его соратником, основоположником русской марксистской историографии академиком Покровским великодержавной, шовинистической концепцией русского «военно-феодального империализма», а сама Россия была признана жандармом Европы, начиная с Екатерины Второй. Вы найдете эту марксистскую историческую концепцию в книге академика Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», которой предпослано письмо Ленина с поздравлением Покровского с его новой марксистской схемой. Более того, Ленин указал в этом письме, что книга Покровского должна стать школьным учебником и ее надо перевести на иностранные языки. Эта книга вместе с письмом Ленина была изъята из обращения в период Сталина, а книги Ключевского по истории переиздаются солидным тиражом. Насильственное присоединение к Российской Империи нерусских народов во всех советских учебниках и исторических трудах считается положительным актом русских царей и прогрессивным событием в жизни нерусских народов. Однако Ленин боролся против царской империи не потому, что она империя, а потому, что она – *царская*. Он был за мировую советскую империю. Это прямо записано рукой Ленина в преамбуле «Конституции СССР» 1924 года, где сказано: «Новое советской государство явится… новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Советскую Социалистическую Республику». Кремль никогда не заявлял, что он отказался от этой глобальной цели Ленина. Зато в своей предсмертной статье по национальному вопросу Ленин сам усомнился в реальности своей стратегии создания «мировой советской республики». Увидев, в связи с «Грузинским делом», опасность развала собственной империи, он предложил пересмотреть конституцию СССР, оставив за Москвой компетенции только в двух областях – дипломатической и военной. Такое развитие остановили два события – смерть Ленина и приход к власти Сталина. Советская федерация суверенных республик стала отныне чистейшей фикцией, а абсолютизация тоталитарного режима беспримерной в истории государственных образований. Смерть самого Сталина ни на йоту не изменила ни формы, ни существа сталинской имперской политики. Хуже того, наследники Сталина пошли даже намного дальше Сталина в культурной и кадровой политике в национальных республиках.

В центре внимания данной работы лежит сравнительный анализ большевистской теории по национальному вопросу и большевистской государственно-партийной практики в советских национальных республиках и областях. Для первой цели я подверг рассмотрению все важнейшие произведения Ленина и Сталина по национальному вопросу и все важнейшие документы по этому вопросу высших партийных органов. Что же касается второй цели – большевистского практического решения национальной проблемы путем создания союза из

«суверенных советских республик» в виде СССР, то, пользуясь теми же официальными документами, я стараюсь показать степень и характер «суверенитета» союзных республик в действии. Сегодня в Москве уже открыто признают, что вся история страны и партии на протяжении десятилетий подвергалась фальсификации и извращению. Это в первую очередь относится к истории национального вопроса. В Советском Союзе сложилась большая каста профессиональных экспертов по национальному вопросу, которые продолжают даже сейчас наводнять советский книжный рынок бездарнейшей пропагандной макулатурой, намеренно фальсифицирующей Ленина и назойливо проповедующей раскавыченного Сталина. Парадоксальным образом на меня выпала задача реабилитировать Ленина от клеветы и фальсификации людей, которые называют себя его учениками, а Сталина восстановить в своих авторских правах, которые по-воровски присваивают себе его наследники. Ведущая идея фальсификации национального вопроса – выдавать советский тип колониализма за идеальное решение национального вопроса, а советскую великодержавную политику русификации нерусских народов – за политику «интернационализации».

Я подверг сравнительному рассмотрению некоторые официальные документы по национальному вопросу также и из новой эры – эры «гласности». Здесь я старался понять, в чем выразятся «перестройка» и «новое мышление» в области национальных отношений. Несмотря на продолжающиеся уличные демонстрации политически активной части нерусских народов в защиту своих национальных прав, несмотря на смелые и повторные выступления виднейших деятелей национальных культур как в печати, так и на разных форумах с открытым требованием признать национальные языки нерусских республик их государственными языками, национальная политика Кремля по-прежнему остается старой, имперской политикой. Вероятно, нужны более потрясающие события на окраинах, чем те, которые имели место до сих пор, чтобы Кремль понял обреченность своей последней в мире империи и сделал, пока не поздно, спасительный для себя же вывод: распустить принудительную империю и преобразовать СССР в конфедерацию независимых государств из тех национальных республик, которые пожелают войти в такую конфедерацию. Вот это я назвал бы «революционной перестройкой» в области национальных отношений. Все остальное – новый обман национальностей и самообман Кремля.

А. Авторханов

ЧАСТЬ I. УЧЕНИЕ ЛЕНИНА ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

I. Право наций на самоопределение

Демократическое право наций на самоопределение также старо, как стара и сама демократия. Как идея и практический принцип оно находит применение начиная с XVII–XVIII веков. Величайший толчок движению национальной независимости дали два исторических события: в 1775–1783 годах «Национальная революция» за независимость Америки и в 1789 году Великая французская революция с ее вечно живыми лозунгами: «Свобода, равенство, братство». Вот с этих пор собственно и началась эпоха движения за независимость и самоопределение современных больших и малых национальностей. С тех пор и само «право наций на самоопределение» становится движущим мотивом национально-освободительного движения зависимых и угнетенных народов на всех материках земли. В мировом социалистическом движении право народов на самоопределение было впервые сформулировано на Лондонском конгрессе Второго Интернационала в 1896 году в следующих словах: «Конгресс объявляет, что он стоит за полное право самоопределения всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игом военного, национального и другого абсолютизма». В программу РСДРП требование права на самоопределение нерусских народов Российской Империи было включено на ее Втором съезде в 1903 г., состоявшемся в том же Лондоне.

Знакомясь с богатой, но чисто пропагандной советской литературой по теории и истории национального вопроса, читатель никогда не узнает двух элементарных фактов: во-первых, право народов на самоопределение есть общепризнанный принцип демократии вообще, а не изобретение Ленина, во-вторых, в русское социалистическое движение этот принцип внесли не большевики и не Ленин, а меньшевики и их лидеры Плеханов и Мартов. Плеханов, как основоположник русского марксизма, каким его признавал и сам Ленин, а Мартов, как автор и докладчик по первой Программе партии на ее Втором съезде. Заслуги Ленина в данном вопросе лежат в другой плоскости в антинациональной интерпретации права народов на самоопределение и в мастерском использовании национального вопроса в стратегических целях на путях к власти.

Право на самоопределение народов России признавали не только русские социал-демократы, но и партия русских эсеров (социалистов-революционеров), только в более категорической формулировке. Их центральный орган печати «Революционная Россия» в № 18 за 1903 год писал, что партия эсеров стоит на точке зрения «полного и безусловного признания на самоопределение», а тем народам, которые захотят остаться после революции в составе России, эсеры предлагали свободную федерацию. Полемизируя с эсерами насчет «полного и безусловного признания самоопределения» и по-своему интерпретируя решение Второго съезда, Ленин писал: «Безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Социал-демократы, как партия пролетариата, ставят своей положительной и главной задачей содействие *самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности»* (Ленин. О национальном и национально-колониальном вопросе. М., 1956, стр. 13. Курсив мой – А.А.).

Ту же мысль Ленин повторил накануне Первой мировой войны в следующих словах: «Отдельные требования демократии, в том числе самоопределение, не абсолют, а *частичка* общедемократического (ныне: общесоциалистического) *мирового* движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее» (Ленин, 3 изд., т. XIX, стр. 257–258).

Вот когда произошла Октябрьская революция, Ленин нашел, что такая маленькая «частичка» как половина царской империи в лице нерусских народов, не «абсолют» и на штыках Красной Армии загнал ее в свою новую советскую империю.

Противореча самому себе, Ленин в другом месте правильно определял суть самоопределения.

Вот его определение: «Если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не "сочиняя" абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства» (Ленин. О праве наций на самоопределение. М., 1956, стр. 5).

Был ли сам Ленин готов позволить нерусским народам выйти из Российской Империи, если он придет к власти в России? Нет, конечно. Как указывалось выше, когда почти все нерусские народы после Октябрьской революции, пользуясь правом на самоопределение, вышли из империи, он их вернул обратно силой оружия. Фактическое использование права на самоопределение Ленин признавал за народами любых других империй – Британской, Австро-Венгерской, Оттоманской, но никак не за народами Российской Империи, включая даже Польшу. Ленин даже изобрел в национальной политике такой изощренный тактический прием, до которого не додумался еще ни один макиавеллист нового времени. Ленин провел своеобразное разделение труда между своими сторонниками в партии: русские большевики должны были проповедовать «право нерусских народов на самоопределение», а большевики нерусской национальности, наоборот, должны были писать и настаивать на праве нерусских народов «присоединиться» к России.

Когда Ленину указывали на эту его двойную игру в национальном вопросе, то он

невозмутимо отвечал: «Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят "противоречивым", чтобы социал-демократы угнетающих наций настаивали на "свободе отделения", а социал-демократы угнетенных наций – "на свободе соединения". Но небольшие размышления показывают, что *иного* пути к интернационализму и слиянию наций, иного пути к этой цели от данного положения нет и быть не может» (Ленин, О национальном и национально-колониальном вопросе, стр. 338).

В этом тезисе «слияния наций» и заключается истинная и конечная цель Ленина. Он хочет слить нерусские народы с русским народом, чтобы искусственно создать один единый народ с единым языком. Ленин так и писал:

«Разграничение наций в пределах одного государства вредно, и мы, марксисты, стремимся сблизить и слить их» (там же, стр. ИЗ).

В другом месте: «Марксизм непримирим с национализмом, будь то самый "справедливый"…

Марксизм выдвигает на место всякого национализма – интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве» (там же, стр. 128–129).

В третьем месте: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности на мелкие государства…. не только сближение наций, но и слияние их» (там же, стр. 261).

Словом, Ленин полон решимости, осуществив свой план мировой революции, создать единое интернациональное сообщество людей с одним или, может быть, с двумя языками. Вот его утверждение на этот счет:

«Всемирным языком, может быть, будет английский, а, может быть, плюс, русский» (Ленин. ПСС, т. 24, стр. 387).

Уже отсюда ясно, что для России и ее нерусских народов единым языком станет русский язык. Другими словами, Ленин стоял за ассимиляцию нерусских народов в русском народе, за такую национальную политику русификации, от которой отказалась даже царская Россия, по крайней мере, начиная с Екатерины II.

Когда критики напоминали ему этот факт, Ленин отвечал:

«Против ассимиляторства могут кричать только еврейские реакционные мещане, желающие повернуть назад колесо истории» (там же, стр. 126).

Однако все это относилось к далекой стратегической цели после победы марксизма в России и во всемирном масштабе. Пока что надо было разработать гибкую тактику использования национальных чаяний угнетенных народов, желавших создания своих независимых государств, в интересах собственной стратегии, прямо по принципу: «цель оправдывает средства». Вот здесь Ленин был гениальным мастером.

Больше великодержавник, чем все русские цари вместе взятые, и больше империалист, чем любой император в истории, Ленин, однако, не был русским шовинистом. Это было его колоссальным личным преимуществом как политического деятеля в многонациональном государстве. Его первое Политбюро на путях к революции состояло из семи человек: два русских (Ленин и Бубнов), четыре еврея (Троцкий, Зиновьев, Каменев и Сокольников) и один грузин (Сталин). Находясь уже у власти, он всегда воевал в своей партии с русскими шовинистами, которые своими открыто великодержавными действиями вредили его планам создания советской империи в России, а на ее базе создания и мировой советской империи.

Мы знаем из документов XX съезда, что к этим русским шовинистам он причислял и нерусских лидеров большевизма Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе. Ленин хочет, где это возможно, избегать насилия в процессе слияния наций или превращения русского языка в общий и единый язык в новом государстве. В этом отношении, как идеал, Ленину рисуются Соединенные Штаты Америки. Ленин приводит статистику разных народов в Америке и указывает, как происходил мирный процесс образований единой американской нации с единым английским языком и в заключение приходит к выводу:

«Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса, разрушения национальной заскорузлости различных медвежьих углов – особенно в отсталых

странах, вроде России» (Ленин. О национальном и национально-колониальном вопросе, стр. 124).

Ленин взял явно неудачный пример и сравнивал исторические процессы совершенно несравнимые. Поэтому вместо добросовестного анализа получилась пропагандная подтасовка фактов и фальсификация истории. Америка была и остается образцом для России только в других отношениях: как государство величайшей в мире демократии с научной, технической и творческой интеллигенцией, поднявшей Америку на такую материальную, научно-техническую высоту, что ее вот уже более 70 лет не может «догнать и перегнать» самая «передовая в мире страна социализма», исключая область военной индустрии.

Америка образовалась как государство из разных народов Европы и, отчасти, Азии, добровольно – кроме негров – переселившихся туда, а Россия образовалась как империя из присоединенных к ней чужих народов. Причем многие из них культурно, религиозно и исторически были более древними народами, чем сама относительно молодая русская нация и русское государство. Образование единого языка – английского – для американской нации было процессом стихийным и добровольным, тогда как в России принять единый язык для всех было бы возможно только искусственно, то есть посредством прямой или косвенной русификацией нерусских. Ленин знал это не хуже нас. Знал также, что насильственная русификация может иметь тяжкие последствия в смысле ускорения центробежных сил в его будущем социалистическом государстве. Поэтому он хотел идти по пути мирной, добровольной русификации. Ленин писал:

«И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной» (там же, стр. 147).

Ученики Ленина сегодня вполне обходятся без принудительности и дубины: если хочешь учиться техническим и точным наукам, то нет возможности учиться им, кроме как по-русски, если хочешь сделать карьеру в своей национальной республике – партийную, государственную, ученую – можешь не знать родного языка, но должен знать русский язык. Это и есть косвенная русификация.

Ни в одной из работ Ленина по вопросам тактики и стратегии русской и мировой революции не присутствует такое виртуозное мастерство великого макиавеллиста, как в его трактовке демократического принципа права народов на самоопределение. В искусстве маскировать свои истинные стратегические цели туманом фразеологии и словесного жонглирования Ленин был мастером самого высокого класса. Даже такой великий мастер лицемерить, как его ученик Сталин, и тот не всегда мог разглядеть в ленинской маскировке истинного лица Ленина, о чем у нас будет потом случай поговорить.

Если вкратце, но абсолютно точно, сформулировать идею Ленина в национальном вопросе, то она следующая: Ленин признает, и то условно, право наций на самоопределение при капитализме, но Ленин категорически отрицает право наций на самоопределение при социализме. Вот классический пример постановки данного вопроса Лениным до революции в отношении зависимых народов в Европе. Разбирая историю отделения Норвегии от Швеции в 1905 году, Ленин писал, что такой случай возможен при капитализме только как исключение и что его интересует не самоопределение норвежской нации от шведской нации, а самоопределение там и здесь национального пролетариата. Вот его вывод из этой истории:

«В вопросе о самоопределении наций нас интересует прежде всего и более всего самоопределение пролетариата внутри наций» (Ленин. О праве наций на самоопределение. М., 1956, стр. 35).

Другими словами, Ленина интересует не создание национальных независимых государств, а создание марксистских национальных государств, зависимых от одного революционного марксистского центра. Еще ярче вырисовывается марксистское великодержавие Ленина в его дискуссии с лидером польских марксистов Розой Люксембург. В польском королевстве, входившем в состав Российской Империи, в начале века образовались две социалистические партии. Польская партия социалистов (ППС), лидером

которой был Юзеф Пилсудский, и Польская социал-демократическая партия, руководимая Розой Люксембург. По национальному вопросу ППС стояла на позиции безусловной польской независимости и выхода из состава Российской Империи. Польская социал-демократическая партия, как партия ортодоксально марксистская ленинского типа, не признавала принципа полной польской независимости, а требовала для Польши только автономии в пределах России. Ленин категорически отвергал национальную программу ППС с ее требованием о выходе Польши из царской России, а Розу Люксембург, поддерживая ее позицию по существу, порицал только за ее неэластичность в политике, за то, что она не хочет понять, что лозунг самоопределения не цель, а тактика марксистов. Вот вывод Ленина из его дискуссии с Розой Люксембург:

«Ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским социал-демократам, что они против отделения Польши. Ошибку делают эти лишь тогда, когда пробуют – подобно Розе Люксембург – отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе российских марксистов» (там же, стр. 37).

Что может быть нелепее: Ленин писал, что он признает право ППС требовать выхода Польши из Российской Империи, но сам выход он не признает! Тогда почему выставлять в программе российских марксистов требование права наций на самоопределение, если ты собираешься бороться всеми силами против его практического осуществления? Ответ Ленина на этот раз неотразим в своей искренности:

«Признание права на отделение, – писал Ленин, – *уменьшает* (подчеркнуто Лениным) опасность распада государства» (там же, стр. 29). Такую фиктивную «независимость» Ленин был готов предоставить даже Украине. Вот что писал Ленин о праве Украины на создание своего независимого от России государства: «Суждено ли Украине составить самостоятельное государство, зависит от тысячи факторов, неизвестных заранее. И, не пытаясь гадать попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно: право Украины на такое государство» (там же, стр.21).

Когда участились атаки на Ленина открытых русских великодержавников за то, что он в своей национальной политике поощряет украинских сепаратистов, Ленин ответил:

«Обвинять сторонников свободы самоопределения, то есть свободы отделения в поощрении сепаратизма – такая же глупость и такое же лицемерие, как обвинять сторонников свободы развода в поощрении разрушения семейных связей» (там же, стр. 30).

Будучи изощренным тактиком, Ленин не может прямо заявить великодержавникам: «Господа глупые, поймите, что в сущности я хочу сохранить, как и вы, Российскую Империю, но к этому нет иного пути, кроме формального, и для нас необязательного, признания права на самоопределение». Только специалист в области тактического искусства ленинизма поймет, что Ленин вкладывает как раз эту мысль в следующую свою аргументацию:

«Пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания *права* на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать *ничего насчет* другой нации» (там же, стр. 18).

В другом месте в споре с ППС Ленин уже более откровенно объясняет, какая реальная цена праву на самоопределение в его интерпретации:

«Безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения… Неужели признание права на самоопределение наций требует поддержки всякого требования всякой нации самоопределяться? Ведь признание *права* всех граждан устраивать свободные союзы вовсе не обязывает нас поддержать образование всякого нового союза… Мы признаем *право* даже иезуитов вести свободную агитацию, но мы боремся против союза иезуитов и пролетариев» (там же, стр. 13).

Говоря на человеческом языке, Ленин отвергает самоопределение на деле, поскольку оно противоречит тому тоталитарному строю, который он хочет создать в России от имени марксизма и под названием «социализм». Однако в этом вопросе Ленин бесцеремонно

издевается не только над демократией, но и над своими вероучителями. Ведь это сам Ленин цитирует письмо Энгельса Каутскому по вопросу о том, какое должно быть отношение победившего социализма к требованию самоопределения угнетенных наций. Энгельс писал:

«Победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются оборонительные войны различного рода» (Ленин. О национальном и национально-колониальном вопросе, М., 1956, стр. 343).

Как актуально звучат эти слова Энгельса как раз сегодня, когда Кремль совершает в Афганистане варварский геноцид, стараясь «осчастливить» афганский народ. Но я думаю, в свете произведенного нами анализа ленинской концепции о праве народов на самоопределение, наследники Ленина рассматривают свою нынешнюю колониальную войну в Афганистане – как «оборонительную войну» против американцев, пакистанцев и иранцев, которые не имеют в Афганистане ни одного солдата.

Конечно, цель Ленина в России была не демократическая революция, а «пролетарская революция», установление не демократии, а диктатуры одной партии под названием «диктатура пролетариата». Первым «пролетарием» Ленин, сын потомственного дворянина, считал самого себя (он так и пишет в цитируемых произведениях: «Мы, пролетарии»).

Для такого многонационального государства, как Россия, это означало, что будущая большевистская форма правления, каким бы именем она себя ни нарекла, будет диктатурой одного имперского центра, а не федерацией суверенных и равноправных наций. Здесь уместно начать рассказ о карьере первого ученика Ленина по национальному вопросу – Джугашвили – Кобы – Сталина.

Два обстоятельства сыграли решающую роль как в начальной карьере Кобы-Джугашвили, будущего Сталина, в большевистской партии, так и в его сближении с Лениным: это, во-первых, руководящее участие Кобы в закавказских вооруженных грабежах банков и казначейства в 1906–1911 годах, деньги от которых шли в партийную кассу Ленина за границей; во-вторых, деятельность Сталина как информатора Ленина по кавказским событиям и кавказским партиям, что делало Сталина в глазах Ленина экспертом по национальному вопросу, которому можно доверить более широкое поле деятельности. В обеих областях Сталин сыграл столь выдающуюся роль, что стоит на этом остановиться. Сталин начал свою сознательную жизнь уголовником и уголовником завершил ее, возможно, став жертвой другого уголовника – своего соратника и земляка Берии. Однако Сталин был не обычным уголовником, а уголовником, действовавшим во имя политических целей на службе радикальной политической партии – большевистской партии, которую Ленин создал вокруг себя. В те годы, после первой русской революции, карьеру в партии Ленина делали люди двух типов: либо яркие публицисты, либо бесстрашные «эксы». Эксами или экспроприаторами Ленин называл участников так называемых «боевых дружин» рабочей самообороны, которые создали большевики в революцию 1905-го года. Перед ними Ленин ставил цели:

добывать для партии деньги путем «экспроприации экспроприаторов», то есть грабя банки и казначейства;

убивать, как выражался Ленин, «шпионов, черносотенцев и начальствующих лиц полиции, армии и флота».

На Четвертом объединительном съезде РСДРП в 1906 году по предложению его меньшевистской части и при поддержке большинства фракции большевиков, кроме Ленина, практика «боевых дружин» была осуждена и запрещена. Резолюция Ленина, в которой говорилось, что «допустимы боевые выступления для захвата денежных средств», была отвергнута почти единодушно. Ленина поддержал на съезде уже известный ему кавказский экс – Коба-Джугашвили. На Пятом, лондонском съезде в 1907 году, на котором большинство делегатов состояло из большевиков, вновь обсуждался вопрос о «партизанских выступлениях» и эксах. Пробольшевистский съезд и на этот раз осудил грабительскую деятельность партизан под названием «боевые дружины» как анархистскую и бандитскую

практику.

Ленин категорически протестовал против этого решения. Его опять поддержали только немногие из большевиков, в числе которых был опять-таки Коба.

И это понятно, если вспомнить, как началась карьера Сталина в большевистской партии. Зная, что ему, недоучке из духовной семинарии, невозможно состязаться не только с уже известными социал-демократическими публицистами от марксизма, как Мартов и Ленин, но даже со своими ровесниками, типа Троцкого, или более молодыми, типа Бухарина, Сталин избрал поприще, на котором он имел все шансы отличиться – карьеру партийного руководителя «боевых дружин» для грабежей на Кавказе. Великолепный знаток кавказской психологии, Сталин взял себе в качестве клички окутанное героическими легендами имя кавказского абрека из романа грузинского писателя Казбеги – Коба. Очень скоро новоявленный Коба затмил славу своего литературного прототипа.

Еще в 1906-ом году Коба направил в эмигрантскую кассу Ленина несколько десятков тысяч рублей, взятых в ходе ограбления почтового поезда в Чиатури, частных и казенных касс на кораблях в морских портах Баку и Батуми. Вместе с этими награбленными деньгами до Ленина впервые дошла и боевая слава бесстрашного экса, грузина Кобы. Свою славу большевистского героя и талантливого организатора эксов Коба закрепил за собой, когда он и его помощник Камо-Петросян после тайной встречи в Берлине с Лениным организовали беспримерное по своей дерзости ограбление тифлисского казначейства на Эриванской площади в Тифлисе в 1907-ом году, через пять недель после названной встречи Кобы и Камо с Лениным. Остались описания современников, как было организовано ограбление. 26-го июня 1907-го года около 11 часов дня, когда Эриванская площадь была полна людей, на площади появились два конных экипажа, которые в сопровождении эскорта казаков везли большую сумму денег. В тот момент, когда человек в офицерской форме подал команду, с разных сторон в один миг в экипаж с деньгами и эскорт казаков полетело около десятка бомб. Убитых оказалось трое, раненых более пятидесяти человек. Человек в офицерской форме был помощник Сталина – Камо. Добычу – 340 тысяч рублей – Сталин-Коба сейчас же перевел за границу Ленину через будущего наркома иностранных дел Литвинова. Через несколько недель беспрепятственно выехали к Ленину для доклада и организаторы эксов – сами Коба и Камо.

Ленин высоко оценил заслуги Сталина, назначив его сначала агентом ЦК в России (1910-й год), а позже кооптировав его в состав ЦК (1912-й год). Сталина несколько раз ссылали за подпольную работу, но он каждый раз умудрялся бежать без всяких трудностей, ибо за политическими ссыльными у царя не охотились десятки сексотов, как теперь в Советском Союзе они охотятся за людьми, которых только подозревают в инакомыслии.

Сталин пробовал свои таланты и в публицистике. Сначала он писал по-грузински, а потом по-русски, как по вопросам партийным, так и по национальному вопросу. Заслуги Кобы в качестве эксперта по национальному вопросу были более скромные и менее славные. Публицистического таланта Сталин был лишен начисто. Троцкий его называл «плоским эмпириком». В этой отрицательной в глазах Троцкого оценке содержится тем не менее вся правда превосходства Сталина, как практического политика, над его квазиинтеллигентными соратниками. Там, где публицистические и теоретические таланты марксизма витали в эмпиреях, опытный наблюдатель людских деяний Сталин обеими ногами находился на почве реальной жизни. Только такой и преуспевает в достижении поставленной цели (что Сталин потом и доказал тому же Троцкому). Все работы Сталина тех лет, с точки зрения публицистических канонов, ученические упражнения. Но во всех его писаниях и тогда и после присутствует целеустремленный утилитаризм, противопоказанный теоретику наукообразных обобщений, зато полезный политику с затаенной целью. Затаенная же цель Сталина была одна: войти в доверие Ленина, не только в качестве организатора, но и партийного идеолога, чтобы со временем принять от него его фирму – ЦК большевистской партии. Классический пример на этот счет – работа Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия», написанная им в Вене в конце 1912-го года при помощи Бухарина,

которого прикрепил к нему Ленин, чтобы Бухарин переводил для Сталина австро-марксистские источники по национальному вопросу. Ленин писал Горькому по этому поводу: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для 'Просвещения' большую статью, собрав все австрийские и прочие материалы». Когда этот легальный большевистский журнал «Просвещение», издававшийся в Петербурге, решил напечатать статью Сталина в *дискуссионном* порядке, то Ленин запротестовал в письме в редакцию: «Конечно, мы абсолютно против. Статья очень хороша. Вопрос боевой и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи». В другом месте о той же статье Сталина он добавлял: «Надо воевать за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда» (см. Сталин, «Марксизм и национальный вопрос», стр. 61).

За какую же истину Сталин воевал против сепаратистов в этой работе?

Сталин воевал последовательно и бескомпромиссно за ленинскую истину в национальном вопросе, которая, как мы видели, сводилась к следующему центральному тезису Ленина: грядущая большевистская Россия будет единым и неделимым государством, нерусские части империи, такие как Польша, Финляндия, Украина, Кавказ, получат статус «областных автономий», как и чисто русские губернии. Сталин мастерски свел в целостную систему все, что Ленин писал по национальному вопросу. Сталин был признан самим Лениным не только экспертом, но и теоретиком партии по национальному вопросу.

Характерный для Сталина психологический момент: этот свежеиспеченный национальный теоретик и «чудесный грузин» с сильным грузинским акцентом публично никогда не признавал себя грузином, а считал себя русским. Его излюбленное выражение в статьях и выступлениях до и после революции гласит: «Мы, русские марксисты», «мы, русские коммунисты», но он ни разу не говорил «мы российские», тем более «мы кавказские» или «грузинские» марксисты. В России по Сталину только одна нация – это державная русская нация, а все остальные просто инородцы или туземцы, находящиеся в подданстве русской нации.

Однако, каким бы русским Сталин себя не считал, его всю жизнь преследовал болезненный комплекс чувства национальной неполноценности из-за того, что он родился как «туземец» на далекой окраине великой русской империи и что у него нет ни капли русской крови, а в его грузинской крови люди находят еще даже осетинскую кровь (вспомните стихи Мандельштама). Он старался компенсировать это ущербное чувство подчеркиванием своей сверх-русскости в имперской политике, точь-в-точь, как корсиканец Наполеон выдавал себя за «великого француза» («гранд насион») или австриец Гитлер за «великогерманца» («гроссдойчланд»). Эта великодержавность Сталина вполне устраивала Ленина, пока Сталин, став генсеком, не начал ею злоупотреблять.

II. Эволюция тактики ленина по национальному вопросу

Политическая философия Ленина вполне укладывалась в схему немецкого философа Ницше – есть избранные личности, которые делают историю, и безмозглое быдло, являющееся навозом истории. Только человек с «волей к власти» может оседлать народ-быдло и использовать его на пути к власти. Ленин был выдающимся представителем таких избранных личностей с «волей к власти». Людям такой категории чужды все другие цели, кроме тех, что ведут к власти. Если социальные и национальные чаяния народа совпадут с их целями восхождения к власти, тем лучше для них, но себя они на службу ему, народу, не поставят. Ленин был одним из таких. Действуя так, Ленин покорил великую Россию, которую даже не очень хорошо знал. Что же касается ее национальных окраин, их он вообще не знал. Он не бывал ни в Средней Азии, ни на Кавказе, ни даже на Украине. Коммунистический космополит, в жилах которого текла кровь из смеси как инородцев, так и иностранцев, Ленин был свободен от узкого великорусского шовинизма, а как потомственному дворянину ему никогда не приходилось испытывать на себе социальные нужды народа. Все это я говорю вот к чему: Ленин плохо знал Россию, еще хуже знал жизнь

рабочих и крестьян, а о нерусских народах империи имел только книжное представление. Все это привело к тому, что созданный им режим в этой стране вот уже более 70 лет держится не доверием ее народов, а тотальным – физическим и духовным – террором чекистов. Герцен называл Россию «тюрьмой народов». Вслед за ним это повторял и Ленин. Однако при его наследниках Россия стала «Гулагом народов» с той только разницей, что русский народ терпит в этом Гулаге двойной гнет – политический и социальный, а нерусские народы тройной гнет: политический, социальный и национальный.

Стратегический гений Ленина в политике в том ведь и заключается, что свою борьбу за сохранение и расширение этой «тюрьмы народов» Ленин как раз и начал под знаменем, на котором красовались зажигательные лозунги: «за политические свободы», «за социальное равенство», «за национальное самоопределение». Под этими лозунгами Ленин создавал свои первые революционно-боевые ячейки в центральной России, но мало успехов имел среди нерусских народов. Польские марксисты действовали самостоятельно, на Кавказе большинство марксистов принадлежали к меньшевикам, финны все были сепаратистами, а среди кавказских мусульман, татар и туркестанцев марксистов вовсе не было, ибо атеистическая философия была абсолютно чужда мусульманскому мировоззрению (когда большевики пришли к власти они вынуждены были выдвинуть насквозь лживый лозунг: «коммунизм и ислам не противоречат друг другу», как это делал Кремль в Афганистане). После февральской революции 1917 года и после возвращения Ленина из эмиграции в его взглядах по национальному вопросу произошла значительная эволюция. Эволюция касалась не общей стратегии, а тактики в соответствии с изменившимися условиями. Сама эта эволюция национальной тактики Ленина происходила не только на основе учета роста центробежных сил на окраинах, но и в тесной связи с общими задачами быстро меняющейся революционной ситуации в стране. Каждый новый этап в эволюции взглядов Ленина в национальном вопросе как бы характеризует обострение этой ситуации и рассчитан на приближение срока самой большевистской революции. Тем более щедр Ленин на обещания, целиком подчиненные задачам предстоящей развязки. Обещания эти так далеко идут, что не только со стороны, но и внутри его собственной партии раздаются голоса, что Ленин хочет расчленения России и льет воду на мельницу сепаратистов. В этой эволюции национальной тактики Ленина можно отметить четыре этапа: *первый этап,* когда Ленин ограничивается словесным и условным признанием права на самоопределение без его гарантии (со Второго съезда партии 1903 года и до Апрельской конференции 1917 года); *второй этап,* когда Ленин говорит о самоопределении с гарантией государственного отделения даже для Украины (конец апреля до июня); *третий этап* начался, когда Ленин впервые выдвигает идею федерации на 1-ом съезде Советов в июне 1917 г., заявив: «Пусть Россия будет союзом свободных республик» (ПСС, т. 32, стр. 286). Проиллюстрируем документально эту ленинскую эволюцию в период после февральской революции. В таком программном документе, как «Апрельские тезисы», Ленин обошел национальный вопрос, потому что ему не ясна была ситуация, которая сложилась на окраинах империи после революции. Во время второго этапа в «Проекте платформы пролетарской партии» Ленин говорит уже о гарантии права на отделение: «В национальном вопросе пролетарская партия должна отстаивать провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом, насильственно присоединенных или насильственно удерживаемых в границах государств (Ленин. «О национально-колониальном вопросе», стр. 441).

Обосновать новый тезис в национальной политике партии Ленин поручил Сталину на Всероссийской партийной конференции (24–29 апреля 1917 г.). Сталин с этой задачей явно не справился, если судить по бурным прениям и веским возражениям, которые вызвал доклад. Поэтому пришлось выступить самому Ленину с большой и, как обычно, погромной речью против противников «расчленения» России. Наиболее ярко развивал аргументы против Ленина его давний критик по национальному вопросу Пятаков, который вообще не признавал никакого «самоопределения». Пятаков, как и его большевистские сторонники,

думал, что задача большевиков не расчленять будущую социалистическую Россию, а присоединять к ней все новые и новые государства. Наша конечная цель – утверждали оппозиционеры по национальному вопросу, – победа мировой социалистической революции. Так почему же мы должны лицемерить, признавая право на самоопределение и выход из будущей социалистической России всех нерусских наций и народностей? Наоборот, говорил Пятаков, социализм не знает государственных границ – поэтому наш лозунг «прочь всякие границы». Пятаков точно сформулировал затаенную стратегическую цель самого Ленина, но, так открыто заявляя о ней на всю многонациональную Россию, Пятаков и его сторонники наносили более чувствительные, чем это могли делать сепаратисты, удары по сложной и весьма тонкой тактической игре Ленина и по его стараниям выдавать данную тактику в национальном вопросе за истинную национальную программу большевиков. По тем же тактическим соображениям Ленин был лишен возможности прямо заявить, как это делали его незадачливые ученики, что его конечная цель та же самая, но к ней ведет не прямая столбовая дорога, а бесконечные извилины и переулки со многими тупиками в великой империи с ее беспримерной мозаикой национальностей. К нашей цели ведет только сокрытие наших стратегических замыслов, умелое и терпеливое лавирование в их осуществлении – таков смысл ленинских возражений Пятакову. Но не смея это сказать вслух даже своим ученикам, Ленин ограничивается следующим заявлением: «То, что говорил здесь товарищ Пятаков, есть невероятная путаница… Метод социалистической революции под лозунгом «прочь границы» – это просто каша… *Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны.* Если Финляндия, если Польша, Украина отделяются от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист» (стр. 444–445). В результате дискуссии была принята резолюция Ленина, в которой говорилось: «За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов и аннексий» (стр. 447). Но тем нациям, которые останутся в новой России, резолюция по-прежнему обещает только «областную автономию», а не федерацию. Результаты голосования показали, что более одной трети делегатов конференции состояли из тех людей, которых Ленин в своей речи называл шовинистами, ибо из 90 делегатов против Ленина голосовали 16 делегатов, а 18 делегатов воздержались. Последующие месяцы третьего этапа после Апрельской конференции Ленин посвятил более близкому изучению положения дел на национальных окраинах как через информацию из прессы, так и путем встреч с национальными кадрами. Такое изучение подсказало ему новую идею, с помощью которой он хотел завоевать симпатию нерусских кадров. Идея эта – перенесение акцента с признания права на самоопределение народов на право их отделения от России. В начале октября 1917 г. он пишет: «Вместо слова самоопределение, много раз подававшего повод к кривотолкам, я ставлю совершенно точное понятие: "право на свободное отделение… " Завоевав власть, мы безусловно тотчас признали бы это право и за Финляндией, и за Украиной, и за Арменией и за всякой угнетавшейся царизмом народностью» (стр. 458). Однако и тут Ленин не теряет из виду своей основной цели – сохранения в составе будущей России всех народов, входивших в состав старой Российской Империи. Но к этому, говорит Ленин, нет иного пути, как признание права на отделение. Ленин так и пишет: «Мы, со своей стороны, вовсе отделения не хотим. Мы хотим как можно более крупного государства… Мы хотим свободного соединения и потому мы обязаны признать свободу отделения» (стр. 458–459).

Четвертый этап в развитии национальной политики Ленина был уже этапом начала истории нового типа колониальной империи, когда Ленин, захватив власть 25 октября 1917 г., объявил о создании Российской Советской Социалистической Республики, куда он пригласил вступить все народы бывшей Российской Империи. В первом же правительственном акте Совнаркома от 2 ноября 1917 г. – «Декларации прав народов России» говорилось о «равенстве и суверенности» народов России, о праве этих народов «на

свободное самоопределение вплоть до отделения и образования своих самостоятельных государств». В составе первого советского правительства Ленин учредил и специальный наркомат по делам национальностей во главе со Сталиным. Учитывая исключительную важность сохранения в составе России мусульманских народов Татарии, Башкирии, Туркестана, Кавказа и Крыма, Совнарком выступил 20 ноября 1917 г. с «Обращением» к ним за подписями председателя Совнаркома Ленина и наркома по делам национальностей Сталина. В документе говорилось: «Мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока. Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями России. Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Вы сами должны быть хозяевами вашей страны. Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию». («Документы внешней политики СССР», 1957, часть 1, стр. 34–35).

Но когда мусульманские народы Башкирии, Татарии, Туркестана, Крыма и Кавказа в полном согласии с этим «Обращением» объявили почти одновременно в первой половине 1918 г. о создании своих независимых мусульманских государств, то Ленин вернул их силой обратно в состав России.

III. От империи царской к империи советской

Если бы Ленин родился в Англии и там же пришел к власти, то Британская империя существовала бы и поныне. Более того, опираясь на индустриально развитую и культурно-технически передовую Англию, Ленин скорее бы достиг своей конечной стратегической цели. Эту цель он сформулировал до своего прихода к власти в России в следующих словах: «Соединенные штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения, которую мы связываем с социализмом» (т. 18, 3 изд., стр 232). После захвата власти большевиками Ленин уточнил вопрос о форме власти. В своем докладе о второй программе партии на Восьмом партийном съезде в 1919 г. Ленин заявил, что его партия полна решимости создать «Всемирную Советскую республику», добавив, что в отличие от нынешней общероссийской программы «может быть, будет у нас общая программа, когда создастся Всемирная Советская республика» (см. «Восьмой съезд РКП (б), протоколы, стр. 101).

Таким образом, программа Ленина по национально-колониальному вопросу – это не ликвидация больших империй, не освобождение подвластных им народов, а сведение всех национальных империй в одну мировую советскую суперимперию с тем, чтобы осуществить вторую часть большевистской программы – денационализация национальностей путем слияния всех наций – как метрополий, так и колоний – в один интернациональный гибрид в виде коммунистического человечества. Этот эксперимент сейчас проводится в СССР, где стараются создать из более чем ста народов одну единственную нацию – «советский народ». Между тем, идеологи Кремля, явно фальсифицируя Ленина, распространяют в странах Третьего мира легенды, что Ленин является основоположником учения о путях и методах освобождения колонизированных народов от ига мирового империализма, что якобы он стоял за сохранение и развитие ими своей национальной аутентичности, за создание независимых национальных государств. В этой связи идеологи Кремля ссылаются на советский опыт разрешения национального вопроса. Они выдают советскую тоталитарную империю с ее абсолютным централизмом за свободную федерацию суверенных нерусских государств с бывшей их метрополией – Россией. И это производит впечатление, ибо большевики изобрели уникальную в истории форму «национальной независимости» со всеми классическими атрибутами независимых государств: союзные республики имеют (конечно, только по названию) свои конституции, свои парламенты, свои правительства,

свои компартии, свои национальные флаги, свои государственные гербы. И каждая из этих союзных республик якобы имеет право свободного выхода из состава СССР. Так гласит Конституция СССР.

Каждый советский человек знает, что все эти атрибуты независимости и суверенности советских республик – фикция. Однако – фикция, превращенная в идеологическую категорию, стала эффективным инструментом советской пропаганды в странах Третьего мира.

Эту фикцию Ленин нашел не сразу. Насколько счастливой оказалась формула «право народов на самоопределение» в ее ленинском диалектическом толковании как право фиктивное, настолько же долгим было блуждание Ленина в поисках другой диалектической формулы: именно, как найти такую форму правления будущей большевистской империи, чтобы такая империя выглядела как добровольное объединение свободных и суверенных народов. Задача была не из легких даже для такого диалектика как Ленин: создать независимые по форме, но абсолютно зависимые от Москвы национальные республики в планируемой им новой империи…

При этом Ленин до революции категорически отводил всякую мысль о федерации. Вот что он утверждал: «Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации» (ПСС, т. 24, стр. 140). В другом месте: «Нетрудно видеть, почему под правом самоопределения наций нельзя понимать ни федерации, ни автономии… Вставить в свою программу защиту федерализма марксисты никак не могут; об этом нечего и говорить» (там же, стр. 218).

А что же Ленин предлагал? Вот его директива по управлению над нерусскими народами в его будущей империи: «Необходима, писал Ленин, широкая областная автономия (не для одной Польши, а для всех областей России) и вполне демократическое местное самоуправление» (Ленин. О национально-колониальном вопросе, стр. 145). Во всех дореволюционных писаниях Ленина и документах его большевистской партии говорится лишь об «областных автономиях» Польши, Финляндии, Прибалтики, Кавказа. Причем, сама эта «областная автономия» толкуется как просто местное самоуправление, созданное на таких же основаниях, что и в любой русской области. Однако, когда после февральской революции Ленин вернулся в Россию и воочию увидел рост движения центробежных сил на окраинах бывшей Российской Империи, то он должен был констатировать, что его «областная автономия» бесперспективна и отвергается нерусскими народами. Ленин, который никогда не был рабом ни марксистских догм, ни собственных писаний, сделал из новой ситуации трезвый вывод. На Первом съезде Советов в июне 1917 г., как уже отмечалось, он впервые от имени большевистской партии объявил, что его цель – федерация республик. Через четыре месяца, захватив власть в Петрограде, Ленин объявил о создании Российской федерации русского и нерусских народов. Эта первая попытка Ленина сохранить бывшую царскую империю, придав ей форму федерации, успеха не имела. Нерусские народы, ссылаясь на их право на независимость, признанное большевиками, начали в 1918 г. объявлять один за другим о своем выходе из состава России и образовании независимых государств. Такие независимые государства создали Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Туркестан, Татаро-Башкирия, Северный Кавказ, Грузия, Армения, Азербайджан. Все они впоследствии, одни раньше, другие позже, были покорены. Некоторые из них были присоединены прямо к РСФСР (Северный Кавказ, Туркестан, татаро-башкиры, Крым), а другие народы были объявлены «независимыми» советскими республиками (Украинская ССР, Белорусская ССР, ЗСФСР, куда входили Грузия, Армения и Азербайджан). До 1922 года, т. е. до создания СССР, они не подчинялись центральным государственным органам в лице РСФСР и в этом смысле они были «независимыми» советскими республиками. Однако это была видимость независимости, иначе говоря, фиктивная независимость, ибо этими республиками, как и Российской федерацией, руководил высший законодательный, исполнительный и контрольный орган в одном лице: ЦК партии большевиков прямо и

непосредственно из Москвы, ЦК, который никогда не признал как в своем уставе, так и на практике, не только независимости, но даже местной автономии компартий этих республик. Опытный в этих делах старый большевик, председатель Совнаркома Грузии, потом председатель ЦИК Закавказской федерации Филипп Махарадзе говорил на 12 съезде партии в 1923 г.: «Здесь говорят о независимых, о самостоятельных республиках советских… всем ясно, какая это самостоятельность, какая это независимость. Ведь у нас одна партия, один центральный орган, который, в конечном счете, определяет для всех республик, даже для всех малюсеньких, все решительно, и общие директивы, вплоть до назначения ответственных руководителей…» (12 съезд РКП (б), стенограф, отчет, М., 1923, стр. 472).

И все-таки управление этими «независимыми» советскими республиками давалось не так легко даже такому общепризнанному вождю как Ленин и такому изобретательному его ученику как Сталин. Но вот курьез: все «независимые» советские республики, включая Украину и Белоруссию, всерьез начали считать себя хотя и советскими, но все же независимыми республиками. Сплошь и рядом игнорировались директивы центральных органов партии, назначаемых из Москвы партийных надзирателей в этих республиках вообще отводили. Все руководящие должности в республиках занимали представители местных народов, которые интересы своих народов ставили выше общих советских интересов. Власть наркомата национальностей во главе со Сталиным на них не распространялась. Если же Сталин как эксперт партии по национальному вопросу начинал предъявлять претензии на руководство «суверенными» республиками, то возникали серьезные конфликты между Москвой и местами. Их первым зачинщиком всегда бывал Сталин, претендовавший еще при жизни Ленина на роль ортодоксального ленинца, большего ленинца, чем сам Ленин. Однако став генсеком ЦК и пользуясь тем, что очень осторожный в национальном вопросе Ленин отсутствовал по болезни, Сталин решил разом покончить с коммунистическим суверенитетом советских республик УССР, БССР и ЗСФСР путем включения их всех в состав РСФСР на началах «автономии». Соответствующее постановление Оргбюро ЦК по докладу Сталина было принято 24 сентября 1922 г. Ленин опротестовал это решение на следующий же день и потребовал к себе в Горки все материалы комиссии Оргбюро ЦК по данному вопросу. Возник острый конфликт между Лениным и Сталиным, который мог бы стоить Сталину его поста генсека, если бы Ленин вернулся к руководству. В основе конфликта лежат не стратегические расхождения, а тактические разногласия. Недооцененный всеми ученик начал противопоставлять себя безгрешному до сих пор учителю.

Хитроумная тактика Ленина в национальном вопросе – русские большевики должны подчеркивать право нерусских народов на отделение от России, а национальные большевики, наоборот, должны подчеркивать право своих народов на присоединение к России – не сработала, когда революция стала фактом и «тюрьма народов» развалилась. Даже в тех краях, где большевики имели до революции своих сторонников (Прибалтика, Украина, Белоруссия, Закавказье), национальные большевики, которые выступали против своих независимых, на этот раз уже советских, государств в пользу Москвы, только разоблачали себя как врагов любой независимости и прямых агентов чуждой и враждебной народам большевистской Москвы. Ленин вовремя учуял опасность развала советской империи и сделал новый тактический поворот в национальной политике.

Когда на 8-ом съезде партии (1919) Бухарин и Пятаков хотели восстановить старый лозунг Ленина о том, что партия должна признавать право на самоопределение не наций, а только трудящихся классов ранее угнетенных народов, то Ленин поднял собственную диалектику на новую, высшую ступень. Эта новая, высшая диалектика была призвана угодить как национальным стремлениям в борьбе за независимость, так и коммунистическим целям интеграции. Ленин решил создать, как переходную форму к централизации, независимые советские социалистические государства во всех тех краях, где Красная Армия уничтожила возникшие ранее независимые национальные государства.

Однако новая «диалектика» оказалась палкой о двух концах. Обозначилась весьма

серьезная опасность совсем с неожиданной стороны: многие руководители советских «независимых» республик и всерьез начали играть роль «независимых», вызывающе игнорируя даже директивы ЦК. Это заставило Ленина раскрыть свои истинные карты. Произошло это на 10-ом съезде партии. Под руководством Ленина и по докладу Сталина по национальному вопросу съезд предрешил ликвидацию советских «независимых» республик. В резолюции съезда на этот счет говорилось: «Изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочно, ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны повелительно диктуют государственный союз отдельных союзных республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета». («КПСС в резолюциях», ч. I, стр. 557). Вот теперь впервые между Лениным и его экспертом по национальному вопросу Сталиным возникает политический спор: как, в какой форме и какими темпами осуществить на практике решение 10-го съезда партии. Исходный документ по данному вопросу составил Сталин. По предложению Политбюро от 10-го августа 1922-го года была создана комиссия Оргбюро под председательством генсека Сталина для составления проекта по созданию новой федерации из существующих советских республик: Украины, Белоруссии, Закавказской федерации и РСФСР. Сталин сам лично составил соответствующий проект, согласно которому все независимые советские республики входят в состав РСФСР на правах «автономии». Сталин разослал свой проект республикам на одобрение без ведома и решения ЦК. Белоруссия и Грузия отвергли проект Сталина. Украина заняла выжидательную позицию, так как среди руководителей Украины не было единодушия насчет проектируемой федерации. Тем временем Сталин прибег к своему излюбленному методу к аппаратному нажиму на «национал-уклонистов». Дело дошло до Ленина. В истории партии оно известно как «Грузинское дело». Партийные учебники и вся партийно-историческая литература до сих пор занимаются самой бесцеремонной просталинской и антиленинской фальсификацией действительной истории «Грузинского дела». Осветим его суть. Партийное подчинение в «независимых» республиках различалось между собой в отношении иерархии этого подчинения. Если славянские советские республики прямо подчинялись ЦК РКП (б), то в неславянских республиках партийно-административная лестница напоминала модель царского времени: над Кавказом было поставлено Кавказское бюро ЦК РКП (б) (при царе здесь было царское наместничество на Кавказе), а в Средней Азии было создано Среднеазиатское бюро ЦК РКП (б) (при царе здесь было генерал-губернаторство Туркестана). Национальные компартии в этих краях подчинялись не прямо ЦК в Москве, а вот этим его филиалам на местах. Поскольку во главе бюро ЦК стояли русские большевики или обрусевшие националы, то получалось, что вопреки всем решениям о «независимости» национальными республиками управляют не националы, а русские. Это звучит парадоксально, но факт: если во главе национальных окраин становился обрусевший национал, то он провопил открыто великодержавную политику против своей нации, чего не осмелился бы делать чисто русский коммунист. Таким великодержавником на Кавказе был Орджоникидзе, которого Ленин поставил во главе Кавказа в качестве секретаря бюро ЦК, переименованного в феврале 1922-го года в Закавказский крайком партии, подчинив ему центральные комитеты компартий Грузии, Армении и Азербайджана.

Серго Орджоникидзе сыграл в ранней истории партии выдающуюся роль, не уступающую роли Сталина до революции. Он был более близок к Ленину как его ученик в партшколе под Парижем, чем сам Сталин. Именно ему, Орджоникидзе, Ленин был обязан восстановлением и воссозданием большевистской партии в России накануне войны. В 1912-ом году он ездил по поручению Ленина в Россию, чтобы подготовить созыв знаменитой Пражской конференции партии 1912 года с участием делегатов из России, которых подобрал там он сам. На этой конференции был избран новый ЦК партии из семи человек, одним из которых был Орджоникидзе. Сталин не был в его составе, так как его кандидатура была отведена делегатами (его Ленин кооптировал позже). Орджоникидзе был поставлен во главе Русского бюро ЦК и вернулся обратно в Россию (фальсификаторы сталинской школы позже

писали, что Сталин был избран членом ЦК на конференции и якобы он, а не Орджоникидзе, возглавлял Русское бюро ЦК).

Сталин и Орджоникидзе – оба грузины по национальности – как человеческие и психологические типы были явными антиподами. В имперском большевике Орджоникидзе много сохранилось от грузинского дворянина, каким он был, – остатки кавказского рыцарства, честность, прямота, личное мужество, жертвенность – все те черты, которых начисто был лишен его будущий повелитель, поднявшийся с грузинского дна – Коба-Джугашвили, но как раз Сталин умел использовать честный характер людей в своих уголовных целях. Сталин впоследствии превзошел в глазах Ленина своего земляка в силу тех качеств, которых не доставало Орджоникидзе: Сталин был коварен, бесчеловечен и властен. Ленин точно знал, что Сталин способен на выполнение любых его заведомо античеловеческих заданий, вплоть до убийств «врагов революции», как это он доказал не только во время «эксов» на Кавказе, но и во время гражданской войны на фронтах.

Но именно этих качеств в характере Сталина Ленин испугался теперь, в период мирного строительства, когда от голых массовых репрессий надо было переходить, как он выражался, к «культурничеству», к мирным средствам, особенно, когда дело имеешь с таким сложным социальным комплексом как нерусские народы.

Ничего не было так чуждо Сталину как «мирные средства», когда это касалось политики вообще и национального вопроса, в особенности. Большое рвение в этом Сталин проявил в близких ему закавказских, в частности, грузинских делах. Это было не случайно. Грузинские старые большевики хорошо знали не только подвиги Кобы по организации эксов, но и его уголовные преступления, его интриги против собственных товарищей в борьбе за руководство в дореволюционном Кавказском союзном комитете, вплоть до прямого сотрудничества с царской полицией, чтобы убрать своих конкурентов по руководству (например, арест Шаумяна в 1908 году в Баку по доносу Сталина). Так вот, пока эти старые большевики руководили кавказскими и грузинскими правительствами, карьера Сталина в Москве находилась под вечной угрозой. Отсюда постоянные интриги Сталина против них, чтобы дискредитировать их в глазах Ленина. Дело дошло до того, что агенты Сталина пустили в ход сочиненные ими от имени грузинского правительства «проекты законов», согласно которым советская Грузия ограждает себя от других советских республик «кордонами», вводит высокий тариф за использование Батумского порта, более того – советская Грузия якобы готовит закон, по которому грузинкам запрещается вступать в брак с русскими. Эти фальшивки были разоблачены на 12-ом съезде «уклонистами». На основании таких фальшивок собственного изобретения Сталин и создал знаменитое «Грузинское дело», объявив почти весь состав ЦК и правительства Грузии «национал-уклонистами». Сталин утверждал, что их руками Грузией управляют «меньшевики» и грузинские «князья». Чтобы подготовить разгром «национал-уклонистов», Сталин трижды отправлял комиссии ЦК РКП (б) в Тифлис для сбора дискредитирующих их материалов, включая в эти комиссии своих личных сторонников – Дзержинского, Куйбышева, Каменева. Но даже такие комиссии оказались не в состоянии собрать какие-либо факты против мнимых «уклонистов», а Сталин свирепствовал все больше. Вот тогда и вмешался в это дело Ленин.

IV. Разногласия между Лениным и Сталиным по национальному вопросу

Своей жизненной миссией после завоевания власти над Россией Ленин считал проведение в этой гигантской и многонациональной стране двух беспримерных в истории экспериментов: во-первых, построить бесклассовое социалистическое общежитие, опираясь на прямое насилие («диктатура пролетариата») и, во-вторых, создать из более 190 народов и народностей разных рас, языков и религий одну единую коммунистическую нацию с единым языком и единой атеистической верой, опираясь на косвенное насилие (идеологическая перековка, языковая ассимиляция, «интернационализация» рас и семей). За пару лет перед смертью Ленин понял всю утопичность этой миссии. «Военный коммунизм», задуманный

Лениным по его же признанию как непосредственный переход к социализму, был похоронен под грохот орудий кронштадтских матросов, крестьянского восстания в Тамбове, под явной угрозой нового восстания авангарда революции рабочих Петрограда. Вот слова Ленина от 17 октября 1921. года с откровенным признанием провала своей социалистической утопии, весьма актуально звучащие как раз сегодня: «Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение… Если мы эту задачу пробовали решить прямиком, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу… Не удалась лобовая атака, перейдем в обход. Будем действовать осадой и сапой» (Ленин, т. 33, стр. 47).

Тяжелое разочарование потерпел Ленин также и в своих попытках «лобовой атакой» разрешить национальный вопрос в советской России. Переименовав бывшую Российскую Империю в РСФСР, Ленин считал само собой разумеющимся, что все нерусские народы войдут в эту РСФСР. Однако национальные коммунисты Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана, соратники и ученики того же Ленина, предпочли остаться вне РСФСР и создать свои собственные суверенные советские социалистические республики со своими границами, правительствами, парламентами, собственными компартиями. Конечно, национальные компартии были подчинены московскому общепартийному центру ЦК РКП(б) во главе с Лениным, но местные правительства не подчинялись правительству РСФСР. Разумеется, Ленин и в мыслях не допускал, что этот условный суверенитет местных республик может стать длительным состоянием. Вся проблема с нацреспубликами сводилась к тому, как их присоединить к РСФСР, чтобы такое присоединение не выглядело как их поглощение или аннексия новой Россией, хотя и советской.

Национальные коммунисты нерусских советских республик, приняв тактическую концепцию Ленина за его истинную программу в национальном вопросе, почти единодушно держали курс на переход от условного суверенитета к полному суверенитету своих республик во всех областях государственной жизни, кроме обороны и внешней политики, которые координировались с Москвой особыми союзническими договорами. Политической и юридической базой здесь служили, кроме сочинений Ленина, решения высших руководящих органов партии – Апрельской конференции 1917 года, VIII съезда партии 1919 года, Х съезда партии 1921 года по национальному вопросу. Решения Десятого съезда партии на этот счет были очень определенны и весьма конкретны. Вот что говорилось в резолюции Х съезда о национально-государственном строительстве в нерусских советских республиках: в отношении нерусских народов «политика царизма состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять их язык, русифицировать их… Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам нерусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им:

а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке – суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных; в) развить у себя прессу, школу, театр… на родном языке» («КПСС в резолюциях», ч. 1, М., 1953 г. стр. 559). Поняв эти решения буквально, национальные республики приступили к возрождению национальной культуры, науки, искусства, национальной экономики, к созданию национальных воинских формирований, к решительной и всеобщей «коренизации», по выражению Сталина, всех видов органов власти и ее аппарата на всех уровнях.

Вот тогда только советский тоталитарный империализм показал свое истинное лицо: великодержавно-коммунистический аппарат Москвы нашел, что под видом «коренизации» в советских национальных республиках, под видом украинизации и белорусизации на советской Украине и Белоруссии, к власти начали приходить местные националисты: национал-уклонисты в Грузии, «боротьбисты» на Украине, «нацдемовцы» в Белоруссии, пантюркисты в Татаро-Башкирии и Туркестане. Началась широкая кампания против тех национальных коммунистических кадров, которые, ссылаясь на названные решения партии, продолжали сопротивляться великодержавникам из московского центра. Сталин, ставший

тем временем генсеком, решил дать устрашающий урок всем местным националистам тотальным разгромом «национал-уклонистов» Грузии. Более того, пользуясь болезнью Ленина, который по решению Политбюро не должен был получать информацию о текущей политике, Сталин решил одним партаппаратным актом покончить с суверенитетом всех советских республик, включив их в РСФСР. Однако, Ленин, информированный тем временем его соратниками из Грузии, названными Сталиным «национал-уклонистами», – Буду Мдивани, Филиппом Махарадзе и другими, почувствовал, что Сталин играет с огнем и угрожает целостности созданной большевиками новой империи. По словам секретарши Ленина Фотиевой, Ленин готовил бомбу против Сталина на XII съезде, но заболев, мог написать только статью по национальному вопросу против него. Статья Ленина называлась «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Ленин ее писал для газеты «Правда». Сталин и его тогдашние горе-союзники Зиновьев и Каменев отклонили статью Ленина. Ленин написал также «Письмо к съезду», адресованное предстоящему XII съезду, в котором требовал снятия Сталина с поста генсека, но оно не было оглашено на съезде. О существовании этих документов Ленина партия и страна узнали только после смерти Сталина, на XX съезде партии, на котором были разоблачены его преступления.

Как мы уже обещали, остановимся вкратце на этой статье Ленина. Я уже упоминал, но подчеркну еще раз: по национальному вопросу в советском государстве стратегических расхождений между Лениным и Сталиным не было. Расхождения касались только тактики, методов имперской политики и темпов денационализации национальностей. Ленин стоял за медленную, более мирную, чем насильственную, ассимиляцию нерусских народов. Сталин преследовал ту же цель, только в форсированном порядке, больше полагаясь на аргументы насилия, чем на убеждения. Ленин хорошо понимал, как глубоко враждебны национальным чаяниям нерусских народов интернациональные цели его коммунистической программы. Понимал он также и то, что среди нерусских коммунистов есть не только обрусевшие националы с имперским или интернациональным мышлением, как Сталин, Орджоникидзе, Дзержинский, но в большинстве своем коммунисты окраин – национально мыслящие коммунисты, особенно те, которые вступили в партию после большевистской революции. На них собственно и держалась советская власть на местах. В этих условиях план Сталина включить механически эти все еще легально и формально суверенные республики в состав РСФСР на правах «автономизации» Ленин считал прямо-таки авантюрной затеей, чреватой большими опасностями. Ведь план Сталина разоблачал на деле всю философию о равенстве и суверенитете народов России. Нужно было найти новую форму федерации номинально «равных» и по-прежнему «суверенных» народов. Сначала отвергнув план «автономизации» Сталина как порочный и опасный, Ленин предложил назвать новое объединение «Союзом советских республик Европы и Азии». Потом сам же забраковал это название, найдя его слишком узким и региональным в свете своих мировых целей по созданию, как Ленин выражался, «Мировой советской республики». Ленин нашел и поныне существующую, регионально и этнически неограниченную, глобальную формулу объединения советских государств – «Союз Советских Социалистических Республик», куда по замыслу Ленина могут вступить государства любых континентов и национальностей Европы, Азии, Африки, Америки, Австралии, Океании.

Дальнейшему изложению разногласий между Лениным и Сталиным по данному вопросу надо предпослать одно важное замечание. Ленин был неправ, когда он осуждал недостойные и нечестные методы Сталина. Вина Сталина заключалась в том, что он был более последовательным проводником в жизнь моральной философии Ленина, чем сам Ленин. Стоит напомнить эту философию. На Третьем съезде комсомола в 1920 году, как бы комментируя макиавеллиевскую философию своей книги «Детская болезнь "левизны" в коммунизме», Ленин учил советскую молодежь: коммунисты не при знают то, что принято называть общечеловеческой моралью, для коммунистов мораль и нравственность – категория классовая, для коммунистов морально все, что помогает интересам их борьбы за диктатуру пролетариата. В этой борьбе, утверждал Ленин, допустимы любые методы и

приемы, если они поставлены на службу основной стратегической цели завоеванию пролетариатом власти. Утонченное коварство и заведомую ложь Ленин считал вполне допустимыми и легальными средствами в политической борьбе с той единственной оговоркой, что все это должно служить интересам коммунизма. Но Ленин глубоко ошибался, принимая Сталина за коммуниста. Сталин стремился не к строительству коммунизма, а к увековечению государства под своей личной диктатурой. Поэтому, строго следуя его же учению, Сталин начинает применять тактические принципы ленинизма уже внутри партии в борьбе за власть не только против своих соперников в Кремле, но и в национальных квазисуверенных республиках, прибегая к тем же «уловкам», «хитрости», коварству и лжи, о дозволенности которых идет речь в указанной книге Ленина. Ведь цель у Ленина не личная власть, а гармония центральной власти с «суверенными» национальными республиками. Поэтому Ленин опасается, что чрезмерное усердие Сталина «стать ленинцем больше, чем сам Ленин» (это выражение о своих усердствующих учениках употребил сам Ленин) может привести к развалу еще не укрепившейся советской империи. Насколько ясно работал ум Ленина в этом отношении даже при смертельной болезни показывают уже упомянутые его последние документы. Почти все они посвящены Сталину и национальному вопросу. Ленин начал свое наступление против Сталина в письме в Политбюро, которое носит собственно тактический характер. В письме сказано: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами. Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский, украинец, грузин и т. д.» (Ленин, 4 изд., т. 33 стр. 335). Существо разногласия Ленина со Сталиным изложено в уже упомянутой статье: «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», состоящей из ряда его «записок». Ленин был возмущен не столько тем, что Орджоникидзе управлял Закавказьем как царский наместник, но еще тем, что Орджоникидзе в присутствии Рыкова дал пощечину «уклонисту» А. Кабахидзе, назвавшему его «сталинским ишаком», а Сталин, вместо того, чтобы осудить поведение Орджоникидзе, демонстративно поддержал действие Орджоникидзе, более того, решением комиссии ЦК РКП(б) во главе с Дзержинским осуждению подвергся не Орджоникидзе, а Мдивани. По этом поводу Ленин писал: «Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея "автономизации" в корне была неверна». В великорусском шовинистическом походе против Грузии Ленин обвиняет обрусевших инородцев – Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе. При этом он замечает: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения». Кончая свои записи по поводу поведения в Грузии двух руководящих грузин, действовавших по его же собственному мандату, Ленин добавляет: «В данном случае по отношению к грузинской нации мы имеем типичный пример того, где сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуются с нашей стороны… Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в "социал-национализме" (тогда как он сам является настоящим и истинным не только "социал-националом", но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности». (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 356–360).

Как раз этим грузинским большевикам, которых Сталин обвинял в «социал-национализме» и «национал-уклонизме», Ленин пишет 6 марта 1923 года следующее письмо: «Товарищам Мдивани, Махарадзе и другим. Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речи. С уважением. Ленин» (ПСС, т. 54, стр. 330).

Ленин требовал от Пленума ЦК исключить Орджоникидзе из партии, наказать Дзержинского, а от предстоящего XII съезда партии он потребовал снятия Сталина с поста генсека. Боясь, что болезнь ему не позволит выступить на пленуме ЦК, Ленин пишет Троцкому:

«Строго секретно. Лично.

Уважаемый т. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК. Дело это сейчас находится под преследованием Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять его защиту, то я бы мог быть спокойным» (Ленин, ПСС, т. 54, стр. 329).

Ленин предлагал Троцкому «блок Ленина – Троцкого» для ликвидации Сталина и его фракции. Это уже доказывало, какой огромной партаппаратной силой только за один год стал генсек Сталин, если для его свержения Ленин предлагает создать «блок Ленина – Троцкого». Однако, Троцкий, который всегда был храбрым на словах против Сталина, когда требовалось действовать, да еще в блоке с самим Лениным, проявил политическую беспомощность, тяжкую по своим трагическим последствиям для миллионов. Да этим еще и хвалился. Вот что Троцкий говорил союзнику Сталина Каменеву: «Имейте в виду и передайте другим, что я меньше всего намерен поднять на съезде борьбу ради каких-либо организационных перестроек. Я стою за статус-кво… Я против ликвидации Сталина, против исключения Орджоникидзе, против снятия Дзержинского. Не нужно интриг. Нужно честное сотрудничество» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 224).

Выходит, что «интригами» занимается не Сталин со своей компанией, а Ленин, требующий изгнания и наказания этой компании. Таким образом, когда Троцкий присоединился по существу к антиленинской «тройке» в Политбюро – к Сталину, Зиновьеву, и Каменеву, XII съезд партии в апреле 1923 г., за девять месяцев до смерти Ленина, стал первым сталинским съездом, который пошел против воли Ленина в двух решающих для него вопросах. А именно: 1) «Тройка» скрыла от XII съезда «Политическое завещание» Ленина в виде его «Письма к съезду», в котором Ленин требовал снятия Сталина; 2) «Тройка» плюс Троцкий отказались как огласить на съезде, так и выполнить требования Ленина из цитированной статьи «К вопросу о национальностях и автономизации» о наказании Дзержинского и Орджоникидзе. Съезд осудил не Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского, а Мдивани, Махарадзе, Цинцадзе, Окуджаву и других «национал-уклонистов». Кто же оказался в этом споре прав – Ленин или Сталин? Ленин хотел мирным путем добиться коммунистической интеграции нерусских народов в единую нацию с русским народом. Сталин хотел того же самого, но путем ортодоксально ленинским, то есть методами «диктатуры пролетариата». Сталин, знавший нерусские народы, хотя бы на опыте Кавказа, лучше, чем Ленин, был убежден, что Ленин ударился в утопию, думая, что слияние наций может быть осуществлено методом убеждения. Именно в данном случае Сталин был больше ленинцем, чем сам Ленин. В самом деле, мы уже знаем, что для Ленина интересы социализма выше национальных интересов, а сам национальный вопрос – не главный вопрос в его революционной стратегии, а побочный вопрос, вопрос тактики, а не программы. Сталин был верен ленинизму, когда он писал: «Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 47). Поэтому национальный вопрос в многонациональной социалистической империи нельзя, по Сталину, разрешить иначе, как революционными методами «диктатуры пролетариата». Действительно, во всех своих выступлениях Сталин связывает окончательное решение национального вопроса не с методом убеждения, как этого требовал Ленин, а с методом насилия, как этого требует ленинизм. Ленин вступил в противоречия с квинтэссенцией своего учения, а именно с теорией и практикой пролетарской революции и диктатуры пролетариата, полагая, что можно заставить нерусские народы отказаться от своей тысячелетней национальной аутентичности, не прибегая к методам диктатуры. В этом Сталин увидел непоследовательность Ленина и в своем письме к членам Политбюро назвал Ленина за это «национал-либералом». Что Сталин исходил в своей стратегии из общего учения Ленина покажет пара цитат из Ленина о «диктатуре пролетариата». Вот определение Ленина, что такое «диктатура пролетариата»: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» (т. XXV, стр. 441), У

Ленина есть и «синтетическое» определение «диктатуры пролетариата», которое допускает альтернативный выбор методов – мирных и немирных. Вот оно: «Диктатура пролетариата – есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная против сил и традиций старого общества» (там же, стр. 190).

Сталин выбрал из этой альтернативы кровавый, насильственный, военный и административный методы и этим спас режим ленинизма не только в национальных республиках, но и в России. В защиту Сталина надо сказать, что он слишком буквально понимал характерные для Ленина пустые иной раз угрозы. В записках и распоряжениях Ленина нередко говорится, что в правящую партию по большей части идут карьеристы, которые заслуживают того, чтобы всех их «расстреляли», или в период нэпа – появились «сменовеховцы», которых надо поставить к стенке, или бывшие царские чиновники, белогвардейцы и бывшие меньшевики с эсерами саботируют советские мероприятия, – их всех надо «загнать в тюрьму»!

Сталин пустых слов не говорил, но косил всех людей этих категорий еще до того, как стал генсеком. С чего же этот самый Ленин решил, что надо цацкаться с грузинскими «националистами», «меньшевиками» и «князьями», – думал Сталин. Сталин – Ленин, доведенный до логического конца, – был по-своему прав.

V. Национальный вопрос на XII съезде партии

Сталин и сталинисты, как и их наследники, всегда были и остаются великорусскими идеологами в своей национальной политике, по сравнению с которыми русские цари и их идеологи Уваровы, Победоносцевы и Пуришкевичи были сущими дилетантами. Разница здесь между царской и советской Россией заключается в том, что цари и их министры в своей внутренней и внешней политике были искренни и честны, называя вещи своими именами, а большевики и их лидеры вынуждены маскировать свою империалистическую политику интернациональной фразеологией (классический пример: по словам Кремля, советская армия ведет в Афганистане не колониальную войну, а выполняет «интернациональный долг» или, еще циничнее, оказывает афганцам «братскую помощь», практикуя там варварское народоубийство). Расхождение между Лениным и Сталиным по национальному вопросу состояло в том, что Ленин предпочитал для успеха своей стратегии проводить большевизацию национальных окраин национальными, а не русскими руками. Ленин поэтому предлагал передать всю местную власть в руки националов, ликвидируя там видимость русского присутствия. Иначе, писал Ленин, «свобода выхода (этих республик) из СССР окажется пустой бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса, шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 361).

Это, прямо-таки, гениально-пророческая характеристика всей послеленинской национальной политики партии. В глазах Ленина, из-за великодержавной практики Сталина настолько грозной стала опасность гибели советской империи, что он прямо потребовал вернуться к исходной позиции, существовавшей до создания СССР – до 30 декабря 1922 г. Вот его слова: разработать «детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике. Причем не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, то есть *оставить Союз Советских Социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов»* (там же, стр. 362, курсив мой – А. А.).

Ленин откровенно пишет, что нечего говорить о борьбе против западного

империализма, если мы дома заводим свой собственный *советский империализм*. Вот слова Ленина: «Одно дело необходимость сплочения против империалистов Запада… Другое дело, когда мы сами попадаем в империалистические отношения к угнетенным народностям, подрывая этим совершенно всю свою принципиальную искренность, всю свою принципиальную защиту борьбы с империализмом» (там же). ЦК согласился с требованием Ленина обсудить и решить национальный вопрос на XII съезде в апреле 1923 года. Доклад по этому вопросу собирался делать сам Ленин. (Уже одно поручение Сталину сделать доклад по национальному вопросу на этом съезде было прямым издевательством ЦК над своим больным вождем.) Поскольку статья Ленина по национальному вопросу, вопреки желанию «тройки», стала достоянием делегатов съезда (по требованию секретарей Ленина она была оглашена на неофициальных встречах делегаций съезда), то Сталину ничего не оставалось, как повторить политические установки Ленина, тщательно обходя факты великодержавной политики своей группы в Грузии, против которой статья была направлена. Сталин вынужден был заявить, что опасность великорусского шовинизма существует не только в партии, но и в ЦК; так как Сталин себя и свою группу причислял к истинным ленинцам в данном вопросе, то никто не понял, кто же тогда в ЦК великорусские шовинисты?

Пикантно, что для подтверждения этого тезиса Сталин сослался не на Ленина, а на авторитет белогвардейского профессора Устрялова и его «сменовеховцев», мнение которых, впрочем, вполне подтверждала практика шовинистов из группы Сталина. Вот соответствующее место из доклада Сталина: «Не случайно, что господа сменовеховцы похваливают коммунистов-большевиков, как бы говоря: вы о большевизме сколько угодно говорите, о ваших интернациональных тенденциях сколько угодно болтайте, а мы-то знаем, что то, что не удалось устроить Деникину, вы это устроите, что идею великой России вы, большевики, восстановили, или вы ее, во всяком случае, восстановите! Не случайно и то, что даже и в некоторые наши партийные учреждения проникла эта идея». Что же касается обвинения со стороны Ленина, что в этой великорусской идее и практике виновата группировка самого Сталина, то его Сталин обошел полным молчанием.

Более того, Сталин прямо пошел против установок Ленина насчет «социал-национализма», утверждая, что кроме русского великодержавного шовинизма есть еще опасность и «местного национализма», представителями которого в Грузии являются якобы грузинские «национал-уклонисты» во главе с Мдивани. Сталин доказывал не только вопреки фактам, но даже и здравому смыслу, что эти «национал-уклонисты» хотят установить господство грузин над всем Закавказьем. Увы, как выяснилось после, одному грузину – Сталину – оказалось куда легче установить свое личное господство над всей Россией, чем всем грузинам вместе владеть Кавказом.

В позитивной части своего доклада Сталин выдвинул требование, прозвучавшее для угнетенных народов весьма обнадеживающе, но на деле противоречащее целям коммунизма, а потому и нереальное, – требование о создании своей собственной национальной экономики в каждой национальной республике. Вот как Сталин обосновывал это положение: «На школах тут далеко не уедешь… Но фактическое неравенство остается основой всех недовольств и всех трений… Необходимо, чтобы кроме школ и языка… на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках, а отстали они потому, что их рассматривали раньше, как источники сырья, – необходимо добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности» (Сталин, Сочинения, т. 5). Всем известно теперь, как сам Сталин осуществлял это программное требование партии. Как в старой империи, так и теперь, национальные окраины, оставаясь во многом источниками сырья, становятся дополнительно и сферой экспансии централизованного капитала, в связи с чем происходит заселение национальных окраин колонизаторами в виде руководителей промышленности и мастеров производства. Это привело к тому, что в некоторых азиатских республиках коренное население составляет меньшинство, а в балтийских республиках соотношение между местным населением и пришельцами резко меняется в пользу имперского элемента. Что касается развития национальной экономики, то ее объекты в

национальных республиках строятся, только если они запланированы в местных бюджетах, одобренных Москвой. При этом центральное планирование общесоюзных и республиканских промышленных объектов ведется с таким расчетом, чтобы ни в одной из союзных республик, кроме РСФСР, не создалось чего-то вроде внутринациональной экономической «автаркии», при которой та или иная республика могла бы самостоятельно существовать, если ей представится возможность выхода из России. Однобокое развитие индустриальных оазисов в национальных республиках, к доходам которых они не имеют никакого отношения, особенно, если речь идет о природных богатствах, должно создать в них вечную экономическую зависимость, во-первых, друг от друга, во-вторых, и это главное, от метрополии.

Вернемся к съезду. Прения по докладу Сталина велись со стороны «уклонистов» с большим тактом и в полном согласии с Лениным. Прения со стороны сторонников Сталина были агрессивными и вызывающими по своей антиленинской направленности, ибо как «тройка», так и ее последователи были убеждены, что Ленин уже больше не вернется к власти и поэтому им ничего не грозит. Но имя Ленина с его непререкаемым авторитетом в партии им было нужно, поэтому они всегда ссылались на него, когда даже намеренно фальсифицировали его идеи.

Поскольку критика Лениным Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского была столь же обоснована, сколь для них и опасна, то группа Сталина объявляет эту критику фантазией больного человека, к тому же ставшего жертвой «дезинформации уклонистов». Остановимся сначала на выступлениях «уклонистов». Первым на съезде выступил сам лидер «уклонистов» Буду Мдивани, которого Сталин вместе со своими единомышленниками отозвал из Грузии и посадил на ученическую скамью курсов марксизма при Комакадемии. Буду Мдивани, несмотря на все издевательства сталинцев над ним, вплоть до пощечины со стороны Орджоникидзе, был в своем выступлении по форме сдержан, а по существу дела весьма решителен. Имея в виду письмо Ленина, он сказал: «По национальному вопросу были разногласия, и эти разногласия решены теперь в пользу нашей группы. Группа эта существует, политика ее должна проводиться там, а люди остаются здесь. Так что же т. Сталин, политика для лиц или лица для политики?». Центральным пунктом своего выступления Мдивани, с одной стороны, сделал письмо Ленина против великорусского шовинизма Сталина, а, с другой, кампанию Сталина против «великогрузинского шовинизма» «уклонистов». Мдивани сказал:

«У нас существует школа Ленина по национальному вопросу, которая раз и навсегда разрешила национальный вопрос… Многие наши товарищи не отвергли национальную программу, а отодвинули в сторону… Один из членов ЦК заявил, что национальный вопрос для нас – вопрос тактики… Нам нужно то, чему нас всегда учил т. Ильич и к чему нас призывал в последних своих письмах, *известных съезду* только через отдельные делегации… В письмах Владимира Ильича очень твердо и выразительно сказано как раз то, из-за чего мы боролись.

Реплика Орджоникидзе: Гении.

Мдивани: Нет, мы не гении, у нас имеются другие, возведенные в сан гениев… Мне приходится возражать, чего я не думал, и докладчику. Товарищ докладчик очень много места уделил Грузии и грузинскому шовинизму.

Реплика Сталина: В знак особого уважения!

Мдивани: Спасибо, т. Сталин. Но разрешите мне в знак "особеннейшего" уважения напомнить вам кое-что из прошлой нашей жизни…».

И Мдивани рассказал обо всех ущемлениях и интригах в Грузии против грузинских национальных меньшинств (аджарцев, абхазцев, южных осетин и т. д.), которые предпринимались по приказу самого Сталина. Мдивани добавил: «Когда это делается с распоряжения Сталина, то я должен сказать: слушаюсь, товарищ Сталин!» (XII съезд РКП(б). Протоколы. М., 1923 г., стр. 456–457). Мдивани заключил речь словами: «Да, мы все советское объединение! Дайте в это советское объединение самые главные комиссариаты,

определяющие нашу внешнюю политику, защиту нашей республики. Отдайте этим отдельным национальностям другие комиссариаты, где они могут проявить свою волю, свое умение хозяйничать, свое умение творить новую жизнь» (там же, стр. 455, 458).

Бедный Буду Мдивани! Активный большевик еще с тех времен, когда Сталин якшался с грузинскими меньшевиками, завоеватель Грузии, во главе Красной Армии сокрушивший республику меньшевиков, автор знаменитого тогда каламбура: «Я буду не Буду, если через неделю в Тифлисе не буду», ученик Ленина и его первый наместник в советской Грузии, – этот Буду Мдивани никак не мог понять, что тот член ЦК (возможно Сталин), который говорил, что для большевизма национальный вопрос есть вопрос тактики, был глубоко прав, а он, Мдивани, требуя сохранения суверенитета республик, шел против воли партии, ставшей за какой-нибудь год на открыто шовинистическую позицию своего генсека, против которого оказался беспомощным сам Ленин. Это особенно ярко продемонстрировали в своих речах на съезде те старые большевики, которых Сталин успел завербовать в свою сеть.

У Сталина был исключительный дар подкупать людей: равных себе – лестью, стоящих ниже – обещанием блестящей карьеры. Свою способность льстить соратникам Сталин доказал во время болезни Ленина. Готовился XII съезд партии. Политбюро, как обычно, поручает Ленину сделать на съезде политический отчет ЦК. Но выясняется, что болезнь не позволит Ленину выступить на съезде. Тогда Сталин предлагает Троцкому выступить вместо Ленина, мотивируя свое предложение тем, что наиболее популярным вождем партии после Ленина является именно Троцкий. Троцкий отказывается, выдвигая политически наивный аргумент – «Я не хотел, – говорит Троцкий, – чтобы партия подумала, что я претендую стать наследником Ленина». Предложение Сталина было завуалированной лестью истинного претендента на ленинский престол, с целью дезориентировать своего главного конкурента. С той же целью и с тем же мотивом Сталин сделал предложение Зиновьеву, который открыто претендуя как глава Коминтерна, на роль второго после Ленина вождя партии, тотчас же оценил скромность Сталина и принял предложение. Расположил к себе Сталин и третьего претендента на трон Ленина – Каменева, предложив ему открыть съезд вступительным словом и закрыть его заключительным словом. Эту роль до сих пор также выполнял Ленин. Этими лестными предложениями ведущим членам Политбюро Сталин добился своей ближайшей цели: Троцкого нейтрализовал, а Зиновьева и Каменева окончательно перетянул на свою сторону с тем, чтобы избежать, несмотря на требование Ленина, оглашения на съезде его статьи по национальному вопросу и «Политического завещания». Да и подготовил Сталин свой первый съезд в качестве генсека с такой основательностью в расстановке активных сил и резервов, что ему мог бы завидовать сих дел мастер – сам Ленин, если бы на нем участвовал. Это было наглядно продемонстрировано и на самом XII съезде, когда Сталин громя позицию Ленина по национальному вопросу, выдавал это за ее защиту. Свою способность подкупать людей обещанием карьеры – Сталин продемонстрировал уже в своем организационном отчете о работе ЦК. Он обещал тем молодым партийным деятелям, которые умеют думать «независимо», членство в ЦК партии, путем расширения его состава. Идею расширения ЦК выдвинул сам Ленин в своих «Записках» по организационному вопросу, которые «тройка» – Сталин, Зиновьев, Каменев – утаила от съезда. Сталин выдал ленинскую идею за свою собственную, умолчав, что Ленин предложил расширение состава ЦК за счет рабочих, а не партаппаратчиков: «Есть один вопрос о расширении ЦК… Пора подумать о том, чтобы выковать новую смену. Для этого есть одно средство – втянуть в работу ЦК новых, свежих работников и в ходе работы поднять их вверх, поднять наиболее способных и независимых, имеющих головы на плечах» (там же). Каждый сидящий в зале делегат съезда знал, что в историческом споре Сталина с Лениным только тот делегат имеет шансы попасть в расширенный ЦК, кто по национальному вопросу имеет просталинскую «голову на плечах». Такими оказались во время прений почти все ораторы, кроме «уклонистов» и трех членов ЦК. Всех участников прений было 11 человек, в числе которых три «уклониста» (Мдивани, Махарадзе, Цинцадзе), пять сталинцев (Орджоникидзе, Орахелашвили, Енукидзе, Стуруа, Ахундов) и три члена ЦК (Бухарин, Радек и Раковский).

Кроме уже цитированной речи Мдивани, из остальных речей заслуживают внимания выступления Раковского, Енукидзе и Бухарина.

Речь председателя Украинского правительства Раковского против сталинской политики великорусского шовинизма прозвучала в ушах Сталина, как гром среди ясного неба. Почему это было так, объясняет в своей ценной работе «Национальная политика КПСС» участник событий тех времен украинский публицист Иван Майстренко: «Раковский, европейский левый социалист, родом болгарин из румынской Добруджи. Из румынской тюрьмы его освободили русские войска во время революции 1917 г. С этого времени он присоединился к большевикам. Одно время занимал ярко антиукраинскую позицию, не признавал даже украинского языка. За это был назначен Москвой председателем Совнаркома советской Украины. Но в процессе своей работы на Украине Раковский убедился в своих антиукраинских ошибках. Пришел к выводу, что советской власти угрожает великодержавный шовинизм и перерождение в новую «единую и неделимую Россию»» (стр. 89). Раковский начал речь с того, что выразил свое сожаление о том, что нет на съезде Ленина, который «своим авторитетным словом громко ударил бы по нашей партии и показал ей, что она в национальном вопросе совершает фатальные ошибки… Когда я смотрю на спокойствие, с которым в особенности русская часть нашей партии относится к спорам по национальному вопросу… я тревожусь за судьбу нашей партии… Некоторое время мы питали надежду накануне съезда, что национальный вопрос, как предполагал Ильич, станет центром нашего съезда, а он стал хвостом нашего съезда… Дело в том, что наши центральные органы начинают смотреть на управление страной с точки зрения их канцелярских удобств. Конечно, неудобно управлять двенадцатью республиками, а вот если бы все это было одно, если бы, нажав на одну кнопку, можно было управлять всей страной, – это было бы удобно… Центральным органам дано в десять, в двадцать раз больше прав, чем они имели раньше, до создания союзной Конституции… После первого союзного съезда Советов они стали хозяевами всей нашей жизни… *Нужно отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам…* Уездный исполком больше знает свои права, чем национальные республики. Союзное строительство пошло по неправильному пути. Как вам известно, это есть мнение не только мое, это есть мнение Владимира Ильича» («XII съезд РКП(б)…», стр. 529, 532).

Когда внимательно анализируешь материалы XII съезда, то поражают следующие факты: несмотря на категоричность требований Ленина по национальному вопросу, несмотря на неоспоримость указанных Лениным фактов великодержавно-шовинистической политики Сталина, Дзержинского, Орджоникидзе, несмотря на безоговорочную поддержку Лениным политики Мдивани и его группы в Грузии, обсуждение национального вопроса группа Сталина ведет с открыто антиленинских позиций. Это тем более странно, что статья Ленина по национальному вопросу была известна всем делегатам съезда, так как ее огласили на заседаниях отдельных делегаций. К тому же Ленин еще был жив. Открывая съезд, Каменев заверил, ссылаясь на медицинские авторитеты, что есть все шансы, что Ленин преодолеет свой недуг. Но тогда спрашивается, почему так бесцеремонно издевались сталинцы над Лениным, сознательно фальсифицируя его документы? Единственный ответ на это я вижу в убеждении Сталина, что Ленин обречен на смерть. Может быть, даже прав был Троцкий, когда писал, что Сталин дал яд умирающему Ленину, который Ленин, по заявлению в Политбюро самого Сталина, просил у него, чтобы избавиться от тяжких болей. Отрицать способность к этому Сталина было бы сверхнаивно. Остановимся теперь на некоторых антиленинских выступлениях на съезде. Одно такое выступление Сталин поручил секретарю ЦИК СССР грузину Енукидзе. Вот его главные тезисы:

1) Вопросы, поднятые Лениным, не имеют значения для Грузии или Украины, а только для нашего международного положения (то есть, иначе говоря, все это Ленин писал в пропагандистских целях для заграницы);

«Много здесь было нареканий, что политика Орджоникидзе была политикой насилия, политикой Держиморды. Это слово значится и в письме т. Ленина… На самом деле

Орджоникидзе проводил политику ЦК» (иначе говоря, Орджоникидзе действовал так по приказу самого Ленина);

«Теперь о письме т. Ленина. Тут т. Мдивани ежесекундно склонял имя т. Ильича и он хотел создать впечатление, что т. Ленин будто специально написал это письмо, чтобы поддержать товарищей уклонистов и оправдать их политику…»

Реплика Бухарина: Конечно, с этой целью.

Енукидзе: Не с этой целью, т. Бухарин.

В отношении критики Ленина против Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского Енукидзе самоуверенно заявил: «т. Ленин сделался жертвой односторонней неправильной информации» (там же, стр. 537–541).

Реплика Мдивани: Отчего не опубликовывают письмо?

Тогда ни Енукидзе, столь развязно защищавший Сталина, за что Сталин потом отблагодарил его пулей в затылок, ни тем более Буду Мдивани не знали, что существовало не одно, а целых три письма Ленина, и все они были направлены против Сталина. Кроме письма по национальному вопросу, существовали два других письма Ленина – одно, так называемое «Политическое завещание» Ленина от 24–25 декабря 1922 г. с припиской 4 января 1923 года. В этом письме, как стало известно после XX съезда 1956 г., стояло требование Ленина снять Сталина с поста генсека.

Впервые «Завещание» Ленина было опубликовано в Америке троцкистом Истменом по свежим следам съезда. «Тройка» заставила Троцкого заявить на страницах журнала «Большевик» (теперь «Коммунист»), что никакого «Завещания» Ленин не оставил и публикация Истмена фальшивка. После XX съезда весь мир узнал, что не только «тройка», но и Троцкий обманывали партию, заявляя, что никакого письма о снятии Сталина к XII съезду Ленин не писал. Как члены «тройки» – Сталин, Зиновьев, Каменев, так и Троцкий, имели личное основание считать письмо Ленина несуществующим. Ленин писал, что ошибки Зиновьева и Каменева, когда они голосовали в 1917 г. против октябрьского переворота, не случайны, но что этот эпизод «так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому». Однако уже одним этим упоминанием Ленин ставил им в вину названные грехи именно из-за их прямой (Зиновьев и Каменев) или косвенной (Троцкий) поддержки сталинской политики великорусского Держиморды. Но о самом Сталине Ленин отзывался внешне сдержанно, но на деле безапелляционно. Сталин точно знал, что оглашение письма Ленина на съезде партии – означает для него верную политическую смерть. В самом деле, вспомним, что Ленин в нем говорит о Сталине: «т. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Но суть письма Ленина в постскриптуме, который он дописал 4 января 1923 года: «Сталин слишком груб… Этот недостаток становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека».

Кроме статьи Ленина по «грузинскому делу», кроме «письма» Ленина к съезду партии о снятии Сталина, было еще и другое письмо Ленина от 5 марта 1923 г. о разрыве со Сталиным всяких личных отношений, если он не извинится перед его женой Крупской за грубое оскорбление по телефону. Об этом письме знали только три человека – Зиновьев, Каменев и Троцкий. Разумеется, Сталин и не думал извиняться перед Крупской (на этот счет нет никаких документов, кроме фальшивки, приписываемой сестре Ленина, о том, будто Сталин извинялся перед Крупской, но сама Крупская это не подтверждала). Важно другое: Сталин готов был на бой с Лениным, ибо был полным хозяином XII съезда именно из-за своего великорусского шовинизма. Это засвидетельствовал Бухарин: «Вы заметьте, что с Зиновьевым произошло, когда он говорил против местного шовинизма, – гром аплодисментов отовсюду посыпался. Какая замечательная солидарность! Но что это означает? Это означает, что в тех местах речей, где речь идет о местных шовинистах, все против… Но когда речь идет о русском шовинизме, там только кончик торчит, и это есть

самое опасное» (XII съезд РКП (б). Протоколы). Вот именно из этой открыто шовинистической позиции новых Держиморд, стоящих во главе партии, и исходил Ленин, когда выдвинул тактический лозунг усиления борьбы с великорусским шовинизмом. Цель Ленина – предупреждение опасности развала советской империи. Стратегические расчеты у Ленина были старые: – признание права на отделение нерусских народов облегчало ему задачу сохранения «единой и неделимой России», объявление войны русскому шовинизму позволяло предупредить опасность ее распада. Эту тактику Ленина хорошо понял Бухарин, понял также и то, что после преодоления великодержавного уклона наступит новая, «вторая фаза» в национальной политике, когда начнется борьба с местным национализмом. Вот слова Бухарина: «Почему т. Ленин с такой бешеной энергией стал бить тревогу в грузинском вопросе? И почему т. Ленин не сказал ни слова в своем письме об ошибках уклонистов, и, наоборот, все слова сказал, и четырехаршинные слова сказал против политики, которая велась против уклонистов? Потому, что не знал, что существует местный шовинизм? А потому, что т. Ленин гениальный стратег. Он знает, что нужно бить главного врага. Например, на этом съезде нечего говорить о местном шовинизме. Это – *вторая фаза* нашей борьбы» (там же, стр. 561–564).

Член ЦК Карл Радек присоединился к Бухарину: «Я разделяю мнение о растущем значении национального вопроса… И лучше здесь Мдивани орал вовсю, чем мужики в Грузии» (там же, стр. 565–563). Сталин отвел в заключительном слове все требования и аргументы своих оппонентов (т. е. аргументы и требования Ленина), а после съезда приступил к «перепашке» Грузии от меньшевистско-уклонистского «сорняка». В ответ на сталинские репрессии случилось тогда то, чего опасался Ленин: грузины подняли в августе 1924 года всеобщее восстание за независимую республику Грузию. До пяти тысяч убитых и раненых, тысячи арестованных и расстрелянных, – таковы были жертвы грузинского восстания. Интернациональный инквизитор всероссийскую мясорубку начал с родной Грузии. Он даже предупредил о ней, когда в одной из речей в ЦК открыто заявил: «То, что произошло в Грузии, может повториться по всей России» (Сталин, т. 4, стр. 326–327). И повторилось: через пять лет по всей России, включая ее окраины, началась насильственная коллективизация, сопровождавшаяся антиколхозными восстаниями, которые приняли наиболее широкий размах в национальных республиках. Позднее, в беседе с Черчиллем Сталин признался, что эта коллективизация стоила Советскому Союзу до десяти миллионов человеческих жертв.

VI. Борьба на два фронта – метод большевизации империи

Истинная суть большевистской национальной доктрины и история зигзагов большевистской политики в национальном вопросе никем так безбожно не фальсифицируется, как советскими идеологами. На Западе же часто трактуют национальный вопрос в отрыве от общей большевистской политики и ее стратегических целей. При этом игнорируется функциональная роль национальной политики Ленина и Сталина по большевизации народов империи. Надо помнить, во-первых, что большевики боролись не против русского шовинизма и местного национализма как таковых, а против основного препятствия большевизации: против интеллектуально-духовной элиты всех народов, с тем, чтобы изолировав ее политически, подготовить ее физическую изоляцию; во-вторых, в этом вопросе существует, несмотря на разногласия в тактике, негласное распределение ролей между Лениным и Сталиным. Русский Ленин борется против великорусского шовинизма, а «нацмен» Сталин против местного национализма. Причем тот и другой имеют в виду не русский и национальные уклоны в политике как течения мысли, а элиту наций – интеллигенцию, безотносительно к ее национальной принадлежности. История советской власти первых лет после революции характеризуется походом против русской интеллигенции. Сигнал подал сам Ленин. Как известно, Максим Горький поссорился с Лениным после Октябрьской революции из-за всеобщего, порой бессмысленного, террора

чекистов против цвета русской нации – против ее интеллигенции. Когда Горький начал бомбардировать Ленина бесконечными жалобами на зверства чекистов по отношению к интеллигенции, Ленин в сердцах ответил Максиму Горькому в письме от 15-го октября 1919 года, что русская интеллигенция – это лишь «интеллигентики, лакеи капитала, мнящие себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно» (Ленин, ППС, т. 51, стр. 48). Институт марксизма-ленинизма не постеснялся опубликовать столь грубое, нецензурное письмо Ленина против русской интеллигенции, ибо такова была официальная политика. Ленин хотел распространить террор против гражданской интеллигенции и на интеллигенцию военную, то есть изгнать из Красной Армии представителей бывшего царского офицерского корпуса. И это – в условиях гражданской войны против белых, когда красных офицеров еще не было. На это Ленина толкала «военная оппозиция» против главы Красной Армии – Троцкого, которую фактически возглавлял Сталин. Только решительное сопротивление Троцкого помогло сохранить царских офицеров в рядах Красной Армии на пользу самой же власти. Вот свидетельство Троцкого в его книге «Моя жизнь». Расспрашивая Троцкого о делах на фронте, Ленин добавил: «Не лучше ли прогнать всех бывших офицеров?»

Троцкий спросил Ленина: «А знаете ли вы, сколько их теперь у нас в армии?»

— Не знаю.

— Примерно?

— Не знаю.

— Не менее 30 тысяч. Кем всех их заменить?

Эти офицеры были использованы в гражданской войне как «военные специалисты», а после ее победоносного окончания уволены из армии. В последующие годы почти все они были ликвидированы как «враги народа». Та же судьба постигла и русское духовенство. Начало расправе над духовенством положило письмо Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года.

В собраниях сочинений Ленина, в ленинских сборниках, в бесконечных «ленинианах» регистрируется всякая мелочь, если она вышла из-под пера Ленина. Но вот это ленинское письмо кардинального значения до сих пор не публикуют, объявив его великой государственной тайной. И в этом наследники Ленина поступают разумно. Ведь ЮНЕСКО в 1970 г. к столетию со дня рождения объявило Ленина (причем, единогласно) «великим гуманистом XX века», а публикация данного письма показала бы истинное лицо «гуманиста» Ленина. Об этом письме есть указание в сочинениях Ленина с явным смягчением ленинских формулировок. Там говорится, что Ленин требовал «подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК от 23 февраля об изъятии церковных ценностей». (Ленин, ППС, т. 45, стр. 666–667). Благодаря самиздату, теперь стал известен полный текст этого письма Ленина. Вот выдержка из него: «Политбюро дает детальную директиву судебным властям, чтобы процесс против шуйских мятежников (в г. Шуе верующие не давали властям грабить церковные ценности – А. А.) был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как *расстрелом очень большого числа* самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуя, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров» (Журнал «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения», № 98, 1970 г., стр. 55–56).

То, что Ленин делал с русской интеллигенцией и духовенством, Сталин делал с интеллигенцией и духовенством на национальных окраинах. После смерти Ленина, но еще до того, как генсек стал единоличным диктатором, Сталин лично определил стратегию партии в национальном вопросе. В этой стратегии два этапа развития национальной политики партии: *первый этап* – борьба на два фронта – против «великорусского шовинизма» как главной опасности (1923–1933) и «местного национализма» и *второй этап* – борьба против «местного» или «буржуазного национализма» как главной опасности (1934–1953), а «великорусский шовинизм» вообще исчез. Таким образом началась та «вторая фаза» в национальном вопросе, о которой говорил Бухарин на XII съезде партии. Как плохо понимали сами лидеры партии распределение ролей между Лениным и Сталиным,

показывало смехотворное объяснение Бухарина, почему Ленин борется против шовинизма русских, а Сталин – против шовинизма нацменов. Вот это объяснение Бухарина в речи на XII съезде: «Я понимаю, когда наш дорогой друг, товарищ Коба Сталин, не так остро выступает против русского шовинизма (имеется в виду выступление Ленина – А. А.) и что он, как грузин, выступает против грузинского шовинизма».

Пришивать политические ярлыки своим противникам Сталин учился тоже у Ленина. Там, где Ленин сказал «а», Сталин говорил и «б», только с той разницей, что у него политические ярлыки со временем приобретали значение уголовно-наказуемого деликта. И тогда Сталину не хватало всего алфавита для нумерации социально-политических категорий врагов советской власти. Сталин намечал людей к ликвидации не за содеянные преступления, а только за их политическое прошлое, социальное происхождение, за мнимое или потенциальное инакомыслие в идеологии. Чтобы по-марксистски обосновать эту преступную политику, призывались на помощь не только теория «обострения классовой борьбы», но и человеконенавистническая философия большевизма, которую Максим Горький сформулировал в лапидарном лозунге: «Если враг не сдается, его уничтожают».

И вот на XII съезде партии Сталину представился случай легализовать эту философию и заодно получить мандат съезда на политическую изоляцию врагов большевизма в области национальной политики в обоих лагерях – русском и национальном. Если Ленин говорил, что на этом первом этапе политики в национальном вопросе опасны русские шовинисты, а «национал-уклонистов» даже поддерживал, за что Сталин обвинил его в цитированных нами документах в «национал-либерализме», то Сталин нашел, что существует не один, как у Ленина, а целых три шовинизма: русский шовинизм против нацменов, национальный шовинизм против русских и шовинизм в национальных республиках против их собственных национальных меньшинств. Сталин назвал последний в резолюции съезда по своему докладу так: шовинизм азербайджанский, шовинизм армянский, шовинизм узбекский против их собственных национальных меньшинств. В связи с этим в той же резолюции Сталина говорилось: «Все эти виды шовинизма, поощряемые к тому же условиями НЭПа, являются величайшим злом… Нечего и говорить, что все эти явления тормозят дело фактического объединения народов в единый государственный союз» (XII съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1923, стр. 647). Съезд отметил, по предложению Украины, опасность русского шовинизма в словах, которые актуально звучат как раз сегодня: «Разговоры о преимуществах русской культуры и выдвижение положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и проч.) являются ничем иным, как попыткой закрепить господство великорусского национализма. Поэтому решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии… Борьба за ликвидацию фактического неравенства национальностей является второй очередной задачей нашей партии» (там же). Обе эти задачи партии Сталин признавал только на словах. В глазах Сталина «величайшее зло» заключалось в многочисленных местных «шовинизмах», которые стали тормозом «единого государственного союза». Не прошло и двух месяцев после съезда, как Сталин приступил к выполнению не «первой», а «второй» задачи партии, той задачи, которой Ленин даже не ставил в своем письме, – к ликвидации этих «местных уклонистов». Кампания против них была объявлена на всесоюзном национальном совещании при ЦК партии (9–12 июня 1923). На повестке дня стояли два вопроса: 1) Дело Султан-Галиева (доклад председателя ЦКК Куйбышева), 2) резолюция XII съезда по национальному вопросу (доклад Сталина). В центре внимания совещания стояла не Грузия, где Сталин уже успешно «разрешил национальный вопрос», а тюрко-татарские республики. К этому совещанию Сталин создал через органы ГПУ фальсифицированное дело на лидера татарских коммунистов, своего бывшего помощника по наркомнацу (в качестве члена коллегии) – Султан-Галиева. Резолюция совещания, в которой коммунистических защитников интересов собственной национальности ставят в один ряд с врагами Советской власти, стала обвинительным актом против национально мыслящих

коммунистов всех республик. Более того, национал-коммунистам приписывают не просто уклон в сторону от советской политики, но и прямую политическую связь с контрреволюцией. В этой резолюции говорилось, что Султан-Галиев «создал в республиках и областях нелегальные организации, чтобы противодействовать мероприятиям центральных органов (…), подрывал доверие ранее угнетенных национальностей к революционному пролетариату (…), стремясь связаться со своими сторонниками в некоторых восточных государствах (Персия, Турция) и сплотить их на платформе, противопоставленной политике советской власти в области национального вопроса (…), в попытке связаться с поддерживаемым международным империализмом бухарско-туркестанским басмачеством через одного из его вождей Заки Валидова» («КПСС в резолюциях», ч. 1, стр. 760).

Идет только 1923 год и Ленин еще жив, но тяжко больной и дезавуированный как раз по данному вопросу только что закончившимся съездом, он беспомощен и лишен власти. Сталин, явно нарушая решения съезда, пользуясь услугами ГПУ, над которым он надзирал от имени ЦК, создает от начала до конца фальсифицированное уголовное дело против Султан-Галиева по рецептам, которые он положит в основу миллионов таких же дел во время «большого террора» тридцатых годов.

Во время запоздалого раскаяния зиновьевцев за их помощь восхождению Сталина к власти, Каменев рассказывал Троцкому в 1926 году: «Помните арест Султан-Галиева, бывшего председателя татарского совнаркома в 1923 г.? Это был первый арест видного члена партии, произведенный по инициативе Сталина. Мы с Зиновьевым, к несчастью, дали свое согласие. С того времени Сталин как бы лизнул крови» (Троцкий, «Сталин», т. 2, стр. 260). Дальше пошла цепная реакция чисток национальных республик от национально мыслящих коммунистов. Их, по примеру Грузии, Татаро-Башкирии и Туркестана, связывали с враждебными большевизму партиями, классами и движениями. Каждый раз, когда чистили, арестовывали и казнили национал-коммунистов, их неизменно связывали либо с враждебными партиями, либо прямо с контрреволюцией: грузинских национал-коммунистов связали с грузинскими меньшевиками и князьями; армянских – с дашнаками, азербайджанских – с мусаватистами; татаро-башкирских и туркестанских – с басмачами; украинских с сепаратистами, белорусских – с «нацдемами»; еврейских – с сионистами. Уголовная фантазия Сталина была бездонной. Однако, кто может усомниться, что, идя против буквы последних писем Ленина по национальному вопросу, он был до конца верен ленинскому духу, когда с беспримерной жестокостью косил врагов большевизма именно там, где стремительно росла опасность развала советской империи. Всеобщий рост басмаческого движения в Туркестане и начавшееся через год народное восстание в Грузии, грозившее перейти во всеобщее кавказское восстание, явились не только грозным сигналом, но и желанным оправданием репрессивного курса партии на национальных окраинах.

Глубинные причины разногласий между Лениным и его партией по национальному вопросу лежали в другой плоскости, чем это явствует из писем Ленина и из материалов XII съезда партии, на котором, развернулись дискуссии по национальному вопросу. Речь шла, как я уже указывал, о двух тактиках при решении национального вопроса для достижения одной и той же стратегической цели – укрепления советской империи как базы мировой революции. Ленин думал, что после того, как власть оказалась в руках партии, на первое место в национальном вопросе становится метод убеждения «уклонистов» гибкой тактикой и метод принуждения партийных великодержавников, которые дискредитируют советский интернационализм и объективно провоцируют развал советской империи. Сталин и вместе с ним большинство партии считали, что великодержавники в партии существуют лишь в воображении Ленина. Есть только местные «уклонисты», которых надо не убеждать, а выкидывать из партии.

Оглядки Ленина в сторону мирового пролетариата и угнетенного Востока в интересах организации «мировой революции» бесцельны, ибо мировую революцию может организовать только «единая и неделимая» советская Россия, если она, опираясь на русский национализм, создаст высокоразвитую индустриальную и военную базу. Позднее свою

политику индустриализации и коллективизации Сталин обосновал отнюдь не стремлением поднять уровень жизни народа, а мотивами великодержавными – сделать советскую Россию непобедимой мировой военной державой. Сталин смотрел прямо в душу великодержавников, когда пустился в совершенно новую для большевиков философию. Сталин не ругал царский империализм за завоевательные войны с соседями, а порицал за его военную слабость. Вот философия Сталина: «Отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим. История старой России состояла, между прочим, в том что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную… Вот почему нельзя больше отставать» («Вопросы ленинизма», стр. 338).

Только высокоразвитый СССР станет по Сталину «первым этапом мировой революции и могучей базой ее дальнейшего развертывания» (там же, стр. 105).

Своей индустриальной и военно-политической цели Сталин добился. Но его победа была однобокой. Советский Союз на крови миллионов и нищете широких народных масс стал великой военно-индустриальной державой. Созданные сталинской «генеральной линией» политическая тирания, социальное неравенство и «социал-империализм» превзошли все худшее, что мы знаем из истории восточных деспотий и древнерабовладельческих тираний. Таким ли хотел Ленин видеть советский социализм? Я в этом сомневаюсь. Более того, мне кажется, что если бы Ленин мог обозреть плоды работы его наследников от Сталина до наших дней, то он повторил бы то, что говорил о старой России за год и 9 месяцев до революции: «Нам, представителям великодержавной нации, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса, особенно в такой стране, которую справедливо называют "тюрьмой народов"… Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету, и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину… Мы помним, как великорусский демократ Чернышевский сказал: "Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы"» (Ленин, О национально-колониальном вопросе, стр. 232–233).

Но во всем этом Ленин должен был бы винить своего учителя Маркса, самого себя и своего ученика Сталина, ибо концепция «мировой революции» оказалась утопией. Утопией – потому, что субъективные расчеты калькуляторов мировой революции разбились о чудовищную действительность первого реального социализма в мире.

Какие были это расчеты? Ленин исходил из того, что:

первое – национализация средств производства в городе и деревне плюс сельскохозяйственная кооперация – уже означают основы создания бесклассового общества;

второе – созданное на этой основе социалистическое общество будет превосходить капитализм по производительности труда и рентабельности экономики;

третье – политика сближения и слияния наций в советском государстве послужит доказательством того, что только при социализме можно ликвидировать шовинизм, национализм и национальное угнетение.

Такой социализм станет, по замыслу Ленина, тем земным раем, откуда никто не бежит, но куда стремятся все, или же захотят такой же социалистический рай построить у себя дома. Как известно, с таким социализмом ничего не вышло. На месте старых эксплуататорских классов появились новые эксплуататорские классы. Ленинский тип государства в виде «советской демократии» обернулся уникальной в истории тиранией. Что же касается национального вопроса и национальных противоречий, то Сталин и его наследники их «разрешили» тем, что военно-полицейским террором загнали их вглубь, предварительно уничтожив старые национально мыслящие элиты в обоих лагерях – в русском и национальном. Меня могут упрекнуть в нелогичности тезиса: Сталин возглавил партию русских великодержавников против нерусских народов и в то же самое время уничтожал не только местных националистов, но и великорусских шовинистов. Где тут логика? Логика

есть, и ее сами большевики называют «диалектической логикой», когда они не находят разумных аргументов для оправдания своих неразумных акций или неожиданных зигзагов «генеральной линии».

Действительно, если вы проследите историю русского и национального вопроса в советской России в 20-х годах и до середины 30-х годов, то легко придете к заключению: весь этот период характеризуется, главным образом, беспрецедентным массовым террором против национально мыслящих русских людей и диким вандализмом, направленным против национально-исторических и духовно-религиозных памятников старой России. Соответственно трактуется и вся ее старая история. Воистину «черный день» национальной России продолжался более 15 лет. Террор против местного национализма на Кавказе и на мусульманском Востоке в этот период носит ограниченный характер, хотя бы потому, что, по официальной доктрине партии, местный национализм все еще считается меньшей опасностью, чем русский шовинизм, да и национальная интеллигенция там была немногочисленна.

«Диалектическая логика» Сталина в русском вопросе сводилась к тому, что он уничтожал великодержавников с коммунистической идеологией совершенно так же, как он уничтожал старые классы с монархической культурой, создавая новые классы безыдейных, но послушных исполнителей с новоклассовым великодержавным мышлением в маске интернационалистов. Новая генеральная линия партии во внутренней политике потребовала радикальной ревизии ленинской тактики в национальном вопросе, как в отношении оценки разных «уклонов», так и в степени их опасности для существующего режима на данном этапе. Не кавказские, не туркестанские и не татаро-башкирские дела тревожили Сталина в начале 30-х годов. Он полагал, что если уклоны там примут более широкий масштаб и станут угрозой существованию на местах советской власти, то эти народы довольно быстро можно привести к повиновению, как это часто и делалось экспедициями Красной Армии. Но вот грозная опасность обозначилась на окраине, где обитала большая и свободолюбивая нация, где находился один из важнейших индустриальных, сельскохозяйственных и людских резервуаров советской империи, на окраине, которая к тому же являлась важнейшим военно-стратегическим форпостом – на Украине. Если бы национальный уклон на Украине перерос во всеобщее национальное движение, то существование самой советской империи было бы поставлено под вопрос. Тем более, что такое украинское национальное движение немедленно перекинулось бы не только на соседнюю Белоруссию и Крым, но и на Кавказ и татаро-туркестанский мир. Тревожных сигналов с Украины о том, что дело может принять такой оборот, у центральной власти было достаточно. Беда партии заключалась еще и в том, что опасность развития событий именно в этом направлении, по иронии судьбы, инспирировала она сама на своем X съезде в 1921-ом году, когда провозгласила курс на «коренизацию», то есть, иначе говоря, курс на дерусификацию национальных республик. Названный съезд дал директиву заполнить партийные, государственные, культурные, хозяйственные органы в национальных республиках представителями местной, коренной национальности, вести в республиканских учреждениях дело на национальном языке, как языке государственном, развивать национальную экономику, национальную культуру, национальную науку, национальную литературу и искусство на национальных языках.

Украинцы и белорусы вполне логично и, основываясь на терминологии самого Сталина, перевели понятие «коренизация» на своей собственный язык, назвав его соответственно «украинизацией» и «белорусизацией». Курс «украинизации», «белорусизации», то есть – «коренизации» в республиках был таким образом официальной политикой партии. Очень скоро, однако, выяснилось, что такой курс партия провозгласила не для его практического осуществления, а в тех же тактических целях: для стабилизации большевистского режима, который был еще очень слаб на только что советизированных национальных окраинах. В самом деле, как реагировала Москва, когда та же Украина начала планировать украинизацию в соответствии с решениями X съезда партии по национальному вопросу? Сначала вспомним, что говорил Сталин на этом съезде, провозглашая

«коренизацию» на Украине и в Белоруссии.

Вот выдержка из его доклада: «Я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского… Такие же речи раздавались лет пять назад на Украине… А недавно еще говорилось, что Украинская республика и украинская национальность – выдумки немцев… Украинская национальность существует и развитие ее культуры составляет обязанность коммуниста. Нельзя идти против истории… В городах Украины преобладают русские элементы, но эти города будут неизбежно *украинизированы…* То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелорусы» (X съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963, стр. 213).

Однако директивы московского ЦК национальным компартиям, директивы, в которых интерпретировались решения X съезда, были прямо противоположны установкам съезда. В духе этих директив через два месяца (в мае 1921-го года) Всеукраинское совещание при ЦК КП (б) У выдвинуло тезис о том, что проповедь национальной независимости и лозунги национального движения, прогрессивные до революции, отныне стали контрреволюционными, ибо они стали «средством натравления трудящихся масс Украины против рабочих и крестьян России» (см. Майстренко, стр. 68).

Заметим, что Сталин еще не был тогда генсеком, а Ленин находился на своем посту. Подлинную цену политики «коренизации» показала травля, которая развернулась против тогдашнего наркома просвещения Украины Гринько. Его сняли с поста через год после X съезда – в 1922 году – по обвинению «в слишком поспешном проведении украинизации». Чтобы украинцы не спешили со своей украинизацией, чистка партии 1921-го года была направлена своим острием против бывших «укапистов» и «боротьбистов» («укаписты» – члены Украинской коммунистической партии, которая, в отличии от КП(б)У, стояла на точке зрения полной независимости Украины от Москвы; «боротьбисты» – члены лево-эсеровской, национально-украинской партии, которая вошла в компартию в 1919 году).

Надо подчеркнуть, что Ленину и его партии труднее было бороться с украинскими марксистами, стоящими на точке зрения государственного отделения Украины от России, чем с открытыми антимарксистскими сепаратистами. Последних можно объявить «буржуазными националистами» или даже австрийскими или немецкими наемниками, но объявить таковыми единомышленников марксистской идеологии было труднее, особе тех, которые находились тогда в руководящих органах партии и правительства.

Таким образом, после X и XII съездов партии основной проблемой Кремля на Украине становится не великодержавный шовинизм, а украинский коммунистический сепаратизм.

ЧАСТЬ II. РОССИЯ, СССР И УКРАИНА

I. Украинский вопрос

Советский идеолог сразу возразит: «Никакого, ни украинского, ни национального вопроса в СССР нет. Мы его давным-давно решили».

Идеолог не столько ошибается, сколько притворяется. Однако притворство, особенно если сам начинаешь в него верить, в делах серьезных может обернуться катастрофой. Именно так обстоит дело в СССР в национальном вопросе вообще, а в украинском вопросе в особенности. Украинский вопрос в СССР существует, и точные даты его возникновения тоже известны. Их две: 1 октября 1653 г., когда Земский Собор в Москве принял решение присоединить независимую Украину к России и заодно объявить войну Польше, с которой Украина воевала уже пять лет, отстаивая свою независимость. Другая дата – 8 января 1654 г., когда Переяславская Рада под руководством гетмана Богдана Хмельницкого пошла на единение с Россией, как с союзником в борьбе за объединение родины и освобождение украинских территорий, оккупированных Польшей, Турцией и Венгрией. Причем, в так

называемых «Мартовских статьях» того же года была оформлена полная внутренняя автономия Украины при сохранении гетманства и структуры его правления. Освобождение и объединение украинских территорий свелось сначала к тому, что через 13 лет по Андрусовскому перемирию 1667 г. Россия и Польша разделили между собой Украину: левобережная – по Днепру – Украина досталась России, а правобережная Украина Польше. Еще через 14 лет – по так называемому «вечному миру» 1686 г. с Польшей – Левобережье, Киев и Запорожье окончательно были закреплены за Россией, а правобережную Украину и Галицию признали за Польшей. Подолия и Северная Буковина остались за Турцией, а Закарпатье за Венгрией. Вот так «освобожденная» русским царизмом в XVII веке, а потом и объединенная в XX веке в советской империи тираном Сталиным, Украина уже три века, как лишена былой многовековой государственной независимости. Пока Украина управляется из Москвы, а не из Киева, существует и будет существовать украинский вопрос. Отброшенная царизмом и большевизмом на триста лет назад в своем национально-государственном развитии, систематически подвергаемая оккупантами деукраинизации, украинская нация оказалась неистребимой. Признание большевиками права Украины на независимость еще до революции было тактической данью этому бесспорному историческому факту. Придя к власти, большевики, правда, уточнили свое обещание: они заявили, что признают самоопределение не народов, а трудящихся, то есть признают такую независимость, которая зависит от Москвы. Поэтому большевики и не признали Украинской народной республики во главе с профессором Грушевским, но признали Украинскую Советскую республику, которую создали такие эрзац-украинцы как Раковский, Пятаков, Орджоникидзе, Гамарник, Ворошилов, Дзержинский…

Однако уже признанием в принципе украинской, пусть даже коммунистической, независимости, а также права украинцев развивать свою «национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру» большевики не разрешили, а наоборот, – обострили украинский вопрос. Политическая логика и исторический опыт говорят за то, что решить его может только сама Украина.

Находясь на знаменитом торговом водном пути, соединявшем Балтийское море с Черным, столица Украины – Киев – занимала в торгово-экономическом и военно-стратегическом отношении чрезвычайно выгодное положение. Но как раз эта выгода обернулась для Украины национальной трагедией. Не говоря уже о древних походах бесчисленных восточно-азиатских завоевателей на украинские земли, у Украины было и много воинственных соседей, с которыми она часто сталкивалась: турки, венгры, австрийцы, молдаване, литовцы, поляки, русские.

Со второй половины XVII века за преобладание над Украиной боролись две державы: чуждая ей по религии католическая Польша и единоверная с ней православная Россия. Эту разность вер я подчеркиваю намеренно, ибо она сыграла, на мой взгляд, решающую роль в выборе украинцами «меньшего» зла – России. Угрожающим стало положение Украины, когда образовалась «Речь Посполита» в результате Люблинской унии между Польшей и Литвой (1569 г.). Началась форсированная экспансия нового польско-литовского государства на украинские земли, вызвавшая ответную национально-освободительную войну украинского народа (1648–1654 гг.). В авангарде этой войны шли казацкие войска Запорожской Сечи. Запорожская Сечь это первая и последняя армия в истории, созданная на демократических началах – ее командный состав, начиная от старшин и атаманов и кончая верховным главнокомандующим – самим гетманом, весь был выборным. Верховная власть принадлежала Сечевой Раде. Несколько лет продолжалась эта изнурительная для Украины война с тяжелыми жертвами и переменными успехами. Повсеместные разрушения городов и сел, истощение материальных и человеческих сил, все возрастающий натиск превосходящих сил врага заставили казаков принять решение, которое выразилось в акте Переяславской Рады.

С точки зрения международного права решению Переяславской Рады о присоединении Украины к России была такая же цена, как и «Завещанию» последнего грузинского царя,

подарившего грузинское государство русскому царю. Оба решения были приняты без участия истинного суверена – народа. Поэтому вполне естественно, что в украинском народе, в первую очередь в самой Запорожской Сечи, росло глухое недовольство результатами Переяславского акта. Это недовольство тайно возглавил сам гетман Украины с 1687 г. Иван Мазепа. Как царская историография, так и советская, единодушно и в одних и тех же выражениях характеризуют Мазепу как «предателя» и «изменника». Спрашивается, в чем же «предательство» и «измена»? Советский официальный историк отвечает, что «предательство» и «измена» состояли в том, что Мазепа хотел оторвать Украину от России и объявить ее независимость, пользуясь помощью других держав. Вот утверждение из БСЭ: «Вынашивая националистические идеи о самостоятельности Украины и отторжении ее от России, Мазепа вел тайные переговоры с польским королем Лещинским, а затем со шведским королем Карлом XII» (БСЭ, 3-е издание, т. 15. М., 1974, стр. 212). Из-за того только, что Мазепа хотел восстановить независимость Украины – он «предатель» и даже негодяй, а тот, кто на него донес царю – генеральный судья гетманства Василий Кочубей – национальный герой! Мазепа руководствовался в своем восстании против царской России не личными интересами, а национальными идеалами своего народа. В обращении к своему офицерскому корпусу он изложил мотивы выступления против петровской России в следующих словах: «Я зову всемогущего Бога быть моим свидетелем и я клянусь, что я не ищу ни высокой чести, ни богатства, ни других вещей, кроме благополучия нашей матери – бедной Украины, всего украинского народа, чтобы этот народ вновь приобрел свои полные права и свободы. С Божьей помощью я намереваюсь предохранить вас, ваших жен и наше Отечество от ига Москвы» (И. Холмский. История Украины (на английском языке). Мюнхен, 1949, стр. 256).

Мазепа знал, что он принимает судьбоносное решение. Либо подчиниться курсу Петра I на интенсивную русификацию Украины, сводя на нет статус гетманства и внутренней автономии Украины, либо в вооруженной борьбе отстоять независимость Украины, – такова была дилемма, стоявшая перед Мазепой. Когда представился удобный случай, во время Северной войны между Петром I и шведским королем Карлом XII, Мазепа объявил Переяславский акт аннулированным и вступил в войну на стороне Швеции. Природа наделила этого великого украинского патриота необыкновенным личным мужеством, но история обошлась нещадно с его военной программой. В сражении под Полтавой казацкие войска гетмана и шведские войска короля были разбиты армией Петра. В ответ на его «измену» Петр I уничтожил ту силу, которой Россия была обязана присоединением Украины, – Запорожскую казацкую Сечь (1709). Впоследствии был ликвидирован и сам институт выборных гетманов. Управление Украиной приняло чисто колониальный характер.

В конце XVIII века Украину разделили на ряд наместничеств во главе с царскими наместниками, а потом наместничества разбили на обычные губернии, как и в самой России. Разумеется, со временем правительство создало себе из самих украинцев опорный класс по управлению украинскими землями, в частности, казацкие верхи – старшины – были возведены в дворянское сословие, а у самого Петра I было много украинских сотрудников в его реформаторской деятельности.

С уходом с исторической сцены польского государства, разделенного при Екатерине II между Россией, Пруссией и Австрией, положение Украины не изменилось. Политика ополяченья на Западной Украине заменилась политикой онемеченья, а на Восточной Украине еще больше усилилась политика русификации. Обе державы ставили своей целью окончательную деукраинизацию Украины, чтобы легче было ею управлять. И все-таки была разница между австрийской и русской деукраинизацией: австрийцы признавали факт существования украинской культуры и украинского языка, а вот свой славянский и единоверный «старший брат» не признавал ни того, ни другого.

Если быть исторически точным, то «старший брат», собственно, был не старшим, а младшим братом, «беженцем», который, спасаясь от азиатских орд, бежал из Киевской Руси

и создал на севере между Окой и Волгой, ставшее со временем сильным, великое Московское княжество. Известный русский общественный деятель и публицист Петров-Скиталец писал: «С исторической точки зрения старшим братом восточных славян бесспорно являются украинцы и матерью славянских городов безусловно является Киев. И если вспомнить отношение к Украине со стороны правящих кругов дореволюционной России: пренебрежительное и обидно покровительственное, отрицающее украинцев как нацию, присваивающее себе страну "Малороссию", то становится понятным и оправданным стремление украинцев к защите своих исторических прав, как одного из великих славянских народов» (Е. Петров-Скиталец. «Национальная проблема СССР», Оттава, 1965, стр. 28).

Вся последующая история Украины характеризуется национальными восстаниями, волнениями и национально-духовными исканиями украинцев как в России, так и в Австрии. Как это обычно у всех униженных народов, духовно-политические деятели нового украинского движения апеллируют в своей национальной программе к величию своего исторического прошлого и живучести его духовных ценностей. Украинцам было чем гордиться. Древний Киев был ведь столицей первого большого славянского государства безотносительно к чисто академическому спору, кто были его организаторы – русские или украинцы, варяги или сами славяне. Древний Киев был также местом крещения Руси принятия христианства, тысячелетие которого исполнилось в 1988 году.

II. История Украины и ее культуры в изображении советских историков

В истории развития украинской национальной мысли и национальной культуры два центра разделенной Украины сыграли выдающуюся роль: столица независимой Украины – Киев и столица находившейся под Польшей Правобережной Украины Львов. Пока Левобережная Украина была свободна, главенствовал Киев, но после того, как царизм начал политику деукраинизации, роль Львова постепенно становится ведущей, до такой степени, что многие русские историки и политики считали, что Галиция во главе со Львовом собственно и является рассадником украинского сепаратизма. В первой половине XVII века Киев становится очагом всеобщего возрождения украинской культуры, науки и просвещения. В апогее славы этого возрождения стоял Митрополит Киевский и Галицкий Петр Могила.

Он создал знаменитую Киевско-Могилянскую академию (1632 г.), превратил Киев в научный и духовно-религиозный центр всей Восточной Европы. Из этой академии вышел и великий украинский философ и поэт Гр. Сковорода. Как это было тогда принято и в Западной Европе, преподавали в академии на латинском языке. Перечисление научных дисциплин академии показывает широту и объем ее программы: математика, физика, астрономия, геометрия, архитектура, география, история, экономия, медицина, логика, философия, литература, древние и новые западные языки, славянские языки и другие предметы. В России еще не было подобного культурного и научно-академического центра. Поэтому Москва тоже посылала своих юношей учиться в Киев. Через шесть лет после кончины Петра Могилы Украина была включена в состав России, но академия просуществовала более 160 лет – ее закрыли только в 1817 г., настолько велико было ее значение. Как раз новая волна политики русификации потребовала, чтобы был уничтожен главный научный центр украинской культуры, как ранее были уничтожены так называемые «братские школы» на украинском языке. Первый правительственный указ о запрещении украинского языка был издан в 1721 г., а последний в 1879 г. Язык украинцев и название Украина стали табу.

Когда советские историки пишут об этих периодах истории Украины, они бывают явно не в ладу с фактами истории. Судите сами, что пишет официальная БСЭ: «Воссоединение Украины с Россией имело прогрессивное значение для развития украинской культуры и просвещения», и тут же, вынужденная стыдливо признать, добавляет: «украинцы не имели возможности обучаться на родном языке» (БСЭ, т. 26, М., 1977, стр. 562). Какая же это

украинская культура без украинского языка?

Советские историки в трогательном единодушии с крайне реакционными идеологами царизма, такими, как Магницкий, Уваров, Катков, Победоносцев, Иловайский считают, что присоединение Украины к России было не только актом прогресса, но и величайшим благом для самого украинского народа. Однако объективное исследование доказывает, что «прогресс» и «благо» выразились в судьбе украинского народа двумя фактами эпохального значения. Во-первых, Украина потеряла самое дорогое, что есть в жизни каждого народа, – национальную независимость. Во-вторых, Россия распространила на Украину свой политический строй и социально-экономическую систему – царский абсолютизм и русское крепостное право. Свободное украинское общество, которое, согласно богато документированным исследованиям академика Грушевского, не знало ни феодалов-крепостников, ни буржуазных хищников и никак не укладывалось в плоскую схему марксистов о классовой борьбе, было задушено солдафонским сапогом «старшего брата»-колонизатора. Цари одаривали своих столичных вельмож и «малороссийских» вассалов богатыми украинскими землями, отдавая сотни тысяч свободных украинцев в крепостное рабство. Особенно отличилась в этом Екатерина II. И этот триумф абсолютизма и феодальной реакции в доселе вольной стране советские монархо-марксисты называют «историческим прогрессом», тогда как даже историк Ключевский осуждал распространение крепостного права на Украину (т. 5, стр. 142). Сами украинцы, конечно, были другого мнения. Украинские мыслители в один голос негодуют против новых порядков на их родине. Историки добросовестно описывают, в каких жутких условиях эти порядки создавались. Писатели скорбят о гибели родной страны и поют гимн ее будущей свободе. Девятнадцатый век особенно выделяется поразительным ростом украинской «ностальгической» литературы во всех ее жанрах, но с одним постоянным лейтмотивом: скорбь и страдания народа, надежда и вера в возрождение вольной Украины. Все представители украинской национально-политической, научно-исторической и культурно-художественной литературы, которые воспевают независимость Украины от России, числятся в советской историографии в «реакционерах» и «буржуазных националистах». Этой своей оценкой советские историки только повторяют то, что говорится во всех монархических учебниках истории дореволюционной России. Разница только та, что царские историки прямо и честно защищают интересы державной нации, а советским историкам для защиты тех же интересов приходится лицемерить, лгать и грубо до примитивности фальсифицировать общеизвестные исторические факты и события. Теоретически крайне убогая, исторически антинаучная схема советских идеологов по истории и культуре Украины следующая: в древние и средние века украинцы в сущности не составляли отдельного народа, являясь лишь ответвлением русского народа. Их национальное самоназвание «Украина» указывает не на их этническое происхождение, а на их географическое положение на «окраине» России, отсюда выводят и название «украинцев», которых в старой России называли «малороссами».

Издревле, аргументируют советские историки, Русь делилась на три ветви – Великая Русь (Великороссия), Малая Русь (Малороссия) и Белая Русь (Белоруссия). Скоро образовалась и четвертая ветвь – Новороссия. Вся прошлая история этих ветвей – их перманентная борьба за воссоединение вокруг их общей матушки – Великороссии. В этой борьбе, доказывают советские историки, образовались два лагеря в украинской политике и культуре: большой прогрессивный лагерь сторонников воссоединения Украины с царской Россией и маленький реакционно-националистический лагерь против России. По этой схеме гетман Богдан Хмельницкий – прогрессист и герой, а его сын и гетман Правобережной Украины Юрий Хмельницкий реакционер и националист, потому, что сын хотел исправить ошибку отца и восстановить украинскую независимость от Москвы, опираясь на Польшу, как эту ошибку хотел исправить и второй гетман после Мазепы – Павло Полуботок (1722–1724). Узнав, что гетман Полуботок готовит выход Украины из России, царь Петр I заточил его в Петропавловскую крепость, подвергая пыткам. На допросе гетман Полуботок заявил Петру I: «Ни страх тюрьмы, ни отвращение к кандалам не заставят меня отказаться от

моего отечества. Я предпочитаю ужасную смерть, чем жить, постоянно созерцая страдания моих сородичей» (И. Нагаевский, История современного Украинского государства. Мюнхен, 1966, стр. 11 (по-английски)). За два года до смерти Петра I – в 1723 г. – Полуботок умер в тюрьме. Вот таких бесстрашных украинских героев и великих мучеников в борьбе за независимость большевики называют «изменниками». Украинская культура, наука и исторические источники толкуются по этой же схеме. Исторические документы – летописи, хроники и труды, в которых можно вычитать или предположить прорусскую ориентацию, – считаются достоверными и ценными, исторические источники и труды, в которых явственно звучит мотив величия украинского национального духа в борьбе как с «ляхами», так и с «москалями», – объявляются сомнительными и вредными. Апология запорожской казачьей вольницы в трудах украинских историков признается «старшинско-дворянской концепцией». Классические труды выдающихся украинских историков XIX и XX веков запрещены для использования в высших школах Украины как труды националистические. Классики украинской исторической науки Антонович и Грушевский числятся в списке «буржуазных националистов», а руководитель украинского исторического фронта тридцатых годов, коммунист и талантливый историк Яворский был объявлен австрийским шпионом за его отличный немецкий язык и происхождение из Галиции и расстрелян. Но так поступить с академиком с мировым именем Грушевским, долголетним профессором Львовского университета, первым президентом Украинской народной республики, не осмелился даже Сталин. Ему предложили поехать на отдых на Кавказ, в Кисловодск, где он заболел гриппом и умер от лекарства, которое прописал ему врач. Если мы вспомним, как, по заданию Сталина, шеф НКВД Генрих Ягода подобными же лекарствами умертвлял Менжинского, Куйбышева и Максима Горького, то все станет на свое место. Грушевский умер за пять дней до убийства Кирова Сталиным.

Совершенно аналогична советская схема по истории украинского фольклора, литературы и искусства. Фольклор, в котором достается «москалям» – реакционно-националистический, но фольклор, в котором достается «неразумным хазарам», «ляхам», туркам – прогрессивно-революционный. Украинские писатели и критики, их таланты и их творчество тоже оцениваются не по тому, как они создавали родную литературу, развивали родной литературный язык, служили собственной национальной идее, а только по одному критерию – кто и как из них служил русской великодержавной идее. Такой «интернациональной» чистке подвергаются даже такие основоположники украинской литературы, как Котляревский, Квитка-Основьяненко, Гулак-Артемовский, Гребенка, Метлинский, Боровиковский, Костомаров. Кто наиболее ярко рисует трагедию родного народа под царской Россией и тоскует по восстановлению былой свободной Украины, того советская критика зачисляет в разряд «пессимистов» и «реакционных мечтателей». У них, по утверждению советского официального органа БСЭ, «преобладали пессимизм, тоска по невозвратному историческому прошлому Украины, рисовавшемуся им в идеализированном свете» (т. 26, третье изд., М., 1977, стр. 575). Это значит, что если Котляревский в своей знаменитой поэме «Энеида» (1798 г.), украинизирует Вергилия в стиле бурлески, оплакивает гибель Запорожской сечи, возмущается превращением ее вольных казаков в крепостных рабов и тоскует по вольной Украине, то он пессимист и пребывает в ностальгии по «невозвратному историческому прошлому Украины».

Искушенные мастера литературных манипуляций, советские идеологи превосходят самих себя, когда они берутся доказывать, что в XIX столетии на Украине не было единой патриотической литературы, а были две литературы: националистически реакционная, которая замыкалась в узкие украинские рамки или ориентировалась на Запад, и прогрессивная гуманистическая литература, которая старалась включить украинскую литературу в общероссийский литературный процесс. К представителям второй литературы советские литературоведы причисляют даже того же Котляревского, заявляя, что он «в большей мере способствовал включению новой украинской литературы в общероссийский литературный процесс», только потому, что его «Энеида» была впервые издана в 1798 г. в

Петербурге на русском языке без его ведома. Позже, в 1809 г. «Энеида» вышла и на украинском языке. Зато основоположник современной украинской прозы Квитко-Основьяненко обвиняется в том, что идеализирует патриархальную Украину и проповедует христианскую мораль. Еще больше достается писателям второй половины XIX века Костомарову, Стороженко, Корсуну и Кулишу: они объявляются консерваторами и реакционерами за их враждебное отношение к царизму и русскому империализму. Наиболее выдающемуся из них – Кулишу – историку, писателю и революционеру (он был осужден вместе с Шевченко за участие в «Кирилло-Мефодиевском братстве») пришили еще ярлык «буржуазного националиста», литературное определение, известное только в советской изящной словесности. С некоторыми классиками украинской литературы советские литературоведы поступают так, как они поступают с русскими классиками и критиками – Белинским, Герценом, Некрасовым, Чернышевским. Эти ярые враги деспотизма и рабства в любой форме давно числятся в полубольшевиках под названием «революционных демократов». В этот же сан с прорусской ориентацией произведены украинские классики Леся Украинка, Иван Франко, Коцюбинский, гениальный Шевченко. Замалчивая фундаментальное кредо их творчества – самобытность украинского народа и философию его самостийности и независимости, советские историки подчеркивают их человеколюбие, чуждое любому шовинизму, в том числе и антирусскому. Отсюда делается ложный вывод: украинские классики стояли на русско-имперских позициях. Как это удается доказать? Очень просто. Издавая собрания сочинений украинских классиков, советские издатели и цензоры не включают в эти издания наиболее ярких патриотических произведений старых украинских писателей. Об этом недавно рассказывал один украинский писатель в советской печати: издали собрание сочинений Ивана Франко не только без включения туда многих его наиболее ярких патриотических произведений, но даже с большими купюрами и в тех вещах, которые решили издать.

Однако, были времена, когда советская историческая наука еще была действительной наукой и, считаясь с фактами, событиями и исторической достоверностью, признавала, что Богдан Хмельницкий был «предатель и первый враг национально-освободительного движения Украины», а его Переяславский акт присоединения Украины к России явился «юридическим оформлением начала колониального господства России над Украиной». Именно так трактовала национальную трагедию Украины Большая Советская Энциклопедия 1935 г. (т. 39, первое издание). Сравните с этим, что пишут новые советские историки об аннексии Украины царской Россией в той же самой Большой Советской Энциклопедии последнего, третьего ее издания: присоединение Украины к России «сыграло великую прогрессивную роль в ее дальнейшем экономическом, политическом и культурном развитии» (т. 26, третье изд., М., 1977 г.). На Украине восторжествовал колониальный режим царского абсолютизма, на Украину распространяется русское крепостное право, на Украине запрещены украинская культура, литература и сам украинский язык. И все это советские монархо-марксисты называют «великим прогрессом». Воистину бездонно советское наукообразное шарлатанство!

III. Революция и Украина

Революция 1917 года явилась тем социальным оселком, на котором история как бы испытала две силы бывшей Российской Империи – центростремительно-великодержавную и центробежно-сепаратистскую. Испытание дало поучительные результаты: после демократической февральской революции 1917 г. ни один из нерусских народов не заявил о своем выходе из состава будущей демократической федеративной России, но вот через девять месяцев произошла Октябрьская революция и тогда многие нерусские народы заявили о своем выходе из состава советской России и о провозглашении своей государственной независимости. Одним из первых объявил эту независимость народ, который этнически и культурно-исторически стоял ближе всех к русскому народу –

украинский народ.

Невероятно пестра мозаика национально-политических сил, действующих на Украине после революции. Соответственно многообразны их программы. Однако на фоне быстро меняющихся событий, порой головокружительных и контрастных, отчетливо видны два параллельных движения: национальное движение за полную независимость и федеративное движение за союз с Россией. Нет никакой возможности, а для моей цели и надобности, характеризовать весь сложный национально-политический ландшафт на Украине тех лет. Укажем лишь очень коротко на ведущие силы, важнейшие события и на их суммарные итоги. Как демократическое, так и социалистическое движения на Украине, оформившиеся в разных, сначала национально-культурных («Громада»), а потом и в политических союзах и партиях, образовались еще в подполье в конце XIX и начале XX веков. У истоков национально-демократического движения в 60–90-х годах стоит Киевская «Громада», которую возглавили Антонович, Драгоманов, Чубинский, Грушевский. «Громада» имела свои отделения в больших украинских городах. Формально культурно-просветительская организация, «Громада», охватившая в 90-х годах почти все ведущие интеллектуальные силы Украины, по существу стала университетом разработки и обоснования украинской национально-демократической идеологии. Царское правительство увидело в «Громаде» опасность имперским интересам и запретило ее. Но идеи ее деятелей стали программой действий для последующих украинских политических партий, в том числе или даже особенно, для украинских социалистических партий. Именно украинские социалистические партии Украинская социал-демократическая рабочая партия, Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская партия социалистов-федералистов выступают инициаторами создания Центральной Рады Украины 4 марта 1917 года, то есть через два дня после отречения царя Николая II от престола. Центральная Рада – украинский парламент состояла из 150 выборных представителей партий, организаций и обществ (потом состав Рады был расширен до 815 человек). Исполнительным органом Рады была Малая Рада из 30 человек во главе с Грушевским, Винниченко и Ефремовым. Были созданы также губернские, уездные и городские Рады. Украина приступила к созданию своей армии. За время от июня 1917 г. и до января 1918 г. Рада издала четыре важных документа программного характера, которые назывались «универсалами». Первый универсал от 10 июня 1917 г. провозгласил автономию Украины. Было создано правительство под названием «Генеральный секретариат». Под давлением Временного правительства Центральная Рада согласилась на компромисс – был издан второй универсал от 3 июля 1917 г., согласно которому осуществление автономии откладывается до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Через две недели после большевистского переворота вышел третий универсал от 7 ноября 1917 г. Центральная Рада объявила в нем об образовании украинского государства, но в составе России. Центральная Рада стала верховным органом Украинской народной республики. Четвертым универсалом от 22 января 1918 г. была провозглашена независимость Украины. Спросят, где же была во время этих судьбоносных для Украины событий Украинская большевистская партия или Украинская коммунистическая партия? Да нигде. Такой партии вообще не было. Были отдельные большевистские группы, состоявшие преимущественно из русских, в промышленных районах. Парадоксально, но факт – Украинской коммунистической партии нет до сих пор, есть коммунистическая партия Украины. Для того, кто не силен в знании «национальной философии» большевиков, тут как будто никакой разницы нет – КПУ или УКП. Однако для большевизма разница гигантская: большевики никогда не признавали существования в России *национальных* большевистских партий среди нерусских наций. Были лишь территориальные организации, прямо подчиненные раньше РСДРП, РКП(б), ВКП(б), а теперь КПСС. Есть украинский народ, есть украинский язык, есть даже Украинская Советская Социалистическая Республика, но вот не было и не может быть Украинской коммунистической партии, как нет Русской, Грузинской, Армянской, Узбекской и т. д. компартий, а есть коммунистическая партия Грузии, компартия Армении, компартия Узбекистана. Это сделано для того, чтобы подчеркнуть, что все они не

национальные, а территориальные организации, руководящие своими республиками, в качестве филиалов московского ЦК партии (единственная затея создать УКП принадлежала социалисту и самостийнику Владимиру Винниченко, когда он с группой с таким названием в 1920 г. вошел в состав украинского Совнаркома, как заместитель председателя правительства, но, узнав, с кем имеет дело, убежал в том же году на Запад). Если, например, украинцы или грузины говорят «наша партия», то они имеют ввиду только КПСС.

Вернемся к хронологии событий. После февральской революции 1917 г. Россия была, по свидетельству даже Ленина, «самой свободной страной из всех воюющих стран». Естественно поэтому, что, как в центре, так и на национальных окраинах, свободно действовали все старые и новые политические партии. Мы видели, что в состав Центральной Рады входили все национал-демократические и социалистические партии Украины, среди которых не было только одной партии – партии большевиков Украины, ибо никому из украинцев в голову не приходило создать такую партию. Ее создали только в июле 1918 г. на первом съезде КП(б) Украины, который происходил не на Украине, а в Москве. В последнем факте – вся зловещая символика новой эпохи, положившей начало образованию новой империи – советской империи.

На этом съезде лжеукраинцев присутствовали 212 делегатов, из которых больше половины были русскими, евреями, поляками, латышами. Остальные были обрусевшими украинцами с имперским мышлением. Смешно сейчас читать писания советских историков, когда они «обоймами» перечисляют активных украинских коммунистических деятелей того времени, среди которых такие «украинцы» как Ворошилов, Гамарник, Феликс Кон, Дзержинский, Орджоникидзе и др., а те, кто были действительно украинцами (Чубарь, Затонский, Скрыпник, Любченко, Гринько и др.) были ликвидированы впоследствии как шпионы и «буржуазные националисты». Конечно, инквизиция Сталина была вполне интернациональной и он в те годы никого не уничтожал, руководствуясь лишь одним расовым признаком. Однако анализы жертв «Большого террора» 30-х годов показывают, что именно среди украинской партийной и беспартийной интеллигенции жертв террора было в несколько раз больше, чем в центральных областях России.

В установлении Советской власти на Украине, вернее в аннексии Украинской народной республики Советской Россией, украинские коммунисты сыграли двойственную роль: с одной стороны, они верили Ленину, что Украина, даже советизированная, останется независимой республикой, а с другой стороны, по поручению Москвы, они фактически держали курс на систематическое выкорчевывание корней украинской национальной идеи и ее носителей. За время с 1917 по 1920 гг. Украина была пять раз оккупирована чужеземными войсками – один раз австро-германской армией, один раз Белой армией Деникина и три раза Красной Армией. Первоначально Ленин думал, что ему удастся ликвидировать Украинскую народную республику либо путем переговоров с Центральной Радой, либо вооруженным восстанием изнутри. В декабре 1917 г. Ленин предъявил Раде ультиматум о капитуляции. Рада его отвергла, ссылаясь на свое право на самоопределение, признанное самим большевистским правительством. Попытки большевиков поднять на Украине всеобщее восстание тоже не удались. Только в Харькове, населенном преимущественно русскими, большевики 11 декабря 1917 г. захватили власть и провозгласили Украинскую советскую республику во главе с украинским совнаркомом. Хотя власть этой республики распространялась только на один город, Москва признала ее властью всей Украины. Стратегическая цель советского правительства выяснилась очень скоро. В конце декабря 1917 г. по просьбе этих харьковских мятежников-большевиков о «братской помощи» Ленин направил на Украину армию, заняв Киев. Центральная Рада переехала на Волынь. Это была первая советская оккупация Украины. Однако 1 марта 1918 г. украинские войска изгнали Красную Армию и заняли Киев.

Этой победе помогло искусное лавирование украинской дипломатии во главе с Винниченко в продолжающейся войне между Германией и Россией. 27 января 1918 г. Украина заключила договор с Германией и Австро-Венгрией о поставке им хлеба, при

условии, что эти страны признают независимость Украины и окажут ей помощь против советских оккупантов. Этот дипломатический шаг оказался настолько дальновидным, что он привел к признанию Украинской народной республики не только германским блоком, но и самой Советской Россией. В Брестский сепаратный мирный договор от 3 марта 1918 г. между Советской Россией и германским блоком был включен шестой пункт, который гласил, что советское правительство признает мирный договор Украины с Германией и ее союзниками, советское правительство признает также независимость Украинской народной республики, обязуясь заключить мирный договор с Центральной Радой, в котором будут определены государственные границы между Украиной и Россией. Однако Украина боролась за независимость от России не для того, чтобы стать австро-германским вассалом. Между тем австрийцы и немцы добивались именно этого. Когда Центральная Рада решительно воспротивилась акциям такого рода, австрийские войска свергли Украинскую народную республику во главе с Радой и власть над Украиной передали генералу Скоропадскому, объявив его гетманом Украины (29 апреля 1918 г.). В ноябре 1918 г. Германия и ее союзники, ослабленные революциями в Австрии и Германии, капитулировали перед державами Антанты, а в декабре 1918 г. был свергнут гетман Скоропадский. Была восстановлена власть независимой демократической Украины, которую возглавила Украинская Генеральная директория (14 декабря 1918 года). Во главе Генеральной директории Украины стали старые украинские социалисты Винниченко и Петлюра.

В феврале 1919 года Красная Армия второй раз оккупировала столицу Украины, но ненадолго. Уже весной войска Петлюры освободили Киев.

Осенью 1919 года последовали тяжелые наступления на Украину сразу с двух сторон – с севера двинулась на Украину Красная Армия, но с юго-востока ее опередила Белая армия генерала Деникина. На этот раз столица Украины оказалась под белыми оккупантами. Удивительны и беспримерны цепкость и упорство украинцев в борьбе за свою независимость. 21 апреля 1920 года правительство Петлюры заключило договор с Польшей о совместной борьбе как против Красной, так и Белой армий. В этом союзном договоре национальные интересы Украины и Польши были вполне идентичны. Красный Ленин и белый Деникин, по мотивам чисто великодержавным различавшиеся между собой только по этим цветам, одинаково были врагами польской и украинской независимости, которую Москве навязали Германия и Австрия в Брест-Литовске по сепаратному миру в марте 1918 года. Когда польские войска вместе с украинскими войсками Петлюры освободили столицу Украины (6 мая 1920 года), то Украинский Народный комитет создал последнее правительство независимой Украины во главе с В. Прокоповичем. Летом 1920 года последовала третья оккупация Украины Красной Армией. 12 июня Красная Армия вошла в Киев. Третья красная оккупация оказалась последней. Украина вновь была включена в состав новой советской империи, ей был присвоен бутафорский статус лжесуверенной Украинской советской республики.

Борьба за независимость Украины проходила в условиях гражданской войны внутри России – между Красной Армией большевиков и Белой или Добровольческой армией бывших царских генералов. Совершенно естественно, что вожди обоих лагерей гражданской войны, при всей разнице их идеологии, были кровно заинтересованы, не только по имперским соображениям, но и в силу интересов военно-политической стратегии, сохранить за Россией такую богатейшую промышленную, хлебную и сырьевую базу, как Украина, к тому же занимающую важнейшую территориально-стратегическую позицию на юго-западе империи. Отсюда значительная часть северной и юго-восточной Украины стала театром военных действий русских армий, воюющих между собой. В силу этого воюющим сторонам было небезразлично, как к той или иной стороне относится украинское национальное движение, точно так же, как самим лидерам Украины было важно использовать их междоусобицу в своих национальных целях.

Но гражданская война по своему характеру является войной социальной и идеологической. Решающую роль в такой войне играет не только оружие, но и политическая

и социальная программы. Однако, если гражданская война происходит в многонациональном государстве, то «инородцам» небезразлично, каковы национальные программы воюющих между собой великодержавных лагерей. Это как раз и доказали ход и исход гражданской войны в России. Ее вождями были – со стороны красных Ленин, со стороны белых – Деникин. Оба они хотели отстоять «единую и неделимую Россию». Но Деникин открыто провозглашал эту программу и тем самым объявлял новую завоевательную войну нерусским народам, не выиграв еще свою гражданскую войну против красных. Ленин, наоборот, прокламирует во всеуслышание: «если нерусские народы не хотят жить в составе России – скатертью дорога!», хотя тут же добавляет: «Но чтобы вы могли воспользоваться этим своим естественным правом, давайте вместе побьем русского империалиста Деникина!». А как действовал Деникин? Только два примера: когда чеченцы и ингуши потребовали предоставления им внутренней автономии, которую им обещал еще Александр II, то Деникин сжег два десятка их аулов, на что те ответили всеобщим восстанием. Сам генерал Деникин писал, что двигаясь на Москву, он вынужден был оставить одну треть своей армии в Чечено-Ингушетии, борьбу которой возглавили ученики Ленина – Орджоникидзе, Шерипов, Зязиков. Второй пример. Когда бывший коллега Деникина по русской императорской армии, финский генерал Маннергейм предложил ему военно-политический союз против большевиков, то Деникин ответил, что первый человек, которого он повесит после победы над большевиками, будет предатель России генерал Маннергейм!

Деникин был храбрый, честный, искренний и решительный вояка – качества, весьма похвальные для солдата, но явно недостаточные для политика. Он никому ничего не обещал. Россия должна быть «единой и неделимой» и баста! Какой будет социально-политический строй в такой России, он не предрешал, ссылаясь на волеизъявление русского народа после победы. Абсолютно чужда была ему и социальная демагогия, столь свойственная большевикам. Таким образом, когда история поставила нерусские народы перед дилеммой: Ленин или Деникин, то победил Ленин-макиавеллист над прямолинейным воякой.

Причина ясна всем. Ленин обещал русскому и нерусским народам все, чего они себе желали: фабрики и заводы рабочим, вся земля – крестьянам, вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, гарантированное право нерусским на свободный выход из России. Победив, Ленин сделал Россию такой «единой и неделимой», которая и не снилась Деникину.

Когда Центральная Рада в ответ на ультиматум Ленина о капитуляции, напомнила ему его же собственные писания и первые декреты советского правительства о праве наций на самоопределение, то Ленин, который вдобавок ко всему сказанному был еще и диалектиком, нашелся, как ответить: «То был вчерашний день истории, к тому же мы признавали право на самоопределение не украинских помещиков и буржуазии, а украинских трудящихся».

Заметим, что в Раде, созданной по типу Петроградского Совета, не было ни одного помещика или буржуя, а ее лидеры – Винниченко, Петлюра, Макаренко были социалистами западноевропейского толка. Как раз западных социалистов Ленин больше ненавидел, чем западную буржуазию. Поэтому свое строительство социализма на Украине Ленин и его Чека начали с уничтожения украинских социалистов. Ленин и его ученик Сталин считали это лучшей гарантией для выкорчевки корней украинского сепаратизма.

IV. Украинизация и ее судьба

Трагедия коммунистов-интеллектуалов в национальных республиках заключалась в том, что они не только верили на слово Ленину, но и были искренне убеждены, что сам Ленин верит тому, что он говорит по национальному вопросу. Поэтому для них все писания Ленина, как и решения апрельской конференции 1917 года, X съезда партии 1921 года, XII съезда партии 1923 года были чем-то вроде «Священного писания». Но странное дело: как только эти коммунисты брались за *практическое осуществление* теоретических установок Ленина и решений партийных съездов по национальному вопросу в своих областях и

республиках, они немедленно оказывались в опале, из которой их не мог вытащить даже сам Ленин (вспомните историю Буду Мдивани и его сторонников в Грузии, историю Султан-Галиева и его сторонников в Татарии и Туркестане).

После смерти Ленина, Сталин, как выражались в Москве, поднял ленинскую национальную политику на высшую ступень. Но, как известно, с высшей ступени и падать страшнее. Это подтвердило новое «контрреволюционное националистическое дело» – «Крымское дело» председателя Крымской АССР Вели Ибраимова в 1928 году. Вели Ибраимов был тем убежденным учеником Ленина по национальному вопросу, который решил превратить Крымскую АССР в по-ленински образцовую советскую национальную республику у ворот Турции, призывая единокровную Турцию создать у себя такие же ленинские порядки, как и в Крыму. Сталин посчитал призывы председателя ЦИК Крымской АССР всего лишь маскировкой его шпионской деятельности в пользу Турции и посадил его со всем крымским правительством в подвал ГПУ. Это было в январе 1928 года. Даже пристрастное чекистское следствие не сумело доказать вину Ибраимова и членов его правительства. В силу этого, его дело не было принято Верховным судом к производству в мае 1928 года. Ибраимова и его людей расстреляли по заочному приговору коллегии ОПТУ. «Крымское дело» в национальной стратегии Сталина имело сигнальное значение, за которым последовала большая серия заочных приговоров ГПУ по аналогичным делам «контрреволюционно-националистических заговоров» грузинских меньшевиков, армянских дашнаков, азербайджанских мусаватистов, чеченских чермоевцев, туркестанских пантюркистов, татарских панисламистов, украинских сепаратистов («Спилка вызволения Украины»), белорусских «нацдемовцев» («Союз вызволения Белоруссии»), в которых оказывались замешанными и неугодные Сталину национальные коммунисты.

Параллельно начались и в самой России процессы против «вредительских контрреволюционных организаций» «Шахтинское дело», «дело Промпартии», «Дело Всесоюзного бюро меньшевиков». Все эти «дела», разумеется, были сфабрикованы в кабинетах ГПУ под руководством Менжинского, его заместителя Ягоды, но по плану и инициативе ЦК во главе с его генсеком Сталиным. Какие были основания для создания таких дел? Юридических оснований не было никаких. Зато были основания идеологического порядка. Как уже указывалось, в национальной интеллигенции все еще бытовали заблуждения, что «коренизация» не тактика, а программа партии. Поэтому в национальных республиках росло движение за углубление и расширение этой «коренизации». В глазах партии особенно опасный характер такое движение приняло как раз в двух славянских республиках – на Украине и в Белоруссии. Непревзойденный мастер уголовной фантазии Сталин даже выдумал смычку между местными националистами и русскими шовинистами. Сталин нашел, что поскольку у местных националистов и великодержавных шовинистов цель одна – свержение советской власти, то они находятся в духовном родстве и молчаливом союзе между собой. Сталин шел дальше. В подчеркнутой заботе о нуждах собственного народа он видел не только зловредный национализм, но и вражду к большевизму, подрыв основ «диктатуры пролетариата». Сталин, обвинявший Ленина в «национал-либерализме» в 1922 году, делал теперь Ленина ответственным за то, что он в свое время выпустил из бутылки «национального джина». Сейчас Сталин был в поисках средств, чтобы загнать его туда обратно. Это оказалось далеко не легкой задачей. На кавказском и мусульманском Востоке у партии уже был большой опыт по подавлению национализма силой оружия, посылкой туда экспедиционного корпуса Красной Армии, как, например, в 20-е годы против ряда восстаний в Чечне, в те же годы – против меньшевистского восстания в Грузии или басмаческого движения в Туркестане. Но с конца 20-х годов в авангард национального движения в СССР выдвинулась самая большая после РСФСР славянская республика – Украина. Туда ведь не пошлешь военную экспедицию, не рискуя, как опасался Сталин, межнациональной войной. Но самое неприятное было то, что во главе украинского национального движения стояли не какие-нибудь ярые сепаратисты, а украинские коммунисты-интеллектуалы, выдвигавшие весьма обоснованную и целостную программу

«украинизации», состоящую сплошь из цитат Маркса, Ленина, Сталина и материалов съездов партии. Чтобы судить о нелегком положении Москвы, надо присмотреться к аргументам украинцев. В движении за украинизацию в 20-х годах выдающееся место занимали следующие субстанциональные проблемы суверенной республики: национальная самостоятельность во внутренних делах, согласно федеральной конституции, национальная культура, национальная экономика, национальная наука, национальная техника. По всем этим проблемам украинская коммунистическая, но национально мыслящая, интеллигенция выдвинула национальную программу, основанную со скрупулезной точностью на федеральной концепции Ленина против «автономизации» Сталина. Но у этой программы был один недостаток – она коренным образом противоречила повседневной антиконституционной практике Москвы в национальных республиках; самое же главное – она подрывала устои, на которых возвышалось само дореволюционное здание ленинизма с его идеей денационализации всех наций и слиянию их в один коммунистический гибрид, идея, от которой Ленин по существу отказался в 1922 г., но не отказалась партия. Решения съездов партии по национальному вопросу, как и сама федеральная конституция СССР, были задуманы как провизориум на переходное время, пока коммунистическая власть не почувствует себя достаточно сильной, чтобы отказаться от собственных решений и приступить к осуществлению действительной стратегической ее цели. Именно – к фактической ликвидации федерации на основе тоталитарной диктатуры партии, при которой даже само государство признается «звеном» самой партийно-политической системы (см. новую программу КПСС).

Но все это пришло позже, а в те годы национальные коммунисты, в отличие от Москвы, принимали провизориум за постоянную величину, а фиктивные права «суверенных» союзных республик, зафиксированные в советской конституции, за действующий закон.

Таково было положение, когда украинские национальные коммунисты развернули борьбу за украинизацию по всем названным выше проблемам. Ее возглавили признанные тогда авторитеты в национальном вопросе: прозаик и поэт Микола Хвылевой (культура), Михаил Волобуев (экономика) и член ЦК КП(б)У Александр Шумский (политика). Если их идеологическая позиция основывалась на трудах Ленина, то их историческая и национально-культурная аргументация базировалась на научных трудах академика Грушевского, который возглавлял тогда украинскую историческую науку. Академик Грушевский, как мы видели, был первым президентом Украинской народной республики, после ее падения эмигрировал в Австрию, потом, покаявшись, вернулся на Украину. В 1924 году он был избран членом Академии наук Украины, а в 1929 году членом Академии наук СССР.

Партия и советское правительство считали в те годы историческую и национально-культурную концепцию академика Грушевского о происхождении украинского государства и украинской нации объективной, научно обоснованной и партийно выдержанной. Такой же считалась и позиция украинских национал-коммунистов, пока они не начали активно проповедовать ее в партийной печати. Эта «проповедь» встретила столь единодушную поддержку украинской как партийной, так и беспартийной интеллигенции, что Москва ясно увидела, куда поведет такое развитие и поспешила объявить глашатаев украинизации «национал-уклонистами» страшное обвинение, после которого обычно слово переходит к чекистам.

Обратимся к некоторым их аргументам, пользуясь данными из книги Майстренко («Национальная политика КПСС»). Начало кампании за практическое осуществление украинизации положило выступление Хвылевого. В ряде статей, опубликованных в 1925 году и посвященных XII съезду РКП (б) и его решениям о коренизации, он ставит в центр внимания два вопроса. Во-первых, украинский писатель утверждает, что решения съезда насчет равноправия народов и необходимости коренизации аппарата власти в республиках остаются на бумаге, ибо невозможна украинизация без дерусификации украинского города,

без украинизации пролетариата; во-вторых, считает он, «пока пролетариат не овладеет украинской культурой, невозможно, чтобы культурная революция на Украине дала желаемые результаты». Хвылевой ставит вопрос: кто этому мешает? Ответ его категорический: «Русский мещанин, у которого в печенках сидит эта украинизация (…) который со «скрежетом зубовным» изучает этот «собачий язык», который кричит в Москву: «Спасайте!"»

Хвылевой предостерегает от рабского подражания русской литературе. Его аргумент: «не надо смешивать наш политический союз с Россией с литературой… Поляки никогда не дали бы Мицкевича, если бы они не перестали ориентироваться на русское искусство. Дело в том, что русская литература веками тяготеет над нами, как господин положения, который приучил нашу психику к рабскому подражанию… Идеи пролетариата нам известны и без московского искусства… Даешь собственный ум! Прочь от Москвы!»

Хорошо понимая, что его могут обвинить в национализме, собственно, предупреждая такое обвинение, Хвылевой оговаривает, что у него речь не о пролетарской коммунистической Москве, где центр мировой революции – Коминтерн, а о Москве литературных мещан и великорусских бюрократов. Он широко цитирует марксистских теоретиков, самого Ленина, все решения партии по национальному вопросу, чтобы его не объявили «сепаратистом».

Никакие ухищрения не могли спасти национального коммуниста, столь страстно разносившего Москву, если на него обратил внимание, говоря словами Ленина, «первый подлец и первый насильник», каким был товарищ Сталин. Так случилось с Хвылевым. 26-го апреля 1926-го года Сталин написал негодующее письмо на имя секретаря ЦК КП(б)У. В письме говорилось, что коммунист Хвылевой не любит Москвы, тогда как западноевропейский пролетариат и его компартии полны любви к ней. Сталин оценил выступления Хвылевого не как защиту решений самой партии по национальному вопросу, а как зловредный уклон. Более того – как целое течение антипартийной, националистической мысли в компартии Украины, наклеив на нее новый ярлык: «хвылевизм». Сталин потребовал от секретаря ЦК Украины Л. Кагановича разгромить и ликвидировать национализм в компартии Украины. Кагановича не надо было учить по части «разгромов». Не только сам главный «грешник», но и сотни украинских интеллектуалов из среды коммунистов, тысячи из среды беспартийной интеллигенции были сняты с работы, а потом и физически уничтожены. Разгромили и разогнали и тех партийных работников из ЦК Украины, которые во главе с членом ЦК Александром Шумским не только поддержали позицию Хвылевого, но и, в свою очередь, потребовали от Москвы перейти, наконец, от слов к делу по украинизации партийного, государственного аппарата. Такое требование Александра Шумского единодушно поддержала коммунистическая партия Западной Украины (в тогдашней Польше).

Тогда Сталин сначала послал в ссылку Шумского и его сторонников, а потом их тоже расстрелял. Что же касается коммунистической партии Западной Украины, то ее Сталин распустил через Коминтерн, который к этому времени уже стал простым подотделом ЦК ВКП(б). От чекистских пуль этих украинских коммунистов спасло то, что они жили в капиталистической Польше.

«Украинский национализм» смахивал на ту мифическую гидру, у которой на месте отрубленных голов вырастали новые. Действительно, не успел Каганович доложить Сталину, что план по разгрому национализма «выполнен и перевыполнен», как последовало новое антимосковское выступление и не где-нибудь на стороне, а в самом политическом и теоретическом органе ЦК КП(б)У в журнале «Большевик Украины». Это было исследование видного украинского экономиста и коммуниста Михаила Волобуева под названием «К проблеме украинской экономики», напечатанное в начале 1928 года. Исследование было задумано, чтобы помочь партии разработать практические меры по созданию комплексной «национальной экономики» в духе решений партийных съездов.

Основные тезисы автора сводились к следующему:

старая Россия вела на Украине колониальную политику, грабя ее экономические ресурсы;

Украина при советской власти должна гармонически развиваться в ее природных национально-экономических границах;

коммунизму противопоказана колониальная политика, «лишь украинский народ имеет правораспоряжаться своей экономикой», «эксплуатировать украинскую экономику во вред украинскомународу – это враждебно коммунизму»;

4) план «экономического районирования СССР», разработанный Госпланом СССР по схеме и приучастии старых царских специалистов-великодержавников, «полностью игнорирует национальныеэкономики бывших российских колоний и предлагает централизованное районирование СССР на старых великодержавных принципах» (Майстренко, стр. 108).

Волобуев был искренне убежден, что ЦК партии в Москве думает о национальной экономике и культуре то же самое, что и он. Это было глубокое заблуждение не одного Волобуева, но и почти всех национальных коммунистов того времени. Ведь национальные коммунисты и всерьез верили, что «генеральная линия» партии в национальных республиках – это создание собственной национальной экономики, подлинной национальной культуры, не только по «форме», но и по «содержанию», национальной науки и техники. Сами же националы должны возглавлять партийные органы и национальные правительства суверенных советских республик не по назначению из Москвы, а путем свободных демократических выборов на местах. Все это оказалось иллюзией. Иллюзию национальных коммунистов тех лет разделял и пишущий эти строки. Накануне XVI съезда партии, критикуя тезисы Политбюро к этому съезду, я писал: «В реконструктивный период практическое разрешение национального вопроса в свете устранения фактического неравенства, которое еще, безусловно, не устранено, приобретает сугубую актуальность как в хозяйственно-культурном, так и в политическом отношении… Однако нынешний темп нашего культурного и экономического строительства в национальных районах и имеющиеся достижения не обеспечивают выполнения весьма ясных и практических директив X и XII съездов партии… К сожалению, после XII съезда партии к национальной проблеме не возвращались и ее практическое решение идет от случая к случаю… Вот с этой точки зрения тезисы Куйбышева (председатель ВСНХ СССР) и Яковлева (Наркомзем СССР) не могут быть признаны достаточными. Каждый из них национальную проблему затрагивает вскользь, «кстати», «между прочим» и, таким образом, обходит актуальнейшие вопросы хозяйственного развития в национальном разрезе» («Правда», 22 июня 1930 г., А. Авторханов. «За выполнение директив партии по национальному вопросу»).

Критикуя тезисы Яковлева по колхозному движению, я отвергал колхозы для национальных республик, ссылаясь на Ленина. Я писал: «Ленин говорил: «Было бы ошибкой, если бы товарищи по шаблону списывали декреты для всех мест России, если бы советские работники на Украине и на Дону стали бы без разбору, огулом распространять их на другие области. Мы не связываем себя однообразным шаблоном, не решаем раз навсегда, что наш опыт, опыт центральной России, можно перенести целиком на все окраины» (т. XVI, стр. 106)».

«В другом месте, – продолжал я цитировать Ленина, – в известном письме коммунистам Кавказа Ленин призывает их к тому, чтобы они «поняли своеобразие своей республики от положений и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к развитию конкретных условий» (т. XVII, ч. 1, стр. 200)».

Именно опираясь на Ленина, я объявил «опыт центральной России» «Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса» – противопоказанным специфике нерусских областей и республик и потребовал для них не колхозы и не тозы, а землеустройство. В ряде статей в той же «Правде» меня подвергли разносной критике.

Ссылаясь на того же Ленина, один из моих критиков причислил меня не только к

«правым оппортунистам», но и к «предателям» партии. Он писал: «Мы должны категорически возразить против явно ликвидаторской и правооппортунистической теории и предложений Авторханова по вопросу о путях коллективизации национальных окраин… Что же выходит, если пойти по пути, предлагаемому тов. Авторхановым? Это означает снятие всерьез и надолго лозунга сплошной коллективизации национальных районов… так как землеустройство будет землеустройством индивидуальных крестьянских хозяйств. Вот почему мы не можем расценивать это предложение т. Авторханова иначе, как попытку потащить партию назад в сторону от генеральной линии партии, на ту самую дорожку, о которой ноют и скулят все правооппортунистические элементы. Тов. Авторханов определенно заболел право-оппортунистической близорукостью и паническими настроениями… Он не видит того, что есть на национальных окраинах… Почему мы так резко возражаем тов. Авторханову? Да хотя бы потому, что «время более трудное, вопрос в миллион раз важнее, заболеть в такое время – значит рисковать гибелью революции» (Ленин. Из речи на VII съезде партии против тов. Бухарина). Предательские уши правых дел мастера торчат из рассуждений тов. Авторханова о путях коллективизации национальных окраин» («Правда», 30 июня 1930 г., Л. Готфрид. «О правильных и правооппортунистических предложениях тов. Авторханова»).

Меня поставили по соседству с бухаринцами в отношении диагноза моей «правооппортунистической болезни». В те годы такое соседство считалось не очень уютным, а сама болезнь признавалась неизлечимой. Сталин, следивший за нашей дискуссией – «Колхозы или землеустройство» – заявил в отчетном докладе ЦК XVI съезду: «Партия пересмотрела метод землеустройства в пользу колхозного строительства», а сам съезд записал: «XVI съезд поручает ЦК партии… неуклонно проводить ликвидацию кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации *по всему Советскому Союзу* ».

Вот с этих пор в гигантской сельскохозяйственной стране – перманентный кризис недопроизводства зерновых культур и животноводческой продукции. Между тем до революции одна Украина кормила всю Европу своей пшеницей, а экспорт русского хлеба на мировом рынке занимал второе место после Америки. Вот уже несколько десятилетий, как СССР занимает первое место в мире по импорту американского хлеба.

V. Украинское национальное движение во время войны

В хорошо информированном бюллетене Кронида Любарского «Вести из СССР», издаваемом в Мюнхене, от 16 февраля 1987 года напечатано следующее сообщение: «13 марта 1986 года в Риге был арестован Роман Силараупс. Ему вменяется в вину требование открытой денонсации договора Молотов – Риббентроп. В октябре 1986 года Р. Силараупс был приговорен к 5 годам лагерей строгого режима и двум годам ссылки».

Другими словами, требование объявить недействительным самый преступный во всей истории дипломатии пакт между Сталиным и Гитлером, пакт, развязавший Вторую мировую войну, как и войну против самого СССР, пакт, стоивший человечеству 55 миллионов убитых, из которых на долю народов СССР приходится 20 миллионов, – так вот, объявить этот преступный пакт аннулированным советское правительство считает действием, подрывающим основы своего государства. Пакт имел ближайшее отношение к судьбе Украины и Белоруссии, так как в результате произошло их воссоединение с западными украино-белорусскими территориями. На такое воссоединение могут быть разные взгляды, но это не было разрешением ни украинского, ни белорусского вопросов. Сталин только увеличил количество заключенных в советской «тюрьме народов» украинцев и белорусов. Планы Сталина по «воссоединению» «братских» народов с советской империей шли куда дальше. Он планировал вернуть в советскую империю все те народы, которые входили в состав царской империи. Не с западными демократическими державами, а только с однотипным тоталитарным государством – с нацистским режимом Гитлера – мог Сталин осуществить такие планы. Поэтому Сталин прекращает былое заигрывание с

демократическим Западом, и исподтишка готовится к пакту с Гитлером. Более того, Сталин обвиняет западную демократию в том, что она натравливает Советский Союз и Германию друг на друга, чтобы спровоцировать между ними войну как раз по украинскому вопросу.

Вот что заявил Сталин на этот счет в марте 1939 года на XVIII съезде партии:

«Характерен шум, который подняла англофранцузская и североамериканская пресса по поводу советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее, как весной этого года, присоединят советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине. Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 571).

Это было по существу обращение к Гитлеру с предложением заключить антизападный пакт: это и случилось ровно через пять месяцев – 23 августа 1939 года в Москве был заключен «пакт о ненападении» между СССР и Германией, о чем будет речь дальше.

Сталин воссоединил две Украины и две Белоруссии, но из-за этого воссоединения недоверие к ним еще больше усилилось, ибо западные братья приносили с собой и западный сепаратизм и западную идеологию. После искусственного «дела Скрыпника» Сталин делал ставку не только на русский патриотизм, но и на национализм. Надо заметить, что Сталин был по своему прав. Он великолепно понимал, что если вспыхнет новая война, то спасти советскую империю может только сама державная сила – русская нация. И вот беда – четверть века ее денационализировали, интернационализировали, вдалбливали в ее мозги марксизм, вытравляя оттуда русскую гордость, русский патриотизм, русскую духовность. Десятилетиями русского человека учили издеваться не только над своими великими предками, но и над своей отечественной историей. Эта длительная духовная инквизиция не достигла цели – русский национализм оказался сильнее марксизма. Сталин решил, что в случае войны он поведет русского человека в бой не под знаменем марксизма, а под знаменем веками испытанного русского патриотизма и русских исторических героев. Отсюда логический вывод – реабилитация русского «военно-феодального империализма» со всей его политикой экспансии на окраинах России. Отсюда же и совершенно новый этап в национальной политике партии. Старая политика борьбы с «великорусским шовинизмом» признается пройденным этапом, а борьба с местным национализмом объявляется актуальной и перманентной задачей партии.

Первый разгромный удар по местным националистам в самой коммунистической партии Сталин направил против Украины. Это не было случайно. Сталину не удавалась радикальная чистка на Украине от сторонников украинизации, ибо украинизация была официальной политикой украинских соратников Ленина во главе со Скрыпником. Сталин решил, что, чтобы покончить с украинизацией, надо покончить со Скрыпником. Для этой цели Сталин направил на Украину в 1933 году одного из секретарей ЦК ВКП(б), кандидата в члены Политбюро Павла Петровича Постышева, русского по национальности. На Украине тогда первым секретарем был Станислав Косиор, являвшийся одновременно и членом московского Политбюро. Официальный ранг Постышева гласил: «Второй секретарь ЦК компартии Украины». Создалась странная субординация, не известная в практике даже такой виртуозной бюрократии, как бюрократия большевиков. Как второй секретарь ЦК, Постышев подчинялся первому секретарю ЦК Украины, но первый секретарь ЦК Украины Косиор в свою очередь подчинялся Постышеву, как секретарю ЦК ВКП(б).

Странность положения и смысл этой хитрой механики Сталина выяснились очень скоро, когда Постышев через голову первого секретаря развернул, как секретарь ЦК ВКП(б), кампанию против украинизации, объявляя ее проявлением «буржуазного национализма» на практике со стороны украинских старых большевиков Скрыпника, Шахрая, Лапчинского. Началась бешеная травля Скрыпника, который, будучи наркомом просвещения, проводил

курс украинизации в средних и высших школах, учреждениях культуры, в литературе, искусстве. В разгар этой травли, летом 1933 года, Скрыпник покончил жизнь самоубийством. Вскоре покончил жизнь самоубийством и известный нам писатель Хвылевой.

«Украинское дело» Скрыпника послужило Сталину поводом для радикального поворота в идеологической политике, вообще, и в национальной политике, в особенности. Отныне главной опасностью объявляются украинский и другие местные национальные уклоны. Термин «великорусский шовинизм» навсегда был изгнан из советской печати. Вот как обосновывал этот поворот сам Сталин в 1934 году на XVII съезде: «Многие думают, что грехопадение Скрыпника есть единичный случай, исключение из правила. Такие же вывихи наблюдаются у отдельных товарищей и в других национальных республиках… Спорят о том, какой уклон представляет главную опасность, уклон к великорусскому национализму или уклон к местному национализму?… Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали таким образом разрастись до государственной опасности. На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью» (там же, стр. 474).

Вот за этот украинский национализм Кремль организовал на Украине искусственный голод в 1931–32 годах, который унес в могилу 6 миллионов человек.

Второй искусственный голод на Украине Сталин организовал, по свидетельству Хрущева, после войны. Когда Хрущева начали упрекать, почему мы закупаем хлеб на Западе, тогда как при Сталине мы вывозили его в другие страны, невозмутимый Хрущев ответил на июньском пленуме ЦК (1963): «При Сталине и Молотове мы вывозили хлеб за границу, а советские люди пухли и умирали с голоду». Вывозили за границу, конечно, украинский хлеб, и умирали с голоду тоже украинцы. Это было наказание мстительного Сталина за то, что украинцы, как он считал, во время войны не проявили достаточного энтузиазма в защиту его тиранического режима.

Поставленные во время войны перед выбором: нацисты или коммунисты – руководители украинского национального движения выбрали третий путь – путь украинской независимости. Как только немецкие оккупанты вступили во Львов, съезд украинских национально-политических организаций в июне 1941 года провозгласил восстановление Украинской Народной Республики и создание украинского национального правительства во главе с Ярославом Стецко. Однако немецкие нацисты были такими же врагами независимой Украины, как и московские коммунисты. Москва хоть формально создала Украинскую советскую республику, а Берлин вообще рассматривал Украину как свою будущую колонию. Поэтому поголовно весь состав украинского правительства был арестован органами гестапо. Они сидели в тюрьме до конца войны. Дело арестованных продолжали в тылу у немцев и большевиков их уцелевшие соратники, создав Украинскую освободительную Раду – УГВР.

Организация украинских националистов (ОУН), лидером которой был убитый чекистами в 1959 году в Мюнхене Бандера, создала Украинскую повстанческую армию (1942). Поскольку Бандера сидел в немецком концлагере, ее возглавили сначала М. Лебедь, а потом Р. Шухевич. Сотни тысяч солдат УПА погибли в борьбе как с немецкими оккупантами, так и с чекистскими войсками. Оставшиеся в живых, так называемые «бендеровцы», погибли в ГУЛАГе.

Велики были материальные и человеческие потери Украины во Второй мировой войне. По официальным советским данным, украинские потери относительно превосходят даже потери России. Вот данные: во время советско-германской войны было уничтожено материальных ценностей на всей оккупированной территории СССР на сумму 679 миллиардов рублей, из них на долю Украины приходилось 285 миллиардов. Однако ужасающи были человеческие жертвы: на войне Украина потеряла 15 процентов своего населения. Из них 4,7 миллиона человек не вернулись с войны, а 1,5 миллиона человек из

гражданского населения Украины были уничтожены нацистами. Но никто еще не сосчитал, сколько же миллионов «бендеровцев» Сталин загнал в лагеря, потому что весь украинский народ в его глазах состоял сплошь из одних «бендеровцев». Поэтому ему пришла в голову даже сумасбродная идея, а не сослать ли весь украинский народ, по примеру кавказских народов, калмыков и крымских татар. Мы помним знаменитое место из доклада Хрущева о «культе личности» на XX съезде партии (1956 г.). Вот оно: «Украинцы избегли этой участи только потому, что их было слишком много, не было места куда их сослать, иначе Сталин их тоже сослал бы».

Во время правления Брежнева советская Украина начала подавать пример другим союзным республикам, как можно обходить московский абсолютный централизм, решая самостоятельно некоторые свои внутренние проблемы, особенно в кадровой политике. В какой-то мере началась фактическая украинизация партийно-государственного аппарата. На Украине давно уже не назначают первых секретарей обкомов партии из Москвы. Их назначает сам украинский ЦК преимущественно из украинцев. Когда новое горбачевское руководство постаралось восстановить старую практику и очистить старый украинский партаппарат во главе с Щербицким, то оно потерпело всем очевидное поражение. Щербицкий не только последний брежневец, но и последний первый секретарь партии в национальных республиках, который в открытом столкновении с новым генсеком вышел победителем. Надолго ли? Это, конечно, другой вопрос. Однако, если новая «генеральная линия» Горбачева с ее «революционной перестройкой» и с ее широковещательным курсом на гласность, открытость, демократизацию не является очередным тактическим маневром, то эта новая политика должна признать за Украиной, как и за другими союзными республиками, статус суверенных государств, который на словах признает даже такой документ редкого лицемерия, как советская Конституция.

ЧАСТЬ III. РОССИЯ, СССР И НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ СССР

I. Дважды завоеванные Туркестан и Кавказ

Отойдя от классической схемы Ленина по национально-колониальному вопросу, согласно которой русские цари своими внешними завоевательными войнами превратили Россию в «тюрьму народов», советские идеологи стали перед головоломной проблемой: как изъять из обращения теорию «тюрьмы народов», а само покорение чужих народов изображать продиктованным справедливыми государственными интересами России, совпавшими якобы с национальными интересами покоряемых народов. Ухищренные идеологи, ловко эксплуатировавшие свою всеспасающую «диалектику» при любых ситуациях, тут безнадежно спасовали. Ведь советские идеологи живут на цитатах «основоположников марксизма-ленинизма», а тут никаких цитат не выкопаешь не только у «основоположников», но даже у самого Сталина. Но поскольку у марксистских диалектиков и совесть тоже диалектическая, то нашли выход: вместо марксиста Покровского переиздавать монархиста Ключевского, чтобы доказать правомерность царской колониальной экспансии, а историков покоренных народов заставили переписать историю национальностей, доказывая «прогрессивность» завоевания их народов русскими царями. Так переписана сейчас история всех нерусских народов. Слов нет, сама русская история тоже была безбожно фальсифицирована. Поэтому «Курс русской истории» либерального монархиста В. О. Ключевского сегодня стал настольной книгой каждого советского идеолога (сейчас выходят вторым изданием фундаментальные курсы русской истории не только Соловьева и Ключевского, но и крайне реакционного историка монархиста Карамзина).

По этой причине я хочу изложить сначала концепцию Ключевского, как расширялась русская империя. Ключевский счастливо сочетал в себе широту исторических интересов с талантом исторического рассказчика. Но не за это взяли его советские историки на

вооружение. Более важным было его качество выдающегося интерпретатора русской патриотической концепции становления Российской Империи. Однако Ключевский, столь хорошо знавший русскую историю, был лишен элементарных знаний истории народов, которых покоряла Россия. Историю этих народов, пожалуй, лучше знали русские генералы, чем русские историки (например, самые лучшие до сих пор труды о Кавказе написали царские генералы).

Русско-имперская концепция Ключевского, выдержанная прямо-таки в идиллических тонах, весьма популярна у нынешних советских империалистов, отцов которых еще недавно учили другой, антицарской, концепции Ленина и Покровского. Если по Покровскому и по Ленину XIX век вошел в историю России как век завоевательных колониальных войн, окончательно завершивших становление евроазиатской Российской Империи методами русского «военно-феодального империализма», то советские историки считают, что царские колониальные войны носили объективно освободительный характер, ибо насильственное присоединение к культурной России нерусских народов, стало актом исторического прогресса для покоренных народов. Сам Ключевский был слишком ученым, чтобы не лицемерить, доказывая, как советские историки, что Россия выполняла здесь «культурную миссию». Завоевания эти он объясняет чисто государственными и даже географическими интересами, что вполне устраивает и советских идеологов. Вот сущность имперской концепции Ключевского: «В продолжении XVIII века Россия почти завершила давнее свое стремление стать в естественные этнографические и территориальные границы. Это стремление было завершено в начале XIX века приобретением всего восточного берега Балтийского моря по присоединении Финляндии с Аландскими островами по договору со Швецией 1809 года с продолжением западной границы, по присоединении царства Польского по акту Венского конгресса и границы юго-западной, по присоединении Бессарабии по Бухарестскому договору 1812 года. Но как скоро государство стало в свои естественные границы, внешняя политика России раздвоилась: различные стремления преследует она на азиатском, восточном и на европейском юго-западе…»

Переходя к русским границам на востоке, Ключевский развернул весьма оригинальную философию о тамошних «политических обществах» (речь, очевидно, идет о ханствах и эмирствах), некоторые из которых были куда старше, чем русские княжества. Вот продолжение его рассуждения: «Русские границы на востоке не отличались резкой определенностью или замкнутостью: во многих местах они были открыты; притом за этими границами не лежали плотные политические общества, которые бы своей плотностью сдержали дальнейшее распространение русской территории. Вот почему Россия здесь должна была перешагнуть за естественные границы и углубиться в степи Азии. Этот шаг был сделан ею частью против собственной воли». Ключевский имеет в виду завоевание Кавказа и Средней Азии. Трудно согласиться, что Россия вела там кровопролитнейшие войны «против собственной воли», а народы, с которыми они велись, не представляли «плотных политических обществ». В азиатских степях жили древние племена тюркского происхождения, которые еще в VI веке создали своеобразную федерацию народностей под названием «Тюркский каганат». В середине VIII века Средняя Азия была завоевана арабами. Началась ее исламизация. Начало исламского периода в истории среднеазиатских народов ознаменовалось большим расцветом в развитии производительных сил, расширением торговли и внешнеторговых связей, ростом изумительного национально-мусульманского зодчества и градостроительства. Тогда же были построены такие исторические города, как Самарканд, Ташкент, Термез, Бухара. Господство Халифата и принесенная им новая религия – ислам – привели к объединению всех тюркских народов, которые после распада «Тюркского каганата» находились между собой в постоянной междоусобице.

Эпоха государства Саманидов, начавшаяся в IX веке, отмечена превращением городов Самарканда, Ташкента и Термеза в крупные хозяйственно-ремесленные и торговые центры, которые вывозили предметы своего производства в Китай и страны Восточной Европы.

В XI веке возникло новое тюркское государство Хорезм, разгромленное в результате

нашествия татаро-монгольской орды Чингисхана (в 1219 году), но уже в следующем столетии тюркский полководец Тимур (Тамерлан) вновь восстанавливает Тюркское государство, создав большую империю.

После Тимура началась длительная эпоха раздоров и национально-племенного размежевания, пока в Туркестане не стабилизировались три самостоятельных тюркских государства – Бухарское ханство, Хивинское ханство и Кокандское ханство, но при сохранении исламского единства и общности в культурном развитии (к XIX веку относится большой расцвет туркестанской культуры и литературы). Интенсивно развиваются все виды городского и сельского хозяйства, совершенствуются и расширяются очень важные для Азии ирригационные сооружения. Вот так выглядели «не плотные политические общества» Средней Азии, когда Россия после покорения Кавказа повернула свою имперскую политику в ее сторону.

Среднеазиатские ханства бойко торговали с Россией, а в начале XIX века состоялся обмен послами России с этими ханствами. Хотя ханства эти были богаты всяческим сырьем, они были очень бедны оружием. И это решило их судьбу. Россия их покорила в два приема: в 1864–65 гг. – Коканд и Бухару, в 1880–81 – Хиву.

Признавая, что царизм установил в Средней Азии «колониальный режим», советские историки в то же самое время утверждают: «Вхождение Средней Азии в состав России объективно оказало прогрессивное воздействие на ее развитие» (БСЭ, т. 24, третье изд., стр. 378, М. 1976). «Прогресс», оказывается, состоял в том, что Россия из своих 220 хлопко-бумажных заводов 208 построила в Туркестане, превратив его в хлопковую базу империи (когда западные империи делали то же самое в своих колониях, привозя сюда капитал к дешевым рабочим рукам, то БСЭ это называет не «прогрессом», а колониальными грабежами).

В одном советские историки обвиняют и царизм, когда пишут: «Царизм намеренно поддерживал сохранение реакционных феодальных режимов в Бухаре и Хиве. Народы Средней Азии испытывали двойной гнет: со стороны байской верхушки и русских колонизаторов» (там же, стр. 278). Другими словами царь Александр II поступил не «прогрессивно», сохранив Бухарское и Хивинское ханства как свои вассальные государства с внутренней автономией. Если бы царь ликвидировал эти ханства (как он ликвидировал Кокандское ханство за поддержку восстания киргизов против России), то не было бы «двойного гнета», а остался бы один гнет – гнет русских колонизаторов. Однако, я утверждаю, что автономный статут ханств давал туркестанцам больше фактических прав, чем дает им конституция нынешних туркестанских союзных республик.

Кавказом Русь интересовалась издавна. Первый русский царь Иван IV (Грозный) был второй раз женат на дочери кабардинского князя – Марии Темрюковой. Брак был заключен в 1561 году, после того, как Иван Грозный покорил Казанское ханство (1552) и Астраханское ханство (1556). Именно при Иване Грозном русские границы продвинулись до реки Терек, где уже были казачьи поселения из беглых крепостных крестьян. Неоднократные попытки русских экспедиционных войск в XVI, XVII и XVIII веках овладеть Кавказом остаются безуспешными не только из-за сопротивления кавказцев, но и потому, что здесь столкнулись колониально-стратегические интересы трех государств России, Персии и Турции. Положение осложнялось еще и тем, что два древнейших христианских государств в Закавказье Армения, которая была оккупирована Персией, Грузия, которая часто подвергалась нашествиям как персов, так и турок, ожидали бескорыстной помощи от единоверной России. Такой же, как будто, была и цель Георгиевского трактата 1783 года между Россией и Картлийско-Кахетинским царством, по которому был установлен протекторат России над Восточной Грузией. Когда в связи с этим началось большое движение русских войск на северо-кавказские земли, то горцы подняли первую священную войну под руководством чеченского шейха Ушурма-Мансура, которая продолжалась 6 лет.

По Ключевскому Россия пришла и на Кавказ тоже в поисках своих естественных границ, а когда она встала лицом к лицу с гигантским Кавказским хребтом как естественной

границей, то Россия, якобы, перешла этот хребет против собственной воли, как это было после этого и в Азии. Вот как это случилось по Ключевскому: «В 1739 году владения России на юго-востоке дошли до Кубани… Россия очутилась перед Кавказским хребтом. Русское правительство совсем не думало переходить этот хребет, не имело ни средств к тому, ни охоты; но за Кавказом, среди магометанского населения, прозябало несколько христианских княжеств, которые начали обращаться (к русским) за покровительством… Екатерина принуждена была послать за Кавказский хребет, в Тифлис, русский полк». Как анекдот звучит замечание Ключевского, когда он пишет, что, направляя русский полк в Тифлис, Екатерина II толком даже и не знала, где лежит Тифлис – на Черном море, на Каспийском или где-то внутри России. Но чего не знала императрица, хорошо знали ее генералы. Русское правительство, которое «совсем не думало переходить хребет», в 1784 году заложило на Тереке, перед главным Кавказским хребтом, военную крепость с символическим названием «Владикавказ», – то есть «владей Кавказом», которая ныне стала городом Орджоникидзе. Тогда же генералы приступили к строительству известной Военно-Грузинской дороги, соединяющей Россию с Тифлисом. Дорога была закончена в 1799 году. В том же году сын Екатерины Павел I направил русские войска в Тифлис.

Дальше происходят какие-то опереточные действия, в которых сам грузинский народ не участвует. Последний грузинский царь Георгий XII, пишет Ключевский, «завещал Грузию русскому императору, и в 1801 году волей-неволей пришлось принять завещание». Другими словами, больше волей, чем неволей, Павел I аннексировал Восточную Грузию, а затем его сын Александр I завоевал Западную Грузию. За этой аннексией последовали две войны с Персией, в результате которых к России были присоединены два кавказских народа: один мусульманский народ – азербайджанцы (1813) и другой – древнейший в мире христианский народ – армянский (1828). Создалось стратегически странное положение: Россия стояла теперь обеими ногами в Закавказье, а на Кавказе ее власть распространялась только на линию военных крепостей с казачьим беглым населением от Кубани через Терек до Баку, Эривана и Тифлиса.

Русские войска перешли Кавказский хребет, разбив Мансура, но не покорив еще народы перед этим хребтом. Вот как описывает Ключевский как эти народы, так и новую стратегическую проблему России: «Русские полки в Тифлисе очутились в чрезвычайно затруднительном положении: сообщение с Россией возможно было только через Кавказский хребет, населенный дикими горными племенами; от Каспийского до Черного морей русские отряды были отрезаны туземными владениями…». Нужно было, говорит Ключевский, для безопасности пробиться на запад Кавказа (против черкесов) и на восток Кавказа против чеченцев и лезгин (здесь Ключевский путает лезгин с аварцами, ибо лезгины живут на северных границах Азербайджана). (Ключевский, т. V, стр, 194).

В отличии от профессора Ключевского герой шпицрутенов и вешатель декабристов Николай I выражался насчет покорения Кавказа более энергично. Награждая завоевателя Армении генерала Паскевича титулом «Графа Эриванского» (за подавление Польского восстания 1831 года он был награжден и новым титулом «Светлейшего Князя Варшавского»), царь писал в рескрипте на его имя: «После того, как выполнена и эта задача, задача покорения Армянского нагорья, предстоит Вам другая задача, в моих глазах не менее важная, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшая, – это покорение горских народов или истребление непокорных» (М. Н. Покровский, «Дипломатия и войны царской России в XIX веке»).

Эта знаменитая Кавказская война началась еще в 1817 году и кончилась почти через 50 лет – в 1859 году пленением выдающегося полководца и организатора общегорского государства – имама Шамиля (последнее наибство Имамата Шамиля Черкессия пала в 1864 году).

Ни одна война по покорению чужих народов не стоила России стольких жертв, как Кавказская война, а ее продолжительность (55 лет!) беспрецедентна вообще в истории колониальных войн. Она началась при Александре I, продолжалась все царствование

Николая I и кончилась только при Александре II. Со стороны горцев ее возглавили имамы Кази-мулла, Гамзат-бек, а с 1834 года имам Шамиль. Когда в 1840 году к Шамилю присоединилась Чечня, война приняла общекавказский характер. О Кавказской войне существует огромная дореволюционная русская и иностранная литература. Наиболее объективно о Кавказской войне писали ее непосредственные русские участники. Их всех поражало упорство горцев в борьбе за свою независимость. Корреспондент «Московских ведомостей» сообщал своей газете с Кавказского фронта: «В Чечне только то место наше, где стоит наш отряд; двинулся отряд, и это место немедленно переходит в руки повстанцев».

Особенное восхищение современников вызывает не только героизм горцев, но и полководческий гений Шамиля. Путешествуя по территории Имамата Шамиля, писатель Александр Дюма писал в своей корреспонденции в Париж: «Шамиль – титан, который воюет против владыки всех русских». Маркс называет Шамиля «великим демократом».

Классики русской художественно литературы – Пушкин, Лермонтов и Толстой (последние два – участники Кавказской войны) осуждали ее и сочувствовали горцам. О самом свирепом завоевателе – о первом главнокомандующем Кавказской войны генерале Ермолове Пушкин писал:

Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена…
Но се – Восток подъемлет вой.
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов.
И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно…
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!

Лермонтов вошел в историю Кавказа как великий певец его свободы. Все помнят эти пламенные строки поэта:

Кавказ, далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

Этот великий русский человек глубоко постиг всю философию горцев, когда писал во вступительной части «Измаил-бея»:

И дики тех ущелий племена,
Их бог – свобода, их закон – война…
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.

По официальным данным действующая русская армия на Кавказе составляла 200 тысяч человек (царский генерал Фадеев писал, что в последние годы войны она доходила до 280 тысяч человек). Для тогдашних масштабов это большая цифра (вспомните, русская армия против Наполеона доходила только до 240 тысяч человек). Армия Шамиля составляла около 20 тысяч человек с примитивной техникой против выдающейся русской артиллерии, да еще

плюс новое русское нарезное оружие, которое впервые появилось после Крымской войны, чего не было у горцев.

Отношение советских историков к Кавказской войне менялось столько раз, сколько раз менялась сама «генеральная линия». Сначала Шамиль был, как и по Марксу, «великим демократом», а завоевание Кавказа – актом колониальных грабежей царизма. Потом Шамиль стал реакционером и даже турецким шпионом, а завоевание Кавказа – «меньшим злом». Наконец, в исторической науке появился новый ученый с Кавказа, который нашел, что «меньшее зло» тоже есть «зло», а покорение Кавказа Россией вовсе не было злом, а великим «историческим прогрессом». Это новое научное открытие теперь распространено на все покоренные народы. Имя его автора знает теперь весь мир – Шеварднадзе.

Как уже указывалось, народы Туркестана и Кавказа, воспользовавшись победой Октябрьской революции и многократными заявлениями большевистской партии о праве нерусских народов на выход из России, образовали свои независимые государства, которые сразу очутились между двух огней: между Красной Армией Ленина и Троцкого и Белой армией Колчака и Деникина. Поскольку эти бывшие царские офицеры боролись за «единую и неделимую Россию», а большевики продолжали проповедовать право на самоопределение нерусских народов, то они сочувствовали большевикам и даже поддерживали их против белогвардейцев. Сталин приписывал победу большевиков как раз этой поддержке, когда писал: «Революция в России не победила бы и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской Империи» («Вопросы ленинизма», стр. 52).

Но вот в 1920 г. большевики покончили с Колчаком и Деникиным и тут же началось второе завоевание Туркестана и Кавказа Красной Армией. Этот вероломный акт советского империализма Шеварднадзе назвал «восходом Ленинского солнца с севера». Это, вероятно, единственная причина, почему ленинская империя сделала своим министром иностранных дел человека, не знающего никакой другой страны, кроме ее колонии – Грузии.

Да, это правда, что Россия всегда была щедра в награждении своих кавказских лакеев, но истинный Кавказ жив своими национальными героями: 28 мая 1988 г. на массовых митингах в Грузии и Армении славили героев, которые 70 лет назад объявили о выходе из советской России кавказских народов и образовали независимые кавказские республики, через три года сожженные «ленинским солнцем».

II. Мусульманские народы в России и СССР

Исламская революция в Иране и героическое сопротивление мусульманского Афганистана против советской сверхдержавы повысили интерес также и к мусульманским народам СССР. Происходящая сейчас схватка между исламом и коммунизмом в Афганистане, продолжающаяся политическая, стратегическая и энергетическая конфронтация великих держав в мусульманском регионе (Афганистан, Иран и Арабский Восток) может привести в движение со временем и советский мусульманский Восток. Кремль старается, продолжая бороться против ислама в СССР, вводить советских мусульман в свою экспансионистскую игру на Среднем и Ближнем Востоке якобы для «защиты» тамошних мусульманских народов против американцев. Но это не только фальшивая и коварная игра, но и одновременно игра с огнем. В случае возникновения военной конфронтации в этом регионе между Америкой и Советским Союзом нынешняя ставка Кремля на «мусульманский патриотизм» его подданных может обернуться катастрофой для него же. В высокой степени ненадежными являются мусульманские народы СССР и в случае серьезного политического и революционного кризиса внутри страны, о чем свидетельствует живучесть идеологии басмачества в Туркестане и мюридизма на Кавказе, основанной на догмах ислама. Характерно также, что все диссиденты, репрессированные из среды мусульман, обвинялись в перепечатке и распространении Корана. Сказанное делает необходимым уделить специальное внимание догматам ислама, истории мусульманских

народов СССР и настоящему положению ислама в СССР.

Ислам – религия великих завоевателей словом и мечом – превратился со временем в религию завоеванных и порабощенных колониальных народов Азии и Африки. Как раз на этих двух континентах, где европейский колонизатор шествовал по следам арабских завоевателей, он хотя физически и покорил мусульманские народы, но никогда не смог покорить их духовно. Попытки миссионеров из метрополий вернуть обратно в христианство хотя бы те народы, которые до их покорения арабами проповедовали христианство, оказались, в основном, тщетными. Один известный советский востоковед замечает в отношении стран Арабского Востока: «В этих ранее христианских странах в средние века большинство коренного населения перешло в ислам, но никогда не наблюдалось случаев принятия христианства мусульманами» (Е. А. Беляев, «Мусульманское сектантство», Москва, 1957 г., стр. 152).

Неспециалисту трудно понять, а тем более правильно оценить, тот величайший успех, который выпал на долю ислама, родившегося в средние века в том же регионе, где уже несколько веков господствовали такие мировые религии, как иудейство и христианство. Гораздо легче объяснить успех ислама в новое и новейшее время, когда он стал религией колониальных народов. Ислам в отличие от христианства воплощает в себе не только вероучение («Дин»), но и государственное учение («Шариат»). Здесь и Божье и кесарево было сосредоточено в одном верховном суверене – сначала в Магомете, а потом в халифах. Отсюда ислам, будучи верой, становится одновременно и движущей национально-политической силой сначала в арабских завоевательных войнах, а потом в освободительном движении колониальных народов (басмачество в Туркестане, мюридизм на Кавказе).

Что же касается догматов ислама, то существует теория, что ислам – всего-навсего синтез элементов христианства, иудейства и языческих верований арабских племен. Если он действительно является каким-то синтезом, то надо его признать гениальным синтезом, призванным удовлетворить духовную потребность той части человечества, которая осталась вне сферы влияния существующих мировых религий.

Догматы и моральная философия ислама («ислам» – «вручение себя Богу») изложены в священной книге мусульман («мусульманин» «преданный») – в Коране («Коран» – это «чтение»), который представляет собою сборник проповедей Магомета (род. 570, умер 8 июня 632 г.), внушенных ему Богом через ангела Джабраила (Гавриила). Коран собран уже после смерти Магомета его непосредственными учениками. Основная догма ислама, хотя ее нет в Коране, гласит: «Нет Бога, кроме Бога и Магомет его пророк» (значение этой догмы становится понятным, если иметь в виду, что в священном доисламском храме Кааба в Мекке было собрано до 360 идолов, которым покланялись разные арабские племена). Она противопоставляла себя также и христианской догме о Боге в трех лицах («Троице»). Вступительная сура Корана – «Фатих» – которая у мусульман играет роль христианского «Отче наш», гласит: «Во имя Господа Милосердного, Милостивого! Хвала Богу, Господу миров, Милосердному, Милостивому Владыке дня суда. Воистину Тебе мы поклоняемся и у Тебя мы просим защиты. Наставь нас на путь правый, на путь тех, к кому Ты был милостив, на кого нет гнева, и кто не заблуждается». С формулы «Во имя Господа Милосердного, Милостивого», которая по-арабски звучит так: «Бисмиллахир рахманир рахим» – начинается каждая из 114 сур Корана. Обрядовых предписаний мусульманину четыре: 1) пятикратная молитва в день, 2) соблюдение поста (лунный месяц Рамазан), 3) «закат» (платить в пользу сирот и бедных 2,5 % от своего дохода) и 4) при материальной возможности совершить раз в жизни паломничество в Мекку. Морально-этические обязанности, которые возлагает Коран на своих последователей, один немецкий комментатор Корана сводит к следующим шести главным принципам: 1) уважение жизни человека, 2) верность и порядочность, 3) доброта и преданная благодарность родителям, 4) помощь соплеменникам и единоверцам в их нужде, 5) верность долгу, 6) великодушие к зависимым от тебя («Der Koran», Munchen, Goldmann Verlag, 1959, стр. 12–13). В четвертой суре Корана сказано, что все хорошее, совершаемое

человеком, – от Аллаха, а все плохое – от него самого. Блаженства рая, которые ожидают правоверного мусульманина, Коран описывает с необыкновенным пафосом и красочностью. Коран освобождает человека от страха в борьбе за правое дело.

В девятой суре читаем: «Скажи: «Не постигнет нас никогда ничто, кроме того, что начертал нам Аллах»». Коран освобождает человека и от боязни смерти. В той же суре сказано: «Достояние ближней жизни в сравнении с будущей – ничтожно». Средневековый мусульманский философ так комментирует учение Корана о смысле смерти: «Смерть – исчезновение материи, а не души… Смерть лишь перемена состояния. Душа начинает жить самостоятельно, пока она находилась в теле, она держала рукой, смотрела глазами, слушала ушами, но суть вещей познавала она, и только она». Эту философию смысла жизни и смерти по исламу выдающийся советский ученый узбек Талиб Саидбаев, данными которого я пользуюсь, охарактеризовал в словах: «Немаловажную роль в выполнении исламом компенсаторской функции в обществе сыграло и учение его о цели и смысле земной жизни как подготовке к потусторонней жизни. Человек, по исламу – 'пилигрим', для которого цель путешествия, естественно, куда важнее, чем превратности пути» (Т. С. Саидбаев, «Ислам и общество», М. 1978, стр. 57). Никто из богословов как христианских, так и мусульманских не оспаривает влияния иудейства и христианства на оформление учения ислама. Коран признает божественное происхождение Библии и Евангелия. Признает посланниками Бога – Адама, Ноя (по-арабски Нух), Авраама (Ибрагим), Моисея (Муса), Иисуса Христа (Исаал-Масих, то есть Мессия). В Коране присутствует культ Христа, но считают его не Богом, а пророком Бога, каковым себя считал и Магомет. Коран по существу воспроизводит рассказ Евангелий о непорочном зачатии Девой Марией. Ислам утверждает, что Магомет – тот самый Параклет, пришествие которого предсказывал Иисус Христос (в Евангелии от Иоанна).

После смерти Магомета произошел раскол в исламе. Он был вызван не догматическими, а династическими расхождениями из-за спора о наследнике Магомета. Рассказывают, что Магомет хотел, чтобы его наследником и первым халифом стал его зять Али с тем, чтобы положить начало династии по родственной линии. Однако окружение Магомета признало лучшим установление принципа выборности и выбран был не Али (впрочем, самый выдающийся полководец Магомета), а Абубекир. Отсюда и раскол на «суннитов» («правоверных» от всей «общины»), сторонников Абубекира, и на «шиитов» («сектантов» от «части общины»), сторонников Али. В середине VIII века шиизм стал особым течением в исламе на основе нового догмата: заместитель пророка – халиф – не может быть избираем людьми. Поэтому все халифаты от Абубекира, Омара, Османа, Омейядских и Аббассидских являются для шиитов незаконными. Шииты признают Коран, Магомета и сунну кроме тех ее частей, где рассказывается о противниках Али, но шииты имеют и свое, отличное от суннитского, священное предание: шииты восприняли в частности от своих старых верований учение об отсутствии божественного предопределения и о свободе воли. Раскол не помешал, однако, триумфальному шествию ислама по земле. Едва прошло сто лет после смерти Магомета, как ислам с невероятной быстротой, силой оружия, распространяется по Сирии, Персии, Средней Азии, Кавказу, Египту, по Северной Африке и почти всему Пиренейскому полуострову в начале VIII века. Даже после падения централизованной власти халифата ислам покорил Константинополь, водрузив луну на храме Святой Софии (1453 год). В начале XVI и в конце XVII века турки дважды пытались, оба раза неудачно, овладеть даже Веной. Это был уже конец исламской экспансии в сторону Европы. Отныне ислам стремится в незавоеванные христианством страны Африки и Азии – вплоть до Филиппинских островов, куда ислам проник через Индонезию в XIV–XV вв. Но история любит парадоксы. Чем больше преуспевал ислам, на этот раз не мечом, а словом, среди афро-азиатских народов, тем интенсивнее шел другой параллельный процесс – колонизация этих народов великими и даже средними державами Европы.

Последний халифат – Османская империя – после неудачной для нее войны с Россией в 1877–78 гг. настолько ослабела, что европейские державы постепенно начали захватывать ее

отдельные провинции с их мусульманскими народами, а после Первой мировой войны вообще разделили между собою арабские страны.

От великой мусульманской империи уцелела одна лишь Турция, объявившая себя чисто национальным государством и республикой. Отныне суверенитетом пользовались три мусульманских народа: Турция, Персия и Афганистан.

Вторая мировая война и ее последствия привели к крушению всех мировых империй, кроме советской. Европейские культурные державы, одни добровольно, другие вынужденно, признали национальную независимость их бывших колоний. Так образовалось 33 новых мусульманских государства в Азии и Африке. Вместе со старыми тремя мусульманскими государствами теперь в мире имеется 36 независимых государств с большинством мусульманского населения в них.

III. Распространение ислама на территории СССР

На нынешней территории СССР – на Кавказе и Средней Азии – арабские завоеватели появились еще при первых наследниках Магомета – Азербайджан был завоеван халифатом в 639 г. (через семь лет после смерти Магомета), Дагестан в 642–643 гг. В 673–674 гг. арабские войска перешли Аму-Дарью и вступили на Бухарские земли. Окончательно Бухарское царство и соседние территории, лежащие за Аму-Дарьей, арабы покорили в 706–716 гг. Около 15 среднеазиатских феодальных государств было присоединено к халифату. Существовавшие ранее многочисленные местные религии были объявлены ложными, а население постепенно начали обращать в ислам. Для ускорения процесса исламизации арабы освобождали местных жителей от подушного налога. Арабские завоеватели были не только выдающимися полководцами, но и прекрасными психологами. Земли они покоряли мечом, но народы они покоряли словом, убеждением, рассказом и показом преимуществ новой веры. При этом они шли на широкий компромисс между исламом завоевателей и адатным правом завоеванных народов. Ислам успешно рядился в национальную форму. Поскольку халифы, как и Магомет, в одном лице были и вероучителями и главами государства, то ислам и его юриспруденция – шариат («направлять», «издавав законы») – стали основой образования будущих национальных теократических государств в Средней Азии после падения власти пришельцев. Не проповедовал ислам и аскетизм, столь чуждый среднеазиатским народам. Изречение пророка гласило: «Лучший из вас не тот, который ради небесного пренебрегает земным, и не тот, который поступает наоборот; лучший из вас тот, который берет от обоих».

Сравнивая отношение ислама и христианства к человеку, советский автор делает такой вывод: «Христианин, чтобы исполнить требование своей веры, должен забыть себя ради Бога и веры; от мусульманина его закон требует, чтобы он среди своих дел не забывал ни Бога, ни ближнего, совершал в положенное время молитвенный обряд и отдавал часть своего имущества в пользу бедных» (Т. Сайд-баев, там же, стр. 40).

Многие советские авторы объясняют успех ислама его гибкостью, податливостью, изумительной способностью приспособляться к местным верованиям, обычаям, обрядам: «Ислам (сравнительно с другими монотеистическими религиями) быстрее приспосабливается к условиям реальной жизни. В эпоху формирования арабской государственности и внешних завоеваний он витал не в небесах, а в мире земной жизни» (там же, стр. 31). Исламизация других народов Азии и Кавказа в дальнейшем происходит уже без арабских завоевателей – мирным путем. Мусульманские миссионеры распространяют ислам в Булгарии (современная Татария) в конце IX – начале X века, в Башкирии – в X-XII веках, в Кабардино-Балкарии и Черкессии – в XIV веке, в Чечено-Ингушетии – в XVI–XVII веках.

После создания русского централизованного государства Россия приступает к покорению мусульманских народов Волги, Сибири, Средней Азии и Кавказа. Это оказалось далеко не легким делом и поэтому сам процесс покорения народов этих районов

продолжался довольно долго. Тут противостояли друг другу не только два мира (Европа и Азия), но и две религии (христианство и ислам). Обе стороны старались придать войне национально-религиозный характер – наступающие русские воевали под знаменем православия, а обороняющиеся мусульмане начали «Священную войну» («Газават» под зеленым знаменем ислама). Все без исключения мусульманские народы оказывали России длительное вооруженное сопротивление. Еще при Иване IV были покорены Казанское (1552 г.) и Астраханское (1556 г.) ханства. При Екатерине II было покорено Крымское ханство (1772 г.). Покорение кавказских народов началось и завершилось в XIX веке – в 1813 г. был взят Азербайджан (после войны с Персией), в 1859 г. были взяты Дагестан и Чечня, в 1864 г. – Черкессия. Во второй половине XIX века началось покорение мусульманских народов Средней Азии. По отношению к ранее покоренным татарам и башкирам правительство держалось политики насильственного крещения. После ряда татарских и башкирских восстаний, а также после известного пугачевского восстания, в котором участвовало много башкир, было решено признать политику насильственного обращения мусульман в православие ошибочной. Екатерина II легализовала ислам и признала его законной религией ее татаро-башкирских подданных. При Александре II в 1872 г. в Закавказье, в 1878 г. в Оренбурге, потом в Уфе были созданы «Духовные собрания по заведыванию лицами Магометанской веры». Такое же духовное управление существовало с 1831 г. в Крыму. Их главы – муфтии – назначались министерством внутренних дел и им оплачивались. В недавно завоеванных странах – в Средней Азии и на Северном Кавказе – духовных управлений не было. Там военное начальство – генерал-губернаторы – сами непосредственно ведали и духовными делами. Началось печатание мусульманской духовной литературы (Коран печатался в Казани). Открылись новые средние и высшие духовные школы – медресе. В одном Узбекистане было до революции свыше 400 медресе, а мактабы (сельские духовные школы) были в каждом кишлаке (И. М. Муминов. Избранные труды. Т. 2, Ташкент, стр. 37). В России был издан Коран и на русском языке. Первый перевод Корана на русский язык был сделан по приказу Петра I. Коран был переведен первым доктором философских наук в России – П. В. Постниковым. Этот перевод вышел в Петербурге в 1716 г. под названием «Алкоран о Магомете и закон турецкий». Имеются и позднейшие переводы – 1879 г. (Казань), 1880 г. (Москва) и перевод Крачковского в советское время – 1963 г. (Москва).

Дореволюционное мусульманское духовенство русской империи выступало не только как высшее моральное руководство живущих в ней мусульманских народов, но оно представляло собою одновременно и организованную национально-политическую силу, с которой считалось правительство. Оно было также и экономической силой – мусульманские учреждения владели вакфами – движимым и недвижимым имуществом, завещанным в пользу мечетей. Вакфы располагали благотворительными учреждениями (госпитали, приюты для стариков, вдов, сирот). В их распоряжении имелись также земли, которые безвозмездно обрабатывались верующими.

Величайшая заслуга мусульманского духовенства Российской Империи перед историей своих народов заключалась в том, что оно внесло в сознание своих единоверцев новое понятие – *все российские мусульмане, независимо от расы, языка и территории, есть единая духовная, историческая и социальная общность,* они связаны между собой одной верой и судьбой.

Положение мусульманского духовенства и степень власти шариатской юрисдикции в различных районах, как уже вскользь упоминалось, были различны. В Средней Азии были сохранены поставленные под власть России Бухарское и Хивинское ханства с полной внутренней автономией, повторяю, несравненно большей, чем ее имеют нынешние «союзные республики» в Средней Азии. Бухарский эмир, например, по традиции халифатов, был одновременно верховным светским и духовным правителем, который управлял по исламу, издавал административные акты, но не издавал законов, ибо все законы уже изложены в шариате. Выступая толкователем этих законов высшее духовенство оказывало

влияние на эмира, иногда заставляя его даже отменять уже изданные акты. Первым после эмира лицом государства был шейх уль-ислам («глава ислама»), которому принадлежали функции интерпретатора шариата, вторым лицом был кази-калон («судья судей»). Менее значительно было влияние духовенства в районах, непосредственно присоединенных к Российской Империи – в Туркестанском генерал-губернаторстве и генерал-губернаторствах Кавказского наместничества.

Интересно, что виднейшие советские востоковеды признают интегративную функцию ислама в консолидации мусульманских народов в нации. Уже цитированный нами советский автор Сайд-баев пишет: «Исследователи единодушны в мнении, что в условиях феодального общества зачастую религиозное единство *этническое...* Специфической особенностью формирования среднеазиатских народностей, без учета которой невозможно объяснить взаимосвязь религиозного и национального как в прошлом, так и в настоящем, является следующее: они складывались из родов и племен, ранее принявших ислам, а у киргизов и казахов процесс складывания народностей сопровождался распространением и упрочением ислама» (Сайдбаев, там же, стр. 80). Аналогичные утверждения мы находим и у других советских исследователей (см., например, Ю. В. Бромлей, «Этнос и этнография», М., 1973, стр. 109; И. М. Джаббаров, «Ремесло узбеков…», М., 1971, стр. 34; М. С. Джунусов, «Две тенденции социализма в национальных отношениях», Ташкент, 1975, стр. 46; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепник, «Пути развития феодализма», М., 1971, стр. 29–30). Суммируя утверждения этих ученых, наш автор приходит к выводу: «В дореволюционной Средней Азии ислам играл определенную интегрирующую роль в этнических процессах… Ислам был той силой, которая облегчала взаимное существование различных племен, укрепляла их взаимоотношения изнутри, обеспечивала им внутреннюю связь, смягчала и стирала психические различия между племенами, этническими общностями… Ислам способствовал формированию представлений об этнической общности различных племен и родов» (там же, стр. 82–83). Все это и привело, с одной стороны, к оформлению общего сознания, что есть не отдельные племена, а единый народ, возникший на общей для всех духовной основе – на основе ислама и, с другой стороны, этот общий для всех фундамент – ислам, делает все мусульманские народы родственными, у них может и должна быть и одна общая цель – создание единого государства из всех мусульманских народов (теория *панисламизма).* Так как мусульманские народы Российской Империи почти все были народами тюркского языка (кроме большинства горцев Кавказа и Таджикистана), то возникла и другая идея – создание единого тюркского государства вместе с единоверной и единокровной Турцией (теория *пантюркизма).* В великой интегрирующей роли ислама среди разных, часто между собою враждовавших племен, центральное место занимали и его социальные компоненты. Социальной философии ислама органически чужд дух элитаризма, классовости, избранности. Ислам приходил к народам с лозунгом: «В исламе – все люди братья», а потому не должно быть ни рабов, ни рабовладельцев. Поэтому понятно, что первыми мусульманами еще при жизни Магомета стали арабские рабы. В этой связи надо упомянуть и неизвестную в других религиях демократичность внутренней организации мечети ислама. Ислам не знает ни духовно-административной иерархии, ни назначаемых сверху духовных отцов. В исламе нет официального обряда посвящения и рукоположения в духовный сан, поэтому вообще нет института рукоположенного духовенства. Священнослужители мусульманских общин – кази, имамы, муллы выбираются на общих выборах самими верующими, только здесь не участвуют женщины, что предписано не Кораном, а основано на местных традициях (поэтому женщины не посещают мечети, что опять-таки не исходит из Корана). Хоть медресе и готовят духовных отцов, но быть имамом религиозной общины может каждый мусульманин, если он знает основы ислама и способен возглавить молитву в мечети. К тому же среди верующих существует критическое отношение к образованным муллам, если они служат больше земному, чем небесному. Отсюда масса народных поговорок и пословиц по адресу нерадивых мулл: «Денег муллы, совести судьи и глаза крота никто не видел», «Делай то, что говорит мулла, но не делай того,

что он делает», «Два муллы – один человек, один мулла – получеловек».

Ислам выполнял среди завоеванных народов Средней Азии и Кавказа и культурно-просветительную миссию – он принес им письменность, основанную на арабской графике. Она существовала у этих народов вплоть до 1925 г., когда ее заменили латинским алфавитом, а потом латинский алфавит был заменен русским алфавитом (1937 г.).

Совершенно естественно, что в империи, у которой официальной идеологией было православие, ислам был сиротой, но он не был круглым сиротой. Ко времени первой русской революции в недрах народов России, исповедующих ислам, окончательно созрело и оформилось понятие о *мусульманских народах как о национально-социальной общности.* Речь не шла, как это было раньше, о мусульманах и об исламе вообще, речь шла на этот раз о новом национально-политическом мировоззрении, согласно которому российские мусульманские народы принадлежат к собственному и особому миру (немцы сказали бы «Kulturkreis») единства – по религии, культуре, истории, традиции, языку и даже территории. Здесь присутствовали все элементы образования нации, кроме важнейшего – наличия независимости. Добиться именно этой цели старалось сначала панисламистское, потом пантюркистское движение, возникшее на рубеже XIX–XX вв. одновременно в мусульманских районах России и Турции. Русское правительство, как потом и советское правительство, рассматривало это движение как оружие турецкой политики и поэтому преследовало его. Но это было и остается самой примитивной попыткой дискредитировать идеалы национально-освободительного движения российских мусульманских народов ссылкой на излюбленное алиби царских и советских колонизаторов – на мнимые происки Турции. Однако после первой русской революции, после обнародования «Манифеста 17 октября 1905 г.», с его объявленными свободами совести, слова, печати, собраний и политических объединений, резко изменились условия работы и для мусульманского движения. Это сделало возможным созвать впервые в истории российского мусульманства в конце того же 1905 г. I Всероссийский съезд мусульманских народов. На этом съезде была создана и первая объединенная политическая партия российских мусульман – *«Итти-фак»* во главе с *И. Гаспринским,* лидером Крыма. В новой партии были представлены два крыла – «консерваторы»-панисламисты, которые боролись за выход мусульманских народов из России, и «прогрессисты»-пантюркисты («джадидисты»), которые боролись за автономию внутри империи с программой, сходной с программой русских кадетов («партии народной свободы»). Не все мусульманские народы были допущены к выборам в Государственную Думу, но те, которые участвовали, создали во всех четырех Думах одну общую «мусульманскую фракцию» (группу). После февральской революции 1917 г. борьба мусульманских народов выливается в исламскую форму движения, в одних районах за полную независимость, а в других – за автономию. В мае 1917 г. I съезд горцев Кавказа требует создания исламского государства, позже такое государство и провозглашается имамом Узун-Хаджи под названием «Северокавказское эмирство». В том же 1917 г. муфтий Крыма *Челебиев* возглавил правительство Национальной директории Крыма. В ноябре-декабре 1917 г. I Чрезвычайный съезд народов Туркестана потребовал автономии Туркестана на основе шариата и объявил о создании «Кокандской автономии». Происходит формирование мусульманских полков как ядра будущей «армии ислама» («басмачество»). Однако о своей полной национальной независимости и о выходе из состава России мусульманские народы объявили только после захвата власти большевиками.

На путях к власти и в первые годы после захвата власти большевики проявляли сугубую осторожность и осмотрительность в мусульманском вопросе. Учитывая всю сложность этого вопроса и необходимость гибкой тактики в деле его разрешения в духе коммунизма, большевики расчленили мусульманский вопрос на две части: 1. Мусульманский вопрос как вопрос политико-национальный (имея в виду все народы мусульманской религии), 2. Мусульманский вопрос как вопрос культурно-религиозный.

Чтобы успешно разрешить первую часть вопроса, надо было проявить высокую тактическую гибкость в отношении второй части (культурно-религиозной). Этого требовала

и программа РКП (б), в которой сказано, что «необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств». Это указание программы большевиков Сталин интерпретировал так: «То есть, если, например, прямой путь уплотнения квартиры в Азербайджане отталкивает от нас азербайджанские массы, считающие квартиры, домашний очаг, неприкосновенными, священными, то ясно, что прямой путь уплотнения квартиры надо заменить косвенным, обходным путем. Или еще: если, например, дагестанские массы сильно заражены религиозными предрассудками, идут за коммунистами "на основании шариата", то ясно, что прямой путь борьбы с религией в этой стране должен быть заменен путями косвенными, более осторожными и т. д. и т. д.

Короче: от кавалерийских набегов по части "немедленной коммунизации" нужно перейти к продуманной и осмотрительной политике постепенного вовлечения этих масс в русло советского развития» (Сталин, том IV, стр. 361–362).

То же самое говорил и Ленин в своем известном «Письме к коммунистам Кавказа» в 1921 г., когда он писал, что коммунисты Кавказа должны не «копировать нашу тактику», тактику русских коммунистов, а «применительно к местным условиям видоизменять ее… Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству… Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму – вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики» (Ленин, т. XXVI, 3-е изд., стр. 191–192).

В многочисленных декларациях, законодательных актах и в значительной мере в практической работе советского правительства в первые годы существования советской власти сказывается эта его тактическая гибкость для достижения стратегической цели систематической советизации мусульманских народов СССР.

В декабре 1917 г. советское правительство вынесло постановление вернуть мусульманам экземпляр «Священного Корана Османа», который был конфискован в свое время царским правительством и хранился в Государственной публичной библиотеке. Этот экземпляр был торжественно вручен Мусульманскому съезду, происходившему в Петрограде в декабре 1917 г. (СУ, 1917, № 6, стр. 90). В январе 1918 г. по решению Наркомнаца были переданы башкирам мечеть в Оренбурге («Караван-Сарай») и татарам башня Суюмбека в Казани (национально-религиозный памятник древнего татарского государства). Такие же религиозно-исторические и национальные памятники, конфискованные царским правительством, были возвращены мусульманским народам Средней Азии, Казахстана, Кавказа и Крыма. Все это высоко поднимало престиж советского правительства в глазах мусульман. Тактика большевиков приносила свои плоды. К тому же большевики подчеркивали в своей пропаганде в мусульманских районах, что «коммунизм» и «шариат» не противоречат, а дополняют друг друга. Отсюда часть мусульманского духовенства выдвинула лозунг: «За советскую власть, за шариат!».

Именно это движение «советских шариатистов» и имел в виду Сталин, когда открыто (для обходных ударов) поддержал на съездах народов Терской области и Дагестана в 1921 г. лозунг «советских шариатистов» (виднейшими идеологами этого движения были Бабахай в Туркестане, Расулев в Татарии, Тарко-Хаджи в Дагестане, Али Митаев и Сугаип-мулла в Чечне, Катханов в Кабарде).

Для практического руководства политическими и духовными делами мусульманских народов при Наркомнаце был создан специальный «Мусульманский комиссариат» (см. «Вопросы истории», М., 1949, № 8, стр. 14). Он именно и был создан не по национальному признаку, как западные «комиссариаты» (польский, литовский, белорусский и др.), а по религиозному. «Мусульманский комиссариат» должен был обслуживать народы мусульманского вероисповедания безотносительно их географического расположения и расовой принадлежности.

Вот как описывает роль и значение этого «Мусульманского комиссариата» для большевиков советский историк:

«Мусульманский комиссариат разрабатывал проекты декретов и постановлений советской власти применительно к особенностям отдельных восточных народностей и проводил их в жизнь. Он помогал другим советским органам в проведении социализации земли… собирал статистические сведения, проводил большую агитационно-пропагандистскую работу и т. д.» («Вопросы истории», М., 1949, № 8, стр. 21). Советско-религиозную пропаганду «Мусульманский комиссариат» проводил через «советских шариатистов», щедро субсидируя их политическую и религиозную деятельность, направленную на установление советской власти в мусульманских окраинах России, хотя бы «на принципах шариата» для переходного «народно-демократического периода».

Однако, наиболее виднейшие представители мусульманской интеллигенции и духовенства ясно видели, что и в мусульманском вопросе большевики ведут двойную игру, чтобы, пользуясь демагогическими средствами пропаганды и даже прямого обмана («коммунизм не противоречит шариату»), добиться «вовлечения в русло советского развития» мусульманских народов. Когда в связи с этим мусульманские демократические организации развернули против большевиков весьма действенную работу, то советское правительство стало на путь репрессий – оно закрыло «Центральный Мусульманский Совет» в Петрограде, его московское отделение – Милли-Шуро – «Всероссийский Мусульманский Военный Совет» (см. «Известия» № 101, от 22. 5. 1918 г.). Они были объявлены «узко-националистическими» и «буржуазно-националистическими». Одновременно советское правительство принимает ряд законодательных и распорядительно-исполнительных мер, чтобы расширить сеть и влияние центрального «Мусульманского комиссариата».

В июне 1918 г. Ленин подписывает постановление Совнаркома «Об организации мусульманских комиссариатов» на местах. Мусульманские комиссариаты создаются в губерниях – Архангельской, Вятской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Пермской, Петроградской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской, Уфимской и др. Они создаются также в Средней Азии (Семипалатинск, Ташкент, Верный) и в Сибири (Чита, Тобольск, Новониколаевск). Создавая эти «Мусульманские комиссариаты», большевики проводят серию «мусульманских съездов», на которых рядом с большевиками-атеистами участвуют седобородые мусульманские муллы. На этих съездах большевики, провозглашая лозунг веры, свободы и национальной независимости, обещали то, чего они не могли дать даже при всем своем желании. Благодаря этому съезды имели огромный пропагандистский успех для советской политики.

Если в первый год советской власти экспансия большевизма в мусульманские страны происходит на мирных путях, то начиная с 1919 г., в виду роста сопротивления, большевики приступают именно в Средней Азии к осуществлению своего широко задуманного военно-стратегического плана: к покорению Туркестана Красной Армией.

Вот тогда-то и возобновилось знаменитое движение «басмачества» («басмак» по-тюркски «атаковать», «нападать»), которое вспыхнуло первый раз в конце 60-х годов XIX столетия в только что покоренных Россией областях Средней Азии – в Туркестанском крае, Бухаре и Хорезме. Советские историки в свое время признавали «басмачество» против царских оккупантов «прогрессивным национально-освободительным движением». Теперь, когда старое «басмачество» возродилось против советских оккупантов, то, разумеется, отношение к нему изменилось. Вот что писалось в 1927 г. в БСЭ о басмачестве советского периода: «После революции басмачество приняло иную окраску. Басмаческое движение приобрело резко выраженный политический, антисоветский характер и стало почти *массовым движением* дехканского населения во всех трех республиках Средней Азии – Бухаре, Хорезме и Туркестане. Вождями его были уже не только отдельные главари бандитских шаек, как Курш Ширмат, Ибрагим-бей и др., им стали руководить местная национальная интеллигенция, муллы и баи» (БСЭ, т. 5, стр. 35–38, 1927 г., 1-е издание). Басмачи называли себя «Армией Ислама». Политически басмачество возглавляли две организации «Шури-и Ислам» («Совет Ислама») и «Шура-и-Улема») («Совет ученых»).

После разгрома Колчака осенью 1919 г. Красная Армия более энергично взялась за покорение Туркестана. Был создан особый «Туркестанский фронт» во главе с такими видными большевистскими лидерами как Фрунзе, Куйбышев, Рудзутак, Элиава. Ввиду массовой и повсеместной поддержки басмачества народом, советское правительство сначала прибегло к трюку – оно признает «Армию Ислама» национальной армией Туркестана с ее командирами во главе, если те признают советскую власть. Когда выяснилась цель трюка – выиграть время, чтобы подбросить в Туркестан новые части Красной Армии, освободившиеся после разгрома Белого движения и окончания войны с Польшей, – басмачи вновь восстали. Но уже было поздно. Красная Армия разгромила «Армию Ислама», хотя отдельные отряды басмачества еще боролись до конца 1926 года. Однако в занятых Красной Армией мусульманских странах большевики все еще ведут очень осторожную и весьма эластичную национально-религиозную политику. Ленин, в котором легко уживался рядом с утопистом в философии трезвый реалист в политике, доказывал на VIII съезде партии в 1919 г. своим чрезмерно ревностным ученикам: в покоренных мусульманских странах нельзя проповедовать коммунизм и атеизм, нельзя там даже скидывать «эксплуататоров». Он говорил: «Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл?… Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров?» Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл» (Ленин, ПСС, т. 38, стр. 158–159). Ленин рекомендовал начать осаждение крепости ислама издалека и действовать тихой сапой. Поэтому были сохранены Бухарское и Хивинское ханства, их переименовали в 1920 г. в Бухарскую народную советскую республику и Хорезмскую народную советскую республику. В мусульманских странах в первое время не только были возвращены вакуфные имущества, открыты новые медресе, сохранены шариатские суды, но представители мусульманского «прогрессивного духовенства» принимались даже в коммунистическую партию. Советский автор отмечает: «С учетом той роли, которую продолжала играть религия в их жизни, в партию принимались и верующие. Долгие годы в составе коммунистической партии Туркестана верующие составляли значительную часть» (Саидбаев, там же, стр. 127). В советских документах приведены и конкретные цифры о составе верующих в партии – в коммунистической партии Хорезма, кроме рядовых верующих, в 1923 г. было 10 % духовенства (см. «История Хорезмской народной советской республики. Сборник документов». Ташкент, 1976, стр. 39–40, 169, 219), а в коммунистической партии Бухарской народной советской республики верующие и представители духовенства составляли вместе около 70 %; если исключить отсюда русских неверующих коммунистов, верующих в партии было 90 %! (см. «История Бухарской народной советской республики. Сборник документов». Ташкент, 1976, стр. 134, 135, 136, 139). Сам филиал ЦК РКП (б) в Туркестане первоначально назывался не Среднеазиатское бюро, а Мусульманское бюро ЦК РКП (б).

Когда, почувствовав себя крепче в седле власти, большевики перешли от своей «мусульманской» тактики к осуществлению стратегических целей коммунизма в мусульманских странах советской империи, то вновь прокатилась мощная волна повстанческого движения – на Кавказе, в Татарии, Туркестане; особенно широко развернулось новое басмаческое движение в Бухаре и Хорезме. В апреле 1922 г. в Самарканде повстанцы созывают объединенный Мусульманский Туркестанский Конгресс, который торжественно провозгласил создание Туркестано-тюркской независимой республики с полным восстановлением законов шариата (А. А. Росляков. Средазбюро ЦК РКП (б) /Вопросы стратегии и тактики/, Ашхабад, 1975, стр. 23–24). Почувствовав здесь реальную угрозу существованию своей власти, большевики быстро пошли на новые уступки. Решением ЦК от 18 мая и Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б) от 20 мая 1922 г. были восстановлены ликвидированные накануне восстания шариатские суды и возвращены мечетям и медресе их только что конфискованное имущество (там же, стр. 25). При Наркомпросе было создано Главное вакуфное управление с отделами на местах. Во главе их

были поставлены оплачиваемые государством духовные лица с правом дальнейшего содержания, расширения и даже учреждения новых вакуфов.

Советский историк пишет: «В этот период в Ташкенте впервые в истории края было создано Духовное управление («Махкам-и-шария»), которое возглавляли известные деятели ислама. Оно имело секретариат, отделы, решавшие вопросы связанные с наследством и бракоразводными делами, подготовкой, обучением и назначением служителей культа, религиозными учебными заведениями и т. д. Создание Духовного управления привело к объединению имамов, ввело в определенную систему их назначение и смещение, чего раньше не наблюдалось. Традиционно имамами избирались авторитетные лица квартала и прямо никому не подчинялись» (Саидбаев, «Ислам и общество», М., 1978, стр. 146–147). Советское правительство пошло на то, что в советских мусульманских республиках праздничным днем объявили вместо воскресенья пятницу. Секретарь ЦК компартии Узбекистана, впоследствии расстрелянный по процессу Бухарина и Рыкова Акмаль Икрамов откровенно признал в одном из своих докладов: «Меры, принятые советским государством по отношению к исламу и его организациям, были не уступкой, а тактикой партии» (А. Икрамов, «Избранные труды», Ташкент, 1972–1974, т. 3, стр. 301). Как будто это еще надо было доказывать! Эта макиавеллевская тактика несомненно оторвала от повстанческого движения определенную часть духовенства и большую часть народа. Причем оторвавшуюся часть духовенства большевики поставили на службу своих целей – 23 декабря 1923 г. большевики проводят т. н. «Вселокайское совещание» с участием всех мулл под лозунгом «Советская власть не противоречит исламу», потом такие совещания проводятся и в других районах Средней Азии (Саидбаев, стр. 148). «Братание коммунизма» с исламом кончилось к концу двадцатых годов. Началась эпоха методического и систематического искоренения ислама, физическое истребление мусульманского духовенства, национальной интеллигенции и даже тотального уничтожения национальных коммунистических кадров, как «обманно пролезших в партию» и «открыто якшавшихся с мусульманским духовенством». Отныне само словоупотребление «мусульманские народы» было признано криминальным. Величественные памятники мусульманского зодчества XIII–XIV вв. (Самарканд, Бухара) превращались в антиисламские музеи, сельские мечети превращались в склады или сносились. Но ислам живет и процветает. Даже больше. В мусульманских регионах Советского Союза происходит небывалое возрождение наиболее воинственно-аскетического, по существу религиозно-политического «братства» в исламе – суфистского движения, идеологией которого в виде тариката цементировались мюридизм на Кавказе и басмачество в Туркестане. Социальная база суфистского движения теперь шире – в нем участвуют не только крестьяне, но также индустриальные рабочие и интеллигенция. Этим, вероятно, объясняется и неожиданно резкое выступление Горбачева против ислама в Ташкенте. (Феномен суфизма и связь между исламом и национальным движением основательно исследованы в наше время в книгах: «Mystics and commissars», «Muslims of the Soviet Empire» by A. Bennigsen and S. E. Wimbush, London 1985.).

Саидбаев пишет: «Ислам выступает в качестве силы, объединяющей верующих и неверующих внутри одной нации и создающей чувство общности между представителями народов, в прошлом исповедовавших ислам… Нельзя не замечать этого, тем более, что оно проявляется в повседневной жизни» (Саидбаев, там же, стр. 193). Автор приводит дополнительные доказательства в пользу этого своего несомненно правильного, но для советского ученого весьма рискованного вывода: «Сохранению представлений об общности народов, исповедовавших ислам в прошлом, способствует и в наши дни ряд факторов. Все народы, в прошлом исповедовавшие ислам, говорят на родственных языках… (тюркская языковая семья)… Общность исторических судеб, социально-экономических условий существования выработала у всех этих народов сходные черты характера, психологии, обычаев и традиций. А этническая общность зачастую выступает под видом общности мусульман. Это чувство материализуется в распространенности национально-смешанных браков. В Средней Азии среди таких браков преобладают браки между представителями

коренных национальностей региона и повсеместно редки браки женщин коренных национальностей с представителями немусульманских народов… В наши дни ислам не только объединяет верующих одной нации, но интегрирует ее верующую и неверующую части» (там же, стр. 193–194). Повсеместное соблюдение верующими и «официально» неверующими мусульманами обрядов, предписанных исламом, свидетельствует о полном фиаско атеистической пропаганды среди мусульманских народов. Так даже преуменьшенные данные советских социологических исследований в ряде районов Узбекистана показали, что число людей, совершающих мусульманские обряды в четыре раза превышает численность «официально» верующих. (А. Хасанов, «Роль общественных и прогрессивных традиций…», Ташкент, 1976, стр. 129). Обряд обрезания, который считается символом принадлежности к исламу, поддерживают в трех опрошенных районах Узбекистана -81,9 % населения («Модернизация ислама», М., 1968, стр. 74).

Беспрецедентным фактом во всей истории ислама надо признать появление женщины-мусульманки в мечети. Суннизм запрещает женщине быть имамом или даже посещать мечеть (как указывалось выше, этого запрета нет в Коране и женщины при Магомете с открытыми лицами посещали мечеть). Мусульманские женщины в Татарии выступили инициаторами открытия ранее закрытых мечетей. Они посещают мечети не только в Татарии, но и в Башкирии, в Астраханской, Ульяновской и других областях, а также в Москве и Ленинграде. Советский автор пишет: «За последние годы география эта значительно расширилась. Наряду с мужчинами женщины участвуют в богослужениях в мечетях Азербайджана… ряда областей и автономных республик РСФСР… в некоторых мечетях до одной трети общины составляют женщины… В Чечено-Ингушетии во главе мюридистских (сектантских) групп часто стоят также женщины, исполняющие роль тамады (шейха), чего раньше в исламе никогда не было… В настоящее время в Средней Азии и Казахстане женщины посещают мечети в дни религиозных праздников (Саидбаев, стр. 215–216).

В чем же секрет столь упорной, неистребимой живучести ислама? Саидбаев отвечает: «Благодаря простоте, устойчивости многие обряды и предписания ислама превращаются в привычки. Неоднократно повторяясь, они приобретают характер твердых жизненных потребностей, динамического стереотипа» (Саидбаев, там же, стр. 226). Но «динамический стереотип» сам объясняется социальным динамизмом ислама. Ислам возник в эпоху рабства и начавшегося раздела земель и образования латифундий. Ислам выступил как против рабства, так и против превращения земли в частную собственность феодалов. Другой видный советский правовед, посвятивший «реакционной сущности» шариата целую книгу, вынужден все-таки признать: «Общественно-политические, правовые и морально-этические нормы ислама осуждают рабство. Неслучайно в качестве одного из видов искупления греха шариат предлагает освобождение рабов» (Г. М. Керимов, «Шариат и его социальная сущность», М., 1978, стр. 213–214). Вынужден он констатировать и то, что шариат стоит за общественное владение землею и отрицает частную собственность на землю: «Шариат фиксирует отсутствие юридического закрепления частной собственности на землю… Мы находим в нем утверждение «Земля и небеса принадлежат Богу», «Блага земли не могут быть частной собственностью, они принадлежат всем»» (там же, стр. 214). Этой социальной концепции шариата коммунизм противопоставил «национализацию», при которой не только земля, но и все народное хозяйство в целом сделались собственностью не народа, не даже собственностью государства, а собственностью партии. Шариат с этим не мирился и не может мириться. В этом партия и видит «реакционность» шариата.

Какие же общие выводы?

Полувековые усилия старого русского правительства освоить и слить азиатские мусульманские народы с русской европейской империей оказались такими же безуспешными, как безуспешными остаются более чем семидесятилетние усилия советского правительства большевизировать эти народы. На это имеются причины общие и причины специфические. Одна из общих причин – извечное противостояние двух духовно чуждых

друг другу миров – мира Европы и мира Азии. К важнейшей из специфических причин надо отнести живучесть и неистребимость ислама, который за 1200 лет своего господства в Средней Азии, в Татаро-Башкирии и на Кавказе органически перерос из первоначальной одной лишь веры – в субстанцию национального бытия, формируя адаты, характер, и психологию людей в единый духовный мир, общий для всех мусульманских народов СССР. Даже такие жестокие правители, как большевики, убедились теперь, что ни разъединить, ни уничтожить этот исламский мир невозможно иначе, как через физическое насилие, что Сталин и практиковал методически и систематически. Его наследники стараются делать тоже самое, но только через духовное насилие.

В «Обращении» Ленина от 20 ноября 1917 г. от имени советского правительства говорилось, что мусульманские народы «должны быть хозяевами своей страны», что они «сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию» (Документы внешней политики СССР. т. 1. М. 1957, стр. 35). История 70-летней коммунистической диктатуры как раз и есть трагическая история перманентной борьбы мусульманских народов СССР за то, чтобы оставаться хозяевами своей страны и жить «по образу своему и подобию». Неисчислимы жертвы этой борьбы, которые остались неизвестными внешнему миру. К тому же внешний мир интересовался, главным образом, судьбой народов западных окраин советской империи. За границей очень скоро узнали о чудовищном преступлении сталинского правительства в 1931–1932 годах, когда оно искусственно созданным голодом уморило до 6 миллионов украинцев или когда оно сразу же после войны предприняло частичную депортацию в Сибирь украинцев, белорусов и балтийских народов. Но вот как советское правительство в 30-е годы уничтожило террором и уморило голодом тоже много миллионов мусульман, а во время войны поголовно депортировало ряд мусульманских народов Крыма и Северного Кавказа, долго оставалось за рубежом неизвестным. Отчасти это объяснялось и тем, что во внешнем мире, в частности, в Америке, у советских мусульман не было влиятельных групп эмиграции, которые могли информировать внешний мир о тяжелой судьбе своих народов, как это делали представители эмиграции Украины и Прибалтики.

Только в период «холодной войны», в конце 40-х годов, когда Сталин совсем распоясался и угрожал новой войной, внешний мир узнал не только о гитлеровском геноциде против евреев, но и о сталинском геноциде против мусульманских народов (военная цензура союзников во время войны не разрешала печати своих стран писать о депортации крымских татар, северокавказцев, калмыков и немцев Поволжья). Тогда же впервые было напечатано потрясающее свидетельство видного московского чиновника, служившего в Ташкенте, Льва Васильева об искусственном голоде в Узбекистане в 30-е годы. Приведу из него только одну выдержку: «Я получил повышение по службе и как начальник отдела наркомата финансов переезжаю в Ташкент… По улицам бродят голодные матери с детьми и с мольбой во взоре протягивают руки за подаянием. Трупы, бесконечные груды трупов, как дрова, наваливают на грузовики и отвозят на свалку, где кое-как зарывают в общих ямах. Голодные уцелевшие собаки, разрывают ямы и дерутся за добычу. Не раз я видел эти страшные грузовики – катафалки смерти» («Пути советского империализма», Нью-Йорк, издательство им. Чехова, 1954).

Судьба депортированных мусульманских народов была тяжелой. В антисанитарных условиях «спецлага» в степях Туркестана их массами косила эпидемия тифа.

Сколько же мусульманского населения СССР погибло от сталинского голода и террора? Точный ответ знают лишь ЦК КПСС и КГБ. Однако есть официальные советские данные о динамике роста мусульманского народонаселения. Из этих данных можно извлечь косвенный ответ на этот вопрос. Вот таблица роста мусульманского населения после его покорения Россией и СССР.

1880 год – 11 миллионов
1910 год – 20 миллионов
1923 год – 30 миллионов
1959 год – 24 миллиона

1970 год – 35 миллионов

1979 год – 43 миллиона

1988 год – около 50 миллионов (оценка).

Данные за 1923 год, взятые мной из резолюции XII съезда партии, говорят, что в 1923 году в СССР жило 30 миллионов мусульман, а данные из переписи 1959 года показывают, что за время сталинской диктатуры численность мусульманского населения упала до 24 миллионов человек, и это несмотря на обычно высокую рождаемость среди мусульман.

Вот эти – 6 миллионов человек есть все основания отнести к числу жертв сталинского террора и искусственного голода как в 30-е годы, так и в военные и отчасти даже в послевоенные годы.

Но – удивительное дело – ни тридцатилетний физический террор Сталина, ни 70-летний психологический террор гигантской государственной машины атеизма не достигли поставленной цели: отрешить мусульман от своей религии и от мусульманского образа жизни не удалось. Через 70 лет после уничтожения мечетей, медресе, мулл, даже «арабистов», то есть людей, умеющих читать Коран и возглавить молитву, около 80 % мусульман, по советским данным, открыто признают себя верующими, а остальные 20 %, как выражался Хрущев, не верят на службе, но верят дома. Ведь недаром в советской печати очень часто встречаются обвинения, что в мусульманских республиках не только рядовые коммунисты, но иногда и активисты партии, включая секретарей райкомов партии, соблюдают мусульманские обряды и празднуют мусульманские праздники. Да это и понятно. Ислам – это не только вера, но одновременно и синтез национального мышления и национальной психологии. Этот комплекс национально-религиозного сознания мусульманского населения СССР складывался на протяжении двенадцати-тринадцати веков, начавшись за два-три века до Крещения Руси.

Человек, ставший неверующим, все-таки не перестает быть самим собой. Поэтому, когда советский активист из Туркестана говорит, что он атеист, но мусульманин, то этим он указывает на культуру и нацию, к которым он принадлежит. Отсюда вопрос об уничтожении ислама среди мусульманских народов СССР связан для партии с ее общей стратегической, но явно утопической, целью: с денационализацией национальностей.

Из истории взаимоотношений коммунистических стран Восточной Европы и Азии с Советским Союзом мы хорошо знаем, что когда их интересы приходили в противоречие между собой, то всегда побеждала не их общая коммунистическая идеология, а их собственный национализм. Тито «откололся» от Сталина не из-за разногласий в коммунистической идеологии, а из-за национальных интересов Югославии. Раскол между Москвой и Пекином произошел не на почве стратегии коммунизма, а на почве национально-территориальных противоречий между этими великими коммунистическими державами. А ведь Ленин утверждал в преамбуле первой Конституции СССР, что между коммунистическими государствами будущего не будет национальных границ – будет единая, как он писал, «мировая советская социалистическая республика». Ни для кого не секрет, что стоило бы Кремлю вывести свои войска из восточно-европейских сателлитов, как там немедленно к власти пришли бы демократические национальные правительства. Словом, при каждом столкновении коммунизма с национализмом побеждал национализм, если его не подавляли танками, как в Восточном Берлине в 1953 году, в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968 году. Только под угрозой нашествия советских танков была подавлена и польская революция «Солидарности» 1980 года. На наших глазах побеждает афганский национализм против афганского и советского коммунизма.

Внутри советской империи, где с начала 30-х годов местный национализм был объявлен главной опасностью, в столкновении между коммунизмом и национализмом физически побеждал коммунизм, но духовно – местный патриотизм. Доказательства? При тридцатилетнем господстве Сталина не проходило и года, чтобы не было чисток в мусульманских республиках от «буржуазных националистов», «пан-исламистов» и «пан-тюркистов»; более того, вся мусульманская коммунистическая интеллигенция в

Татаро-Башкирии, Туркестане и на Кавказе была уничтожена во время ежовщины тоже по обвинению в «буржуазном национализме».

Прошло 35 лет после смерти Сталина. В Алма-Ате происходит многотысячная демонстрация казахских студентов под лозунгом «Казахстан – для казахов!» в защиту своей нации, против ее денационализации, против назначения русского бюрократа главой Казахстана вместо снятого казаха Кунаева. Обвинение остается старое – сталинское: «буржуазный национализм».

Однако кое-какая польза от борьбы с жупелом «буржуазного национализма» для Москвы все-таки есть. Так, Чингиз Айтматов засвидетельствовал на страницах «Огонька», что ответственные партийные работники Туркестана боятся выступать на собраниях на родном языке, чтобы их не обвинили в «национализме»! Стоит только вспомнить о численности населения, говорящего на этом родном, то есть тюркском языке, чтобы видеть успех психологического террора великодержавных бюрократов – в СССР на тюркском языке говорит почти все мусульманское население – это около 50 миллионов человек, тут же по соседству на этом языке говорит 40 миллионов населения Турции. Всего 90 миллионов. Это больше половины русского этнического населения. И представитель такого распространенного языка боится разговаривать со своим народом на его родном языке! Это я и называю успехом великодержавных русификаторов и раболепством их местных национальных вассалов. Хотя большевистская мусульманская политика на всех этапах советского режима имеет свою внутреннюю связь и последовательность, но все-таки за эти 70 лет имели место ее разные варианты и нюансы. Основоположник этой политики Ленин был осторожен, терпелив, тактичен. Он главную ставку делал на убеждение. Его преемник Сталин делал ставку на индивидуальный, групповой, классовый и национальный террор. Хрущев вернул на родину депортированные Сталиным народы, кроме крымских татар и немцев Поволжья, но явно собирался реорганизовать национальные республики в обычные административно-территориальные единицы, а обучение на родном языке в национальных школах объявил делом добровольным. При Брежневе началась повсеместная и интенсивная русификация. Эра гласности пока что доказала только одно: денационализировать нерусские народы не удалось и не удастся. Выступления украинских, белорусских, прибалтийских, кавказских, татаро-туркестанских деятелей культуры и литературы в пользу родного языка власти рассматривают как рост национального самосознания, но демонстрации в пользу своих наций казахов, крымских татар, эстонцев, латышей и литовцев квалифицируются как «национализм» и «экстремизм». Горбачевское руководство, проповедующее «новое мышление» и «революционную перестройку во всех сферах жизни», в национальном вопросе все еще остается при старом, сталинском мышлении. Наводят на тяжелые размышления два выступления по национальному вопросу двух выдающихся вождей Кремля – Горбачева и Лигачева. В 1986 г. Горбачев, выступая в столице почти стопроцентно исламской нации – перед узбеками в Ташкенте – потребовал от узбекских коммунистов усилить борьбу с реакционной религией ислама. В 1987 г. Лигачев, выступая в Грузинском государственном университете в Тбилиси, выразил свое недовольство тем, что в грузинском университете учатся слишком много грузин. Лигачеву, видимо, невдомек, что грузинский университет был создан в 1919 году меньшевистским правительством независимой Грузии именно для грузин, хотя туда принимали и негрузин. Такие замечания из уст ведущих лидеров партии приобретают программный характер. Мы знаем из выступления Горбачева к 70-летию Октября, что Политбюро создало комиссию по разработке новой советской национальной политики. Нерусские народы полны надежды, что в основу работы этой комиссии будут положены, как минимум, установки «Национального завещания» Ленина в его статье конца декабря 1922 г. «К вопросу о национальностях или об «автономизации»», выдержки из которой я взял эпиграфом к данной книге. Партия, которая бесконечно клянется именем Ленина, должна начать свою перестройку в области национальной политики с выполнения этой воли своего основателя и вождя.

IV. Пакт, который развязал войну и расширил империю

В 1985 году Москва праздновала сорокалетие победы над Германией. Выступая с докладом по этому поводу 8-го мая 1985 г. генсек Горбачев приписал эту победу Сталину и советской политической системе, но обошел молчанием важнейший документ, который развязал войну – пакт Риббентропа-Молотова от 23-го августа 1939 г. Однако, выступая с докладом к 70-летию Октября, он остановился на этом пакте, дав ему ортодоксально-сталинскую оценку. Вот что сказал Горбачев: «Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим. Возможно, и так, если не руководствоваться жесткой реальностью… вопрос стоял так… быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле».

Горбачев повторяет давно опровергнутый документами фальшивый тезис Сталина, что он заключил пакт с Гитлером, потому, что западные демократические державы не хотели заключить с СССР оборонительный союз против Германии да еще толкали ее на войну с Советским Союзом. Вот слова Горбачева: «У западных держав расчет был другой: поманить СССР обещанием союза и помешать тем самым заключению предложенного нам пакта о ненападении, лишить нас возможности лучше подготовиться к неизбежному нападению гитлеровской Германии на СССР» («Правда», 3. 11. 1987).

Горбачев и авторы его доклада явно не в ладу с элементарной человеческой логикой: почему же западные державы, когда Гитлер действительно напал на СССР, выступили в этой войне не на стороне Германии, или не остались нейтральными, а выступили на стороне СССР? Если бы Москва заключила союз с демократическим Западом, то Гитлер не осмелился напасть на СССР, зато и Сталин не осмелился бы расширить свою империю. Остановимся на анализе взаимных обязательств пакта. Интересна сама предыстория «пакта Риббентропа-Молотова».

На XVIII съезде партии в 1939 году Сталин дал понять Гитлеру, что их интересы в возможной будущей войне идентичны. Сталин настойчиво внушал Гитлеру, что это англо-американцы и французы заинтересованы спровоцировать войну между Германией и СССР. Почему? Сталин доказывал, что если возникнет война между Германией и СССР, то западные демократические державы захотят дать им ослабнуть в затяжной войне, а потом диктовать Германии и СССР свою волю. По словам Сталина, политика Англии, Франции, США сводится к тому, чтобы «не мешать Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с СССР, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тине войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить, истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, в «интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия…

Характерен шум, который подняла англо-французская и североамериканская пресса по поводу советской Украины… Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований» (см. «Вопросы ленинизма», стр. 571).

Сталин, как видно из данной цитаты, умышленно отводил предупреждения западных демократических держав и западной прессы, что Гитлер готовит войну против СССР (это ведь было предусмотрено и в библии нацистов – в «Майн Кампф» Гитлера), с тем, чтобы, во-первых, психологически подготовить будущий союз СССР с гитлеровской Германией как раз с той целью, какую Сталин приписывал западным державам, а именно: втравить Гитлера в войну против них; и во-вторых, дав Германии и западным державам ослабить друг друга в этой войне, самому выступить на сцену, чтобы навязать всей Европе большевистский порядок вместо гитлеровского «нового порядка».

Эта стратегия «дальнего прицела» сработала только отчасти, зато просчеты Сталина имели чудовищные последствия для народов СССР.

Подготовляя радикальный поворот во внешней политике Советского Союза в сторону агрессии, Сталин думал, что достойным союзником в этом ему будет Гитлер, если

соблазнить его идеей антидемократической коалиции с целью раздела Европы между Германией и СССР. Чтобы убедить Гитлера, что намерения Кремля серьезны, надо было убрать и психологическое препятствие на этом пути. Таким препятствием был англофил, народный комиссар иностранных дел СССР, еврей – Максим Литвинов, с которым Гитлер и Риббентроп не хотели иметь дело. Поэтому Сталин снял Литвинова с его поста и на его место назначил 4 мая 1939 года председателя Совнаркома Молотова, поручив ему зондировать почву для заключения пакта с Германией.

Очень скоро выяснилось, что Сталин возложил на Молотова далеко не легкую миссию.

Когда советские историки пишут о причинах и предпосылках Второй мировой войны, они либо обходят молчанием «пакт Риббентропа-Молотова», либо явно фальсифицируют его предысторию и содержание. Цель фальсификации ясна всем: обелить Сталина и снять с Кремля вину за развязывание Гитлером Второй мировой войны, ибо «пакт Риббентропа-Молотова», разделив Европу на сферы влияния, гарантировал Гитлеру свободу действия в Западной Европе, обеспечивал его советским стратегическим и военно-стратегическим сырьем, давал Гитлеру возможность более основательно подготовиться к нападению на СССР, изолированному одним этим пактом от демократического Запада. Даже инициативу заключения пакта советские историки стараются приписать Гитлеру, а не Сталину. Между тем, из секретных документов архива германского министерства иностранных дел, опубликованных Государственным департаментом США в 1948 г., видно, что Гитлер хотел заключить со Сталиным только экономический пакт, а Сталин хотел иметь пакт политический. Процитируем сначала советских историков. В официальной шеститомной «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» они пишут, что 30 мая 1939 г. германский статс-секретарь заявил советскому поверенному в делах в Берлине Астахову, что «имеются возможности улучшить советско-германские отношения», а 3 августа Риббентроп якобы предложил тому же советскому поверенному «советско-германский секретный протокол, который разграничил бы интересы обеих держав по линии на всем протяжении от Черного до Балтийских морей» (стр. 174). Авторы шеститомника утверждают, что советское правительство ответило на эти предложения отказом. Разумеется, никаких доказательств на этот счет советские авторы не приводят, ибо таких доказательств нет. Наоборот, есть документы, которые говорят о советской инициативе в подготовке пакта. Так, 20 мая 1939 г. на предложение германского посла в Москве графа Шуленбурга начать экономические (торговые) переговоры между Берлином и Москвой, Молотов ответил, что прежде, чем заключать какие-либо экономические сделки, надо создать «политический базис» («Nazi-Soviet relations 1939–1941. Dokuments from the archives of the German Foreign Office, 1948, Dep. of State, Washington, p. 6–7. Имеется русский перевод Ю. Фельштинского, Телекс, 1983, Нью-Йорк).

В ведомстве Риббентропа безошибочно поняли, что предложение Молотова о создании «политического базиса» есть не игра в дипломатию, а серьезный сигнал о возможном повороте во внешней политике Кремля в сторону держав «Оси» – Германии и Италии. Намотав себе это на ус, руководители Третьего Рейха начали действовать исподтишка. Сначала они делают все, чтобы разжечь у Кремля аппетит к повороту в желаемую сторону, а потом создают соответствующую психологическую атмосферу среди своего народа, чтобы подготовить его к факту возможного прекращения давнишней идеологической войны против большевизма. В осуществлении обеих целей Риббентроп настолько хорошо преуспел, что 20 августа 1939 г. Гитлер направил Сталину телеграмму, в которой предложил ему принять министра иностранных дел Германии 22–23 августа для заключения пакта между Германией и СССР о «дружбе и ненападении». Сталин немедленно ответил согласием. Как толкуют советские историки этот факт? Вот их комментарии из «Истории Великой Отечественной войны»: «СССР мог либо отказаться от германских предложений, либо согласиться с ними. В первом случае война с Германией в ближайшие недели стала бы неминуемой. Во втором случае Советский Союз получал выигрыш во времени» (стр. 175–176). Если верить этому советскому комментарию, Гитлер путем шантажа заставил Сталина подписать пресловутый

пакт в течение каких-нибудь 12 часов! Если бы мы поверили советским историкам, то выходило бы, что пакт, развязавший Вторую мировую войну и, в конечном счете, спровоцировавший и нападение Гитлера на СССР, был заключен под диктовку Гитлера, а не подготовлен трехмесячными и весьма интенсивными дипломатическими переговорами и политическим торгом между Гитлером и Сталиным о разделе между ними Европы, как это было на деле.

Немецкие документы как раз говорят о последнем. Приведем некоторые выдержки из них на этот счет. Граф Шуленбург после 30 мая еще раз посетил Молотова 5 июня, и о результате этого посещения он сообщает своему шефу в Берлине, подчеркивая, что Молотов по-прежнему настаивает на политической дискуссии и что «наше предложение начать только экономические переговоры кажется ему недостаточным» («Nazi-Soviet relations…», p. 16).

15 июня советский поверенный в делах в Берлине Астахов посетил болгарского посланника Драганова. Болгария была в тесных связях с Германией, и Кремль хорошо знал, что содержание беседы Астахова с Драгановым сейчас же станет известно Риббентропу. Астахов сообщил Драганову: Советский Союз в создавшейся международной обстановке может либо заключить пакт с Францией и Англией, либо затягивать переговоры, чтобы возобновить дружеские отношения с Германией. Желание Кремля Астахов выразил предельно ясно: «Если бы Германия объявила, что она не нападет на СССР или заключила бы пакт ненападения с СССР, то СССР, возможно, воздержался бы от заключения договора с Англией» (стр. 21). (Заметим тут же, что договор о взаимопомощи с Францией был заключен еще в 1935 году.)

При встрече с Молотовым 29 июня граф Шуленбург спросил Молотова, что он имел в виду, когда предлагал «создание новой базы отношений» между СССР и Германией. Посол в тот же день телеграфировал в Берлин, что Москва очень заинтересована в продолжении контакта, однако он получил указание от Риббентропа не форсировать больше политические переговоры с Москвой. Зато экономические переговоры продвинулись так далеко, что уже 22 июля в советских газетах сообщалось, что в Берлине успешно закончены советско-германские торговые и финансовые переговоры. Через пять дней Астахов был вызван в министерство иностранных дел, где доктор Шнурре ему сообщил, что, по мнению Берлина, советско-германские отношения пройдут через три стадии: первая стадия – заключение торгового договора, вторая стадия – нормализация политических отношений, третья стадия – возвращение к старому договору 24 апреля 1926 года о дружбе и нейтралитете между Германией и СССР или заключение нового договора.

В конце беседы доктор Шнурре, ближайший сотрудник Риббентропа, сделал заявление об идентичности идеологии большевизма, фашизма и национал-социализма. Вот буквально его слова: «Имеется одна вещь, общая в идеологиях Германии, Италии и СССР, – это оппозиция против капиталистических демократий. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капитализмом Запада. Поэтому нам показалось бы совершенно парадоксальным, если бы СССР, как социалистическое государство, оказался на стороне западных демократий» (стр. 33).

Идеологическая аргументация доктора Шнурре была неотразима – национал-социализм, фашизм и большевизм создали однотипные государства с тоталитарной системой и террористической практикой правления, как альтернативу западной либеральной демократии. Поэтому у них не было почвы для идеологических противоречий, были только противоречия территориально-стратегические, а именно – кому, каких и сколько захватить чужих стран. Сейчас речь шла об этой фактической стороне проблемы. Выяснилось, как прав был Риббентроп, когда предложил своему послу в Москве занять выжидательную позицию в контактах с Молотовым, зная, что Москва долго не выдержит и раскроет свои карты. Действительно, через два дня после беседы с доктором Шнурре – 29 июля – Астахов сделал запрос в Берлине, согласно ли германское правительство, чтобы интересующие обе стороны проблемы обсуждались на более высоком уровне. 4 августа Риббентроп заявил Астахову, что Берлин согласен улучшить отношения с

Москвой, а 14 августа Молотов предложил Риббентропу начать политические переговоры в Москве. Риббентроп принял предложение посетить Москву с целью, как он выражался, доложить точку зрения Гитлера Сталину. Но Кремль хотел не выслушивания точки зрения, а принятия конкретных решений. Поэтому Молотов сообщил Берлину, что Москва хочет начать политические переговоры, но они должны вестись в Москве и «по этапам». Таким образом, теперь уже Кремль, убедившись, что Гитлер всерьез хочет заключить политический пакт, сам прибегает к тактике проволочек. Не потому, что Москва хочет сорвать переговоры или по каким-либо соображениям завести их в тупик. Сталин твердо решил заключить пакт: ведь сама идея принадлежала именно ему. Однако в начавшейся с Гитлером политической игре в руках Сталина была козырная карта, какой не было у Гитлера. Дело в том, что Англия и Франция предлагали Советскому Союзу заключить оборонительный союз против возрастающей военной угрозы со стороны Германии. Такой союз должен стать подобием старой «Антанты» «Тройственного согласия» начала века между Францией, Англией и Россией – направленного против кайзеровской Германии и ее тогдашних союзников.

Короче говоря, Сталин, решив выступить с англо-французской картой против Гитлера, начал свою привычную двойную игру. Как уже говорилось, 10 марта 1939 г. на XVIII съезде партии он открыто обвинил Англию, Францию, США и их печать в провокационной кампании, которую они, якобы, ведут, чтобы спровоцировать войну между Германией и Советским Союзом. Цель этих держав по Сталину: дать Германии и СССР ослабеть в войне, а потом самим вступить в войну и разгромить как Германию, так и СССР. Однако верный своей двуличной политике, Сталин уже через неделю -18 марта 1939 г. – предлагает созвать совещание представителей СССР, Великобритании, Франции, Турции, Румынии и Польши, чтобы обсудить обстановку, создавшуюся в Европе после вторжения Германии в Чехословакию. Советский Союз по договору 1935 г. с Чехословакией о взаимной военной помощи *обязан* был помочь Чехословакии. Однако Сталин *отказался* сделать это. Мюнхенская капитуляция 1938 года западных держав перед Гитлером в какой-то степени объяснялась тем, что Сталин уже тогда, осенью 1938 г., дал понять, что под военной помощью соседним государствам Москва понимает их фактическую оккупацию Красной Армией, чего эти страны боялись не меньше, чем оккупации немецкой армией.

Итак, Сталин продолжает двойную игру. 2 июля, в разгар советско-германских переговоров в Берлине и Москве, Кремль передает Англии и Франции проект договора о союзе СССР, Франции и Англии против Германии. Но Советский Союз выдвинул в качестве условия заключения этого тройственного союза предоставление ему права ввести Красную Армию на территории Польши, прибалтийских стран и Финляндии в виде гарантии против возможного немецкого вторжения в эти страны. 11 августа 1939 г. Кремль приглашает в Москву военные миссии Франции и Англии для обсуждения своего проекта военной конвенции. Советскую военную делегацию возглавили маршалы Ворошилов и Шапошников. И вот как раз эти переговоры Кремль намеренно заводит в тупик, настаивая на явно неприемлемом для демократических стран требовании санкционировать фактическую оккупацию Красной Армией территорий Польши, прибалтийских стран и Финляндии. Однако англо-французские военный миссии не имели и не могли иметь полномочий распоряжаться судьбами суверенных государств. Естественно, переговоры кончились безрезультатно, но они сыграли роль, которую им отводил Сталин. Перговоры эти официально еще не были прерваны, когда немцы, не без тревоги следившие за ними, включились в игру. 14 августа Риббентроп дает указание Шуленбургу, чтобы тот прочел Молотову его телеграмму, не вручая ее последнему. В телеграмме содержалось утверждение, что Англия и Франция хотят вновь втянуть Россию, как и в 1914 г., в войну против Германии, в войну, от которой выиграют только «западные демократии». Риббентроп повторил свое предложение, что хочет прилететь в Москву, чтобы доложить лично Сталину точку зрения фюрера по данному вопросу. Кремль отвечает, что до приезда Риббентропа надо провести еще определенную подготовительную работу. Теперь, однако, разыгрался, видимо, аппетит и у Риббентропа, которого советская разведка по разным каналам, в том

числе через болгарского посланника Драганова, снабжала фальшивками о наблюдающемся якобы «прогрессе» в переговорах с англо-французами. 16 августа Риббентроп вновь телеграфирует своему послу. Шуленбург на сей раз должен внушить Молотову, что, поскольку Германия согласилась с идеей политического пакта с СССР, надо спешить, ибо каждый день может вспыхнуть конфликт между Германией и Польшей. В тот же день Молотов сообщает немецкому послу, что Москва готова заключить пакт. Но к нему, по мнению Кремля, должен быть приложен «секретный дополнительный протокол», в котором были бы точно определены сферы влияния подписавших его держав в Восточной Европе. 19 августа подписывается торговый договор между Германией и СССР, а 22 августа в Москву прибывает Риббентроп для заключения договора политического.

Я уже указывал, что идея торгового договора принадлежала Риббентропу, а идея политического договора – Молотову. Чтобы добиться заключения этого политического договора, Москве пришлось подписать договор торговый на совершенно невыгодных для СССР условиях, да еще обязаться снабжать потенциального военного противника стратегическим сырьем в явный ущерб интересам обороны собственной страны.

Советский Союз экспортировал в Германию зерно, нефть, платину, фосфор и другое сырье. Доктор Шнурре, подписавший торговый договор с Микояном, телеграфировал в Берлин, что все это сырье «для нас имеет ценность золота». Упоенный этим своим первым успехом, Риббентроп прибыл в Кремль в полной уверенности, что вторая его победа в виде политического пакта с Москвой позволит фюреру кромсать карту Европы так, как это ему захочется. Он не ошибся. 23 августа 1939 г. в присутствии членов Политбюро во главе со Сталиным, Риббентроп и Молотов подписали «Договор о ненападении между Германией и СССР».

К договору был приложен «Секретный дополнительный протокол», составленный в Кремле и посланный в Берлин еще накануне. Суть протокола: Гитлер и Сталин делят между собой Польшу. Этнографическая Польша отдается Германии со статутом протектората, а польские восточные области – Западную Украину и Западную Белоруссию – аннексирует Советский Союз. Сталин признает свободу действий Гитлера в Западной Европе. За это Советский Союз получает право присоединить к СССР Бессарабию, Северную Буковину, прибалтийские государства и даже Финляндию. После церемонии подписания договора Молотов устроил в честь Риббентропа пышный банкет в присутствии Сталина и всей его клики.

Эти люди, которые одним росчерком пера и в течение каких-нибудь пяти минут решили судьбы пяти независимых государств, отлично понимали, что они готовят небывалую до сих пор в истории мировую катастрофу. Тем не менее, они торжествовали как свою победу трагедию этих народов. Ели икру, пили шампанское, слушали музыку, а тостам не было конца. Один тост даже вошел в историю. Об этом тосте, совершенно не предусмотренном дипломатическим протоколом, Риббентроп нашел нужным немедленно доложить фюреру. Тост этот произнес Сталин: «Я знаю, как крепко германский народ любит своего вождя. Поэтому мне хочется выпить за его здоровье» (см. Rossi, A. «Russian-German alliance. 1939–1941». Beacon Press, Boston, 1951, p. 75).

Нужно только на минуту вообразить себе антисемита Риббентропа, чокающегося с евреем Кагановичем, чтобы постичь всю бездну аморальности этих торговцев судьбами человечества. Разбойник из Берлина не только по-дружески чокался с разбойниками из Москвы, но даже чувствовал себя там словно в своей фашистской компании. Вспоминая об этом банкете, Риббентроп рассказывал впоследствии министру иностранных дел Италии Чиано, какие мысли обуревали его тогда: «Я чувствовал себя в Кремле, словно среди старых партийных товарищей» (там же, стр. 75).

Риббентроп был не единственным фашистом, который питал родственные чувства к большевизму. Им был и сам духовный вождь фашизма Бенито Муссолини, который в октябре 1939 г. авторитетно констатировал: «Большевизм в России исчез, и на его место встал славянский тип фашизма» (там же, стр. 77). Большевики в долгу не остались. Сталин

вложил в уста Молотова слова, которые вполне могли бы принадлежать Гитлеру или Муссолини. Вот эти слова Молотова в «Правде» от 1 ноября 1939 г.: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признать или отрицать… Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война на уничтожение гитлеризма».

Сталин, как и нынешние продолжатели его дела в Кремле, оправдывал заключение пакта с Гитлером ссылкой на абсурдный аргумент: Советский Союз, мол, выиграл два года, чтобы готовиться к войне с Германией. Никто не смел привести контраргументы: а чем мы занимались двадцать два года как не подготовкой к войне, чтобы «бить врага на его собственной территории», как выражался Сталин. К тому же, разве готовятся к войне, снабжая в то же самое время будущего врага военно-стратегическим сырьем?

Чтобы еще полнее удовлетворить аппетиты Гитлера таким сырьем не только из СССР, но и из других стран через СССР, И февраля 1940 г. было заключено новое советско-германское соглашение, опять-таки явно в ущерб советским интересам. В свете будущей даты нападения Германии на СССР интересны и сроки поставок сторонами товаров. В то время как немцы должны были поставить свои товары Советскому Союзу в течение двадцати семи месяцев (машины и оборудование), Советский Союз обязался закончить свои поставки через 18 месяцев, то есть как раз к началу нападения Германии на СССР. Кроме того, Москва обязалась покупать для Германии металл и другое сырье в третьих странах, чтобы обойти английскую блокаду. Плюс к этому, Советский Союз разрешил Германии транзит через свою территорию немецких закупок из Маньчжурии, Афганистана, Ирана, Румынии. По поводу нового соглашения доктор Шнурре победоносно сообщал в Берлин: «Несомненно, СССР обещает куда больше поставок, чем это оправдано с чисто экономической точки зрения, и он должен делать эти поставки частью за счет собственного снабжения… Соглашение означает для нас открытие дверей в страны Востока. Покупку сырья в СССР и в пограничных к нему странах можно еще больше расширить… Эффект английской блокады будет значительно ослаблен». («Nazi-Soviet relations…» стр. 134).

Однако, насколько Сталин был щедр и аккуратен в поставках Германии стратегического сырья и в деле организации транзитной службы немецких закупок в соседних с СССР странах, настолько же Гитлер был скуп и неаккуратен в ответных поставках. Кремль на это однажды пожаловался тому же Шнурре. Шнурре знал причину. Немецкое правительство действовало намеренно, ибо, как сообщает Шнурре, «имеется директива рейхсмаршала Геринга избегать поставок в СССР, которые прямо или косвенно усилили бы советский военный потенциал» (там же, стр. 200). Контуры «плана Барбаросса» (план нападения на СССР) вырисовывались в голове Гитлера еще при заключении «пакта Риббентропа и Молотова». В демократических странах об этом писали тогда открыто, но только один «гениальный вождь и учитель» и его клика не могли разгадать коварные замыслы политического ефрейтора из Берлина. В этом и главная причина того, что на рассвете 22 июня 1941 года германские самолеты, заправленные советским бензином, начали на широком фронте бомбить советские города. За ними двинулись германские танки, заправленные тем же советским бензином. Под прикрытием этих танков двинулась и германская пехота, которая ела советский хлеб.

Преступный пакт Сталина с Гитлером развязал Вторую мировую войну, в которой одних советских людей погибло более двадцати миллионов.

V. Экспансия Советской империи

Партийные историки пишут о «Великой Отечественной войне», игнорируя очевидные исторические факты. Ведь не было единой «Отечественной войны», а были перераставшие одна в другую три войны СССР: одна война – завоевательная колониальная война против

Финляндии и Польши и почти одновременная аннексия Советским Союзом прибалтийских стран, Северной Буковины и, считавшейся спорной территорией, Бессарабии (1939–1940); вторая война – это оборонительная война, называемая «отечественной», против Германии; третья война – завоевательная колониальная война СССР в Восточной Европе и на Балканах под лозунгом «освобождения» тамошних народов от фашизма.

Только вторая война – оборонительная война против гитлеровской агрессии – была справедливой и действительно Отечественной, что же касается первой и третьей войн, то они были войнами империалистическими, ибо велись во имя расширения советской колониальной империи.

В Прибалтике, в отличие от Финляндии и Польши, Кремль достиг своих целей путем мирной экспансии.

Относительная легкость победы Сталина в Польше и Прибалтике, кроме всего прочего, объяснялась тем, что Сталин находился в союзе с Гитлером, с которым еще по «пакту Риббентропа-Молотова» разделил сферы влияния в Восточной Европе. Народам этих стран не приходилось ожидать помощи и от демократических держав. Правда, Франция и Англия объявили Войну Германии из-за Польши, но никаких военных действий не предприняли, что же касается аннексии прибалтийских стран Советским Союзом, то и тут демократические державы ограничились лишь платоническими заявлениями о непризнании советской аннексии. Если же говорить о Польше, то Сталин, нанесший ей предательский удар в спину, протягивал руку «братской помощи» вовсе не западным украинцам и белорусам, которые, как чумы, боялись его кровавой руки. Недаром советский народ тогда острил: «Мы им протянем руку, а ноги они протянут сами». Сталин протягивал руку своему союзнику Гитлеру. Польша пала после героического сопротивления, ибо не могла одновременно воевать на два фронта – против Германии и СССР.

Чтобы предотвратить возрождение национальной Польши в будущем, чекисты Сталина-Берии отобрали из плененной польской армии 15 000 польских офицеров и перестреляли их всех (около 5000 из них в Катыни в 1940 г.). Комиссия экспертов из нейтральных стран в 1943 г. установила, что офицеры в Катыни были убиты летом 1940 г. Когда польское правительство в Лондоне запросило о судьбе других офицеров, то Сталин ответил: «Они убежали, может быть, в Монголию».

В Польше, Финляндии и прибалтийских странах – в Литве, Латвии и Эстонии – Сталин предъявил народам неоплаченный ленинский счет. Хотя Ленин в 1918 г. и старался вернуть военной силой все народы бывшей царской империи в империю советскую, но как раз прибалтийские народы, наряду с поляками и финнами, оказали Красной Армии Ленина и Троцкого такое упорное сопротивление, что пришлось свою капитуляцию перед их непокорностью выдать за добродетель: мы, мол, признаем право народов на независимость. Так, самоопределившись в 1918 г., прибалтийские народы создали цветущие государства с западноевропейским уровнем жизни. В этих странах были большие колонии русских, которые жили здесь с дореволюционных времен. Здесь же нашли политическое убежище большие группы русских беженцев, в числе которых было и много русских интеллектуалов. Были созданы русские культурные и религиозные центры, русские театры, независимая русская печать, а знаменитые русские профессора почти всех наук преподавали в университетах новых государств. Их симпатия и сочувствие были на стороне коренных народов, когда над ними нависла смертельная опасность со стороны их бывшей русской родины. Москва аннексировала прибалтийские страны по этапам, так, чтобы замаскировать конечную цель – включение этих стран в состав СССР.

Сначала Кремль предложил прибалтийским странам заключить с Советским Союзом пакт о взаимной военной помощи против потенциального «агрессора». Москва заявила, что на эти страны могут напасть «агрессоры», и для защиты от этих «агрессоров» нужно, чтобы эти страны разрешили разместить на своих территориях «ограниченные контингенты» Красной Армии, как теперь в Афганистане.

Москва обещала уважать их национально-государственный суверенитет, не

вмешиваться в их внутренние дела, но одновременно дала понять, что если не будет удовлетворено это советское требование, то Красная Армия просто займет эти страны, и тогда они потеряют свою независимость. Вызванных в Кремль одного за другим глав этих государств заставили подписать такие пакты в течение двенадцати дней Эстония подписала пакт 28 сентября 1939 г., Латвия – 5 октября 1939 г., Литва – 10 октября 1939 г. Девять месяцев понадобилось Кремлю, чтобы провести в оккупированных странах радикальную чистку. Правительства, которые подписали пакты о «взаимопомощи», парламенты, которые их ратифицировали, были отправлены в концлагеря. За ними последовало около одной трети депортированного населения. Устроили так называемые «свободные выборы» в новые парламенты, на которых присланные из Москвы эстонские, латышские и литовские коммунисты получили по известному всем методу – от 92 до 99 %% поданных голосов. Избранные таким образом парламенты летом 1940 г. обратились к СССР с просьбой принять Эстонию, Латвию и Литву в состав СССР. Кремль великодушно удовлетворил эту просьбу. Далее, 24 июня 1940 г., в согласии с «секретным протоколом» к «пакту Риббентропа-Молотова», советское правительство предъявило Румынии ультиматум в трехдневный срок очистить территорию Бессарабии и Северной Буковины для включения их в состав СССР. Зная, что за спиной Сталина стоит Гитлер, Румыния капитулировала. 27 июня 1940 г. Красная армия заняла обе территории.

Аннексией прибалтийских стран, занятием Бессарабии и Северной Буковины, завоеванием пограничных финских земель и вод Советский Союз резко улучшил свою территориально-стратегическую позицию на Западе, но одновременно показал и истинное лицо советского глобального империализма.

Как рассказывает летописец, древнерусский князь шел на своих врагов с открытым забралом, заранее объявляя во всеуслышание: «Иду на вы!»

Цивилизованные агрессоры готовят войны исподтишка и нуждаются в том, что дипломаты называют «казус белли», то есть в предлоге для нападения, который они к тому же придумывают сами.

Прежде чем напасть на Польшу 1 сентября 1939 г., Гитлер переодел отряд немецких солдат в форму польской армии и атаковал свой собственный пограничный с Польшей пункт, чтобы заявить внешнему миру, что Польша напала на Германию. Что же касается Сталина, то он умудрился выдать за предлог для агрессии событие, которое вовсе не произошло. Прежде чем начать войну против Финляндии 30 ноября 1939 г., Сталин обвинил эту маленькую страну не больше, не меньше, как в нападении на СССР. В правительственном сообщении об этом нападении говорилось, что финские пограничные части, открыв артиллерийский огонь по советской территории, убили четырех советских солдат.

Настоящей войне против Финляндии предшествовала сначала советская психологическая война против финского народа с беспримерным по цинизму нажимом советского правительства на правительство Финляндии, с требованием, чтобы финны мирно уступили Советам то, что они хотят взять войной.

5 октября 1939 г. Молотов ультимативно предложил финскому правительству в течение 48 часов начать с советским правительством переговоры по «важным политическим вопросам». Присланному из Хельсинки представителю финского правительства и будущему президенту Финляндии Паасикиви Сталин коротко и деловито объяснил: «Вы угрожаете безопасности Ленинграда, находящегося от вас в 32 километрах. Поскольку мы не можем передвинуть с места наш Ленинград, то мы решили продвинуть наши границы вглубь вашей страны». Конкретно Сталин потребовал, чтобы Финляндия уступила СССР ряд островов в Финском заливе, а на полуострове западнее Хельсинки разрешила Красной Армии построить военно-морскую базу на арендных началах, а также согласилась на некоторые «исправления» границ и на севере. Всего Сталин потребовал 2700 кв. км., за что великодушно предлагал Финляндии, в качестве компенсации, дикие карельские болота. Сталин даже острил, как тифлисский кинто старых времен: «Мы ведь требуем всего только

2700 кв. километров, а за это даем в обмен 5500 кв. километров. Скажите, какая великая держава поступила бы так? Никакая. Только мы такие глупые».

Когда правительство в Хельсинки, соглашаясь на исправление границ у Ленинграда, отвергло другие советские требования, задевающие его суверенитет, Молотов хладнокровно заявил финскому представителю: «Поскольку гражданские лица не могут договориться, то отныне слово принадлежит военным». Слово военных принесло Кремлю не славу, а вечный позор. 30 ноября 1939 г. Красная Армия числом 450 тыс. человек, имея 1900 пушек, 1000 танков и 800 боевых самолетов, на широком фронте перешла финские границы и после некоторых первоначальных успехов натолкнулась на такое беспримерное по храбрости сопротивление финнов, что о легкой военной прогулке по Финляндии, о которой думали в Кремле, не могло быть и речи. А ведь во всей финской армии было только 215 тыс. человек, она имела всего 75 самолетов и 60 старых танков. Поэтому-то большевики и войну начали как войну одного Ленинградского военного округа, а фактически она превратилась в войну всей Красной Армии, ибо против финнов воевала половина тогдашнего личного состава Красной Армии.

Многие до сих пор думают, что Кремль преследовал в этой войне ограниченную территориально-стратегическую цель – исправить границы и заполучить некоторые острова и полуострова. Это заблуждение. Конечной целью была большевизация всей Финляндии и, по примеру прибалтийских стран, включение ее в состав СССР на правах союзной республики. Этим, собственно, и объяснялось, что как только Красная Армия захватила финскую пограничную деревню Териоки (ныне Зеленогорск), Кремль поспешил торжественно провозгласить создание мифической «демократической республики Финляндии» с «временной столицей Териоки». Во главе ее, так сказать, правительства был поставлен старый соратник Ленина, политический секретарь президиума Исполкома Коминтерна Отто Куусинен. И вот 2 декабря 1939 г. в Москву из Териок «прибыл» Куусинен попросить военную «братскую» помощь и заключить договор насчет цены такой помощи. Это была, конечно, чистейшая комедия, к тому же совершенно бездарная, что даже не похоже на Сталина. Куусинен, хотя бы даже для видимости, мог бы приехать из Териоки. Но он пришел пешком в Кремль из своего Коминтерновского кабинета около Манежа, рядом с Кремлем. Куусинен подписал договор в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Жданова. Фотография «исторического акта» подписания договора и сам договор были опубликованы в «Правде». По этому договору Куусинен удовлетворил все желания Москвы, подарив Советскому Союзу не 2700 кв. км финской территории, а 4000 кв. км перед Ленинградом, плюс все острова и полуострова, которые требовало советское правительство. Ратификационными грамотами стороны обязались обменяться в ближайшее время в Хельсинки, когда резиденция Куусинена будет перенесена туда из обоза Красной Армии. Вот тогда финны по-настоящему поднялись на всенародную освободительную войну против советского империализма. Маленькому северному народу было тяжело выдерживать чудовищный натиск советского колосса, но и советские потери были колоссальными. По официальным данным, Красная Армия потеряла 207 000 солдат (фактически цифры были куда выше), финны потеряли 25 000 солдат. Ворошилов потерял пост наркома по военным делам. Назначенный на его место маршал Тимошенко довел действующую армию до 500 000 солдат. Однако Сталин пришел к выводу, что при продолжении войны он рискует столкнуться с англо-французами, которые намеревались направить экспедиционную армию на помощь финнам. Поскольку западная помощь только планировалась, но так и не приходила, а к тому же Гитлер, находящийся в пакте со Сталиным, требовал от финнов уступить Сталину, то финны решили за лучшее принять условия Сталина. Вся пограничная с Карелией область с городом Выборгом, а также отрезки территории на востоке и севере страны – всего 35 000 кв. км. – финны вынуждены были уступить Советскому Союзу.

Это была редкая в истории война, в которой народ потерял часть территории, но не поступился национальной честью.

Готовясь к войне с Советским Союзом, Германия добилась в начале июня 1941 г.

размещения в Финляндии одной немецкой дивизии. Однако, когда началась война между Германией и СССР, Финляндия заявила, что остается нейтральной. Несмотря на это, 25 июня 1941 г. советские самолеты бомбардировали финскую территорию. Только после этого 10 июля финны на широком фронте перешли советские границы и вернули себе обратно все занятые советской армией области, взяв заодно и всю Карелию, включая ее главный город – Петрозаводск. Вопреки давлению немцев, маршал Маннергейм отказался продолжать дальше войну против СССР. Начатое Красной Армией в конце июля большое наступление было отбито еще в начальной стадии. Ее потери были, как и в первой войне, велики – Красная Армия потеряла убитыми и ранеными 260 000 солдат.

2 сентября 1944 г. Финляндия вышла из войны. Новые условия мира для нее были еще тяжелее, чем в первой войне. Все-таки и этот тяжелый мир не смог принудить Финляндию стать советским сателлитом, как ими стали восточно-европейские страны.

Кремль старался через так называемую Контрольную комиссию «союзников», заседавшую в Хельсинки, навязать финнам коммунистические порядки, но очень быстро понял, что имеет дело с противником, которого можно уничтожить, но покорить нельзя. Тонкие дипломаты, мужественные воины, финны учили советских генералов учтивому обращению с побежденными. В этом отношении характерна сцена на заседании союзнической Контрольной комиссии, куда, между прочим, входили и английские офицеры. Когда вызванный на ее заседание маршал Маннергейм вошел в зал, советский представитель, член Политбюро генерал-полковник Андрей Жданов не соизволил встать, несмотря на то, что его английские коллеги встали. Тогда маршал Маннергейм обратился к Жданову на отличном русском языке (он ведь был генералом русской императорской армии): «А что, в вашей армии разве есть обычай – генералы продолжают сидеть, когда в зал входит маршал?» Свидетели рассказывают, что Жданов даже покраснел и встал. На приеме финской правительственной делегации в Кремле в 1947 г. Сталин произнес тост: «Я пью за храбрую финскую армию». Сталин на этот раз не льстил и не врал, а говорил беспримерную в его устах правду.

VI. Ялта – триумф Советской империи

После победы во Второй мировой войне антигитлеровской коалиции все восточно-европейские страны из-под ига фашизма перешли под иго большевизма.

Ялтинская конференция была запоздалой попыткой западных союзников спасти эти страны от такой судьбы. На деле получилась санкция западных держав на раздел Европы. Лучше было бы, если бы Ялтинская конференция вообще не состоялась. Время и место каждой конференции навязывал Сталин, когда это было выгодно ему. После Сталинграда состоялась Тегеранская конференция, после занятия Красной Армией большинства восточноевропейских стран состоялась Ялтинская конференция. Если западные державы хотели спасти Восточную Европу и Балканы от коммунизма, то первую конференцию союзников надо было созвать, когда Гитлер подошел к Москве, а Сталин был в великой панике. Тогда судьба коммунистического режима висела на волоске, а России угрожало расчленение. Чтобы спасти то и другое, Сталин и его клика были бы вынуждены дать не только гарантии восстановления свободы и независимости восточно-европейских народов, но пойти и на внутренние политические и социальные реформы, как доказательство своей искренности. Нельзя думать, что такое требование было бы нереалистическим. Ведь оставленный один на один с Гитлером, без второго фронта на Западе, первым погиб бы Сталин, а не Гитлер. Ялтинская конференция была великим обманом Сталина и самообманом Запада.

В американском самообмане сыграли роль два фактора: переоценка военного потенциала своего второго врага – Японии и недооценка политического коварства Сталина.

Ялтинская конференция с участием Рузвельта, Черчилля и Сталина происходила с 4-го по 11 февраля 1945 года, за три месяца до капитуляции Германии и за шесть месяцев до

капитуляции Японии. Судьба Германии уже определилась – Красная Армия заняла восточно-европейские страны – Польшу, Румынию, Венгрию, Болгарию (хотя последняя была нейтральной в войне). Неудержимо двигалась Красная Армия главным фронтом на Берлин и побочным фронтом в сторону Чехословакии и Югославии. Тем временем западные союзники заняли с юга большую часть Италии, а с запада вступили на немецкую территорию. Поскольку главные свои силы немцы сосредоточили на Восточном фронте, то западные союзники имели шансы занять не только Саксонию и Тюрингию, как это и произошло, но и Берлин, который по военному соглашению без нужды и в ущерб политической стратегии был уступлен Красной Армии. Таким образом, к началу Ялтинской конференции капитуляция Германии была вопросом нескольких недель, однако положение с Японией оставалось неясным. Начальники штабов американских вооруженных сил сообщали президенту Рузвельту, что без участия Советского Союза война против Японии одними американскими силами будет продолжаться не менее 18 месяцев, то есть до середины 1946 года. До сих пор американцы освобождали страны и острова, оккупированные японцами в Азии и на Тихом океане, но несли при этом большие потери. Теперь предстояла высадка в самой Японии.

Американские стратеги находили, что эта высадка будет стоить американской армии сотен тысяч солдат. Как выяснилось потом, расчеты эти оказались ошибочными, ибо Япония находилась на исходе сил, даже без применения американских атомных бомб.

Вероятно, Рузвельт не учитывал также, что с применением атомных бомб война против Японии вообще кончилась бы без всякого участия СССР. Но, как бы там ни было, американский президент, хорошо зная упорство японцев в войне на Тихом океане и боясь больших потерь американской армии при высадке в Японии, решил уступками на Ялтинской конференции склонить Сталина к участию в войне против Японии. К тому же, президент, вероятно, учитывал, что в отличие от западной стратегии максимально экономить жизнь солдат, стратегия Сталина и его генералов была основана на массированном и безоглядном расходовании солдатских жизней. Поэтому-то потери Красной Армии даже в обороне были в три-четыре раза выше немецких.

Уступки Америки и Англии в Ялте сами по себе казались скорее уступками тактическими, чем стратегическими. Причем, в основном вопросе – о послевоенной судьбе восточно-европейских народов – в Ялте пришли к соглашению, что эти народы создадут у себя демократические режимы при свободных тайных выборах. Вот что говорилось на этот счет в «Декларации об освобожденной Европе», принятой в Ялте: «Установление порядка в Европе и восстановление национальной экономической жизни должны быть достигнуты таким процессом, который помогает освобожденным народам создавать демократические учреждения по своему собственному выбору. Основной принцип «Атлантической хартии» гласит: право всех народов выбирать такую форму правления, при которой они хотят жить; восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были насильственно лишены их». Далее говорится, что три правительства – США, Англия, СССР – будут помогать «создавать временные органы власти, которые, будучи организованы на широкой базе, представляющие все демократические элементы населения, обязаны в ближайшее время путем свободных выборов образовать правительства, отвечающие воле народов». О Польше, из-за которой Англия, собственно, и объявила войну Германии, было сказано, что созданное Москвой так называемое Временное польское правительство вместе с польским правительством в изгнании в Лондоне образуют Польское временное правительство национального единения. Это правительство обязано как можно скорее провести в стране свободные, беспрепятственные выборы на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования. Сталин заверил своих коллег по конференции, что Польша не будет коммунистической страной, ибо, говорил он, «поляки националисты и индивидуалисты»; не будут поляки зависеть и от Москвы. К сорокалетию Ялтинской конференции «Правда» писала: «Глава советской делегации упорно отстаивал «…создание мощной, свободной и независимой Польши» («Правда», 8. 2. 1985). Такие же обещания

Сталин дал и в отношении всех других стран Восточной Европы. Однако Красная Армия, вступая в Восточную Европу, везла в обозе коммунистических правителей для каждой «освобожденной» страны – всех этих Берутов, Дмитровых, Ракоши, Готвальдов, Ульбрихтов, – которые немедленно приступили к большевизации захваченных Красной Армией стран. Приводят аргумент, что Сталин и его западные союзники по-разному интерпретировали Ялтинские соглашения. Однако соглашения судьбоносного характера, какими были Ялтинские, не должны допускать возможности разного их толкования, тем более, что и Рузвельт и Черчилль знали, с кем они имеют дело. Рузвельт еще накануне войны заявил, что большевистская власть в Москве такая же тираническая, как и фашистская власть в Берлине, а Черчилль вообще считался со времени английской интервенции в помощь генералу Деникину в 1919 г. присяжным врагом большевизма. Так что Ялтинская катастрофа Запада объясняется не только и не столько разным толкованием сторон, сколько вещами более прозаическими: Рузвельту важно было уговорить Сталина вступить в войну против Японии, что он сделал бы и без уговоров президента, а Черчиллю важно было спасти Британскую империю от развала, если не в дружбе со Сталиным, то хотя бы при нейтралитете с ним, что тоже было полнейшим самообманом. Нынешний президент Америки Рональд Рейган заявил к сорокалетию Ялты: «Существует одна символизирующая Ялту линия, которая никогда не может обрести законность: это водораздел между свободой и угнетением… Я не колеблясь заявляю, что мы хотим упразднить эту линию».

Включив в свою последнюю в мире империю дополнительно еще восточно-европейские страны, Советский Союз этим не удовлетворился. Он начал расширять свою имперскую власть на все континенты мира. Парадоксально, но факт: старые империи обогащались за счет колоний, а советская империя нищает из-за новых коммунистических режимов, которые надо охранять, кормить и вооружать за счет метрополии. Чтобы удержать в составе империи жертв Ялты, Кремлю приходится держать в одних из этих стран вооруженные силы, а другим угрожать вводом войск, если они вздумают выйти из «Варшавского договора», как это пыталась сделать Венгрия в 1956 г., или просто стать на путь либерализации, как этого хотела Чехословакия в 1968 г. Что же касается «марксистско-ленинских» режимов в Африке, Азии и Латинской Америке, то они все находятся на материально-военном иждивении Москвы, не из-за «братской солидарности» с ними, а потому, что они служат трамплином на пути дальнейшей глобальной советской экспансии. Каждое новое территориальное приобретение – новая тяжесть на шее советского народа. Спрашивается, сколько таких тяжестей он может выдержать?

В заключении данной главы, я хочу остановиться на причинах, почему Красная Армия терпела поражения на первом этапе войны.

Когда партийные историки пишут о советской военной катастрофе первых лет войны и успехах немецких войск, то они повторяют фактически неверный и политически абсурдный тезис Сталина о том, что немцы имели успех благодаря фактору внезапности нападения. На самом деле глубокие причины первоначальных поражений Красной Армии и секрет немецких успехов лежат совершенно в другой области – в области политической, военно-кадровой и отчасти даже в области психологической. Укажем сначала на политические причины и факторы.

Только к самому началу войны Сталин и его кремлевская клика закончили свою беспрецедентную в истории человечества инквизицию – «Великую чистку», в результате которой были заперты в концлагеря от 10 до 15 миллионов советских граждан. Это означало, если приплюсовать сюда и десять миллионов жертв принудительной коллективизации, что в стране практически не было семьи, прямо или косвенно не задетой чисткой. Отсюда муки и страдания во всех уголках страны и во всех слоях народа. Отсюда же и всеобщее отчаяние, доходившее до пораженческих чувств в начавшейся войне, лишь бы избавиться от тирании Сталина. Многим хотелось верить, что культурная Германия придет к ним как «освободительница» от НКВД, концлагерей, колхозов, сталинской тирании. Когда они убедились на практике, что Гитлер пришел в Россию не освободить ее от тирании, а

помножить тиранию политическую на тиранию расовую, антирусскую, великогерманскую – вот тогда только и началась «Великая Отечественная война», в которой Сталин уже апеллировал не к Марксу и Энгельсу, а к древнерусским князьям, прославленным царским полководцам и русской православной церкви. А чекисты еще втихомолку пускали целенаправленные слухи, что после победоносного окончания войны все будет по-другому, по-новому – не будет больше террора, исчезнет тайная полиция, закроют лагеря, распустят колхозы. Словом, Сталин перестанет быть Сталиным. И всему этому – народу тоже хотелось верить. Вторая важнейшая причина поражений, а в области военного искусства даже решающая, лежала в том всеобщем разгроме советских военных и военно-политических кадров, который Сталин и чекисты учинили как раз накануне войны. Здесь я хочу процитировать официальный и авторитетный советский источник. Источник этот – книга «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история, под редакцией П. Н. Поспелова и маршалов Гречко, Соколовского, Захарова, Баграмяна» (М. Воениздат, 1965). Так вот, на страницах 39–40 этой книги буквально сказано следующее: «В 1937–1938 гг., а также и в последующее время, в результате необоснованных репрессий погиб цвет командного и политического состава Красной Армии. Как «агенты иностранных разведок» и «враги народа» были уничтожены три маршала (из пяти); погибли все командующие войсками военных округов… были уничтожены или разжалованы и подвергнуты длительному заключению многие видные военные деятели и герои гражданской войны… Из армии были устранены все командиры корпусов, почти все командиры дивизий, командиры бригад; около половины командиров полков, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство военных комиссаров корпусов, дивизий, бригад и около одной трети военкомов полков». Если бы Сталин и чекисты не устроили этой антигосударственной и бессмысленной чистки, то можно сказать с уверенностью, что немецкая армия не осмелилась бы напасть на СССР, а если бы напала, то никогда не дошла до Москвы и Волги. Есть еще третий фактор, который обусловил первоначальные поражения Красной Армии. Пока Гитлер не напал на СССР, советское правительство считало, что фашистская Германия ведет справедливую оборонительную войну против западных демократических стран. Поскольку Сталин разделил Польшу с Гитлером, то и в нападении Германии на Польшу советское правительство и советская пресса обвиняли не агрессора, а его жертву, не пожелавшую подчиниться диктату Берлина. Хотя Советский Союз и после «пакта Риббентропа-Молотова» 1939 г. продолжал считать себя нейтральным в начавшейся Второй мировой войне, но фактически в силу этого пакта Советский Союз стал интендантом воюющей Германии.

У Кремля были не только политические и стратегические просчеты в ухаживаниях за Гитлером, но и грубейшие психологические просчеты. Кремль систематически насаждал в печати и радиопередачах культ непобедимости немецкого оружия, возводя до небес качество немецкой военной техники и успехи стратегии «блицкрига». Просмотрите советские газеты тех времен и вы легко убедитесь в справедливости сказанного. Помимо всего прочего и это обстоятельство, нанесшее сознанию советского солдата нечто вроде психической травмы, добавило трагическую ноту в массовую панику советских войск, когда они в начальный период войны целыми армиями сдавались в плен или сотнями тысяч бежали с поля битвы без оглядки, бросая оружие. Это были люди, которые вычитали из советских газет, слышали по советскому радио и видели в советских киножурналах, как эта немецкая армия за несколько недель триумфальным маршем прошла по Европе, разбила великую Францию, изгнала с континента мировую английскую империю, – как возможно было противостоять этому современному чудо-богатырю!

Вот так был подготовлен и культивирован психоз паники, равно как и предубеждение, что немецкое оружие непобедимо, а поражение собственной страны в данной войне меньшее зло, ибо оно избавит страну от сталинской тирании. Надо признать, что народ в данном случае думал точь-в-точь, как думал Ленин о первой войне между Германией и Россией, когда писал в Манифесте РСДРП от 1 ноября 1914 г.: «Для нас, русских социал-демократов,

не может подлежать сомнению, что… наименьшим злом было бы поражение царской монархии», то есть России («КПСС в резолюциях», ч. I, М. 1954, стр. 323).

Однако, очень скоро выяснилось, что на Советский Союз напал такой же варвар и народоубийца, как и сам Сталин, с той только разницей, что он был чужеземцем. Тогда народы СССР предпочли собственного варвара чужеземному – тем более, что люди поверили дезинформации чекистов, что по победоносной войны Сталин немедленно приступит к новым «великим реформам».

ЧАСТЬ IV. ПОСЛЕСТАЛИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

I. Национальная политика в эру Хрущева и Брежнева

Сталин был холодный, скрупулезный и терпеливый калькулятор в политике, который знал не только границы своих возможностей, но и природу объекта, на который направлена его политика. Политик среди уголовников и уголовник среди политиков, Сталин нашел в синтезе политики с уголовщиной тот универсальный и магический рецепт, при помощи которого он действовал как в общей, так и в национальной политике. В его богатой уголовно-политической карьере вы не найдете ни одной предпринятой им политической акции, в которой он потерпел бы поражение. Даже став неограниченным диктатором, он не позволял себе ни эмоциональных взрывов, ни импровизированных решений. Как новые решения, так и пересмотр уже принятых, подготовлялись с расчетом на абсолютный успех.

Во всем этом его преемник Хрущев был антиподом своего предшественника.

Сталин ликвидировал ленинский нэп и нэпманов – и уцелел, Сталин ликвидировал свободное крестьянство, составлявшее 80 процентов населения страны, – уцелел, Сталин ликвидировал ленинскую партию, организатора победы в Октябрьской революции и гражданской войне – уцелел. Но когда он подошел к проблеме ликвидации национальных республик и слиянию нерусских народов с русским в одну коммунистическую нацию с одним общим русским языком, то тогда Сталин остановился, словно почуяв, что тут уж не уцелеет.

Хрущев решил: на что не осмелился Сталин, может отважиться он. По его поручению идеологический аппарат партии под руководством Суслова разработал целую комплексную программу денационализации нерусских наций СССР, чтобы подготовить их слияние с русской нацией. В программе этой нет элементов прямого насилия, да и названа она фарисейски и идиллически одновременно: «Расцвет и сближение наций». Но «расцвет» понимался как привитие нерусским народам русской культуры, а «сближение» – как слияние. Стержень программы: превратить русский язык в родной язык всех нерусских народов как предварительное условие создания единой коммунистической нации.

Методы и каналы русификации предусматривались многообразные. Главные из них суть:

В связи со школьными реформами 1958 г. был принят закон, согласно которому изучение национального языка и обучение на национальном языке в национальных школах считались делом добровольным. От родителей зависело, в какую школу русскую или национальную – отдать своих детей. Родители также решают, на каком языке в национальной школе должно вестись обучение – на русском или родном языке. Разумеется, родители, думая об успешной карьере своих детей и хорошо зная, что дорога «наверх» идет через русскую школу, отдают детей туда.

В словарный фонд национальных языков намеренно щедро вносятся русские слова и русская терминология, несмотря на наличие в этих языках соответствующих эквивалентов. Даже русское но вое словообразование с связи с развитием техники предлагается включить в национальный язык, хотя национальное словообразование сразу дало бы понять, о чем речь (например, «вертолет», «пылесос», «телевидение» и др.).

3. Массовая колонизация славянским населением Туркестана и Кавказа с установкой создания там славянского большинства в общем национальном составе республик.

Такая практика русификации нерусских языков началась еще при Сталине, но широко проводилась в эру Хрущева. Поэтому неудивительно, что, например, по данным специалистов, в тюрко-татарском словаре за 1958 г. в два раза больше русских слов, чем это было в словаре 1929 г., а в узбекском словаре зарегистрировано за тот же период около 20 процентов слов русского происхождения. С тех пор процесс русификации национальных языков развивается стремительно и в более широком масштабе. Энтузиазм русификаторов в области литературы порой принимает уродливые формы, граничащие с нелепостью. Москва, например, не разрешает литераторам национальных республик переводить на родной язык иностранных классиков с языка оригинала, т. е. они должны переводить их с русского перевода (совсем недавно азербайджанцы перевели Гете на свой язык с русского перевода).

Против такой практики переводов иностранных книг выступают даже сами русские авторы. Так, в Казахстане русский критик В. Лобин дал уничтожающую характеристику таким переводам, когда писал: «Переводить иностранных писателей, труды иностранных ученых с русских переводов на казахский язык – это все равно, что получать масло из молока, прошедшего через сепаратор». Правительственная газета «Известия» оказалась настолько задетой этим выступлением русского человека в защиту нерусских языков, что назвала его дерзкой «вылазкой против великого русского языка» («Известия», 28. 12. 1963).

Были случаи, когда и сами националы выступали в защиту чистоты своих языков (в том же Туркестане, см. «Партийная жизнь Казахстана», № 9, 1959). В Грузии даже создали в явочном порядке специальный «Комитет за чистоту национального языка». Те же «Известия» не замедлили подвергнуть грузинскую инициативу разгромной критике с чисто великорусских позиций, чтобы другим нерусским народам неповадно было подражать грузинам (см. «Известия», 24. 9. 1963). Сейчас, почти через четверть века, известный советский писатель, пишущий по-русски и по-киргизски, Чингиз Айтматов поведал внешнему миру, как развивается киргизская национальная культура. Он заявил: «Не надо изображать дело так, что в наших национальных сферах все решено и нет никаких проблем… Размышлять надо о том, насколько глубоко и демократично развивается национальная культура, национальное самосознание… Русский язык – великий, но это не означает, что не надо обращать внимание на внутренние закономерности другого национального языка и привносить в него, в частности, из русского то, что можно не привносить. Курьезным фактом в этом смысле являются названия двух областных газет, выходящих на киргизском языке – одна из них называется "Исык Кол *правда-* си", а другая "Нарын *правда* -си"... Меня это глубоко оскорбляет. Что же это за народ с тысячелетней историей, у которого в языке отсутствуют слова "правда", "истина", "справедливость". Кому нужно такое коверканье русского языка и унижение киргизского, в котором только синонимов понятия "правда" насчитывается около десяти». («Литературная газета», 31.8.1986).

То, чем возмущается здесь Айтматов, однако, было и остается «генеральной линией» партии в языковой политике. В эпоху Хрущева партийные философы выдвинули даже совершенно новую идею в отношении дальнейших перспектив развития национальных культур народов СССР. В основе новой идеи лежал тезис: нерусские народы могут создавать свою национальную культуру на русском языке. Так, журнал «Вопросы философии» утверждал, что потеря родного языка не означает для нерусских народов, что они лишаются тем самым возможности творить свою национальную культуру. Успехи языковой русификации среди малых народов СССР выдавались как предвосхищение перехода на русский язык культуры и литературы наций союзных республик. Журнал писал: «У нас в СССР имеются факты, когда многие племена, народности и небольшие нации используют русский язык для развития своей национальной культуры» («Вопросы философии» № 9, 1961). В этой связи журнал назвал народы, которые начали создавать национальную культуру и литературу на русском языке: карелы, удмурты, марийцы, коми, мордва и

осетины.

Если в школах к литературе партия применят прямые и открытые методы русификации, то существуют сферы, где она прибегает к косвенным и скрытым методам для достижения той же цели:

массовая миграция славянского, преимущественно русского, населения в нерусские республики;

новостройки – заводы, фабрики, совхозы – в национальных республиках создаются со смешанным «интернациональным» контингентом рабочих из разных народов, чтобы они между собой вынуждены были говорить по-русски;

3) в армии нет национальных формирований не только из-за недоверия к националам, но еще и для того, чтобы смешивая национальных солдат с русскими, поставить их в условия необходимости изучить русский язык;

4) места заключения (тюрьмы, лагеря, ссылки) тоже являлись и являются «школой интернационального воспитания» наций на русском языке. В 1959 г. Хрущев захотел узнать, каких же успехов достигла политика «интернационализации» на русской основе за сорок с лишним лет существования советской империи. В том году была проведена, впервые после 1926 года, Всесоюзная перепись населения СССР, где специально был поставлен вопрос о том, как велик процент среди нерусских, считающих русский язык своим родным языком. Успехи языковой политики оказались скромными, если сравнить их с большими усилиями партии, с ее неограниченной властью. Так, если по переписи 1926 г., нерусских, признавших русский язык своим родным языком, было 6,6 миллиона человек, то в 1959 г. их стало 10,2 миллиона. Языковая ассимиляция чувствительно коснулась главным образом маленьких народов и народов, не имеющих своей территории. У более крупных народов ее успехи незначительны. Если брать союзные республики, то только среди славянских народов, живущих в городах со смешанным населением, число людей считающих русский язык своим родным языком, составило в 1959 г. от 10 до 15 процентов, среди балтийских народов и молдаван оно не доходило и до 5 процентов, в то время как во всех туркестанских республиках и Грузии этот процент ниже двух, а в Азербайджане выше двух. Среди армян, 44 процента которых живут вне Армении, считают русский родным языком 8 процентов. Разнообразной оказалась картина и в автономных республиках. В девяти из 17 автономных республик, где население живет компактной массой, процент националов, считающих русский язык родным языком, исчисляется от одного до пяти, а в республиках со смешанным населением он поднимается до восьми. Наибольший успех языковой ассимиляции отмечен среди народов, живущих в СССР без собственной территории, без собственных школ, без национальной литературы и искусства. Так, среди русских немцев 25 процентов признали своим родным язык русский, среди поляков 45 процентов, среди евреев – 78 процентов.

Я хочу быть правильно понятым. Величие русского языка и гениальные творения русских классиков, писавших на нем, являются достижениями всей мировой культуры и литературы. Только не надо, как сам Ленин говорил о русификации, «загонять в рай дубинкой», если она даже завернута в бархат псевдоинтернационализма.

Отказ от коренизации в 30-е годы означал провозглашение нового курса в национальной политике, состоящего из двух связанных между собой элементов – языковая денационализация снизу и декоренизация органов власти сверху. О первом аспекте нового курса мы уже говорили, будем говорить и дальше, но сейчас поговорим о втором аспекте. Еще при Сталине были введены в национальных республиках институты «вторых секретарей» партии и «первых заместителей» главы правительства, назначаемых прямо из Москвы. Существовало неписаное правило, что первого секретаря партии, председателей правительства и «парламента» назначают из представителей коренной национальности республики (кроме Украины и Белоруссии). С 30-х годов это новое положение стало законом с уточнением функций «вторых секретарей», которые отныне руководят двумя отраслями партийной работы: распределением кадров и «интернационализацией» республик. Этот пост не может занимать местный национал или даже местный русский. Его занимает

партаппаратчик, непосредственно назначенный из ЦК КПСС и только перед ним ответственный.

Второй секретарь – не только московское бдительное око, но и фактический правитель. Юридический правитель – «первый секретарь» – национал – это знает точно, знает также, что при малейшем нарушении правил игры его бесцеремонно высадят из кресла «первого».

В назначении «вторых секретарей» не делается исключения и для тех республик, первые секретари которых добрались в своей партийной карьере до самого Политбюро (Кунаев, Рашидов, Мжаванадзе), если бы даже эти первые секретари были и чекистскими генералами (Алиев, Шеварднадзе). Так же обстоит дело и в отношении государственных органов. Есть определенный круг должностей, которые и здесь занимают лица, непосредственно назначенные из Москвы – «первые заместители» председателей советов министров и президиумов Верховных советов, а также должности, которые, в принципе, могут быть заняты москвичами: руководители госбезопасности, внутренних дел, военных округов, гарнизонов и пограничных войск, а также руководители предприятий всесоюзного значения.

Хрущев сначала тоже придерживался этого сталинского порядка, но вносил коррективы в непоследовательную политику Сталина. Сталин не разрешал назначать «вторых секретарей» в Грузию, Азербайджан и Армению из Москвы. Хрущев ввел и там институт «вторых секретарей». Сталин не разрешал назначать первыми секретарями Украины и Белоруссии украинцев и белорусов. Хрущев впервые отменил и этот порядок, назначив в обеих республиках первыми секретарями соответственно украинца и белоруса. Хрущев вскрыл на XX съезде партии уголовные преступления Сталина, граничащие с народоубийством – поголовную депортацию в Среднюю Азию и Казахстан чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкар, калмыков, и восстановил их автономию.

Хрущев и в этом не был последователен, не реабилитировав крымских татар, месхов, немцев. Не был он последователен и в проведении старой кадровой политики в туркестанских республиках – первыми секретарями назначать местных людей. С Хрущева соответственно началась практика назначения русских первыми секретарями в Казахстане. Когда первый секретарь ЦК Казахстана казах Шаяхметов и второй секретарь русский Афонов выступили против славянской колонизации Казахстана под видом поднятия целины, то Хрущев их вызвал в Москву и сообщил им, что они сняты, назначив на их место Пономаренко и Брежнева.

Хрущев решил вернуться к дореволюционному ленинизму – к слиянию наций.

Мы видели, что до революции Ленин был врагом любой формы федерации для России. Республику, которую он провозгласил после захвата власти, он сначала объявил просто Российской советской республикой. Только на III съезде Советов 25 января 1918 года Ленин, предчувствуя опасность распада Российского многонационального государства, в случае если он будет настаивать на унитарной форме правления, решил объявить Российскую республику Российской федерацией (РСФСР).

Ленин скоро увидел, что даже такую форму федерации отвергают как национальные коммунисты, так и нерусские народы. Их пугало и отталкивало слово «Россия». И вот, когда в 1922 году русские и национальные большевики решили объединить независимые советские республики в одну новую федерацию, то тогда и возник новый тип федерации – СССР.

По конституции СССР, к компетенции правительства в Москве были отнесены только шесть отраслей государственного управления:

иностранные дела,
военно-морские дела,
внешняя торговля,
пути сообщения,
почта и телеграф,
финансы.

Во всех остальных отраслях государственной жизни федерированные советские

республики оставались суверенными. Соответственно были созданы и правительственные органы власти (наркоматы): одни двойного подчинения, как ВСНХ, продовольствия, труда, финансов и РКИ, другие только местного подчинения – как наркоматы внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения. Конечно, было единое централизованное коммунистическое руководство над всеми республиками, но и здесь ленинский устав оговаривал автономии национальных компартий в решении местных проблем. Некоторые из этих прерогатив ленинской конституции, в том числе и право свободного выхода союзной республики из состава СССР, перекочевали и в сталинскую конституцию 1936 года. Конечно, любая конституция при однопартийной системе – пустая бумажка, одна лишь проформа, чтобы придавать диктатуре партии видимость правового государства. И все-таки Сталин предпочитал проформу, сохраняя федерацию квазисуверенных национальных республик.

Хрущев пришел к выводу, что наступило время подумать не только о конкретных сроках наступления коммунизма, но и о слиянии наций, как это предусматривает сама цель коммунизма. Обе эти проблемы Хрущев поставил в третьей Программе партии, установив для решения первой проблемы совершенно конкретный срок – построить коммунизм через 20 лет (1961–1980), а вторая проблема была сформулирована в Программе на эзоповском жаргоне партии, а потому не была понята. Между тем расшифровать эзоповский язык было нетрудно. Хрущев хотел не больше и не меньше, как превращения национальных республик в географические понятия. Вместо сталинской формулы «расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур», Хрущев и его шеф-идеолог Суслов выдвинули новую формулу, о которой уже говорилось: «расцвет и сближение наций». Из этой формулы намеренно была исключена «национальная форма» Сталина, то есть национальный язык как главное орудие любой национальной культуры. Причина ясна: когда произойдет «слияние наций» через «сближение», то и язык будет для всех один – русский.

Первой ступенью к слиянию наций и созданию единой коммунистической нации и является новая социальная общность – так называемый «советский народ».

Стыдливо избегая упоминать дореволюционную формулу Ленина «целью социализма является не только сближение наций, но и слияние их» (Ленин, Соч., т. 22, IV изд., стр. 135–136), «Программа КПСС» говорит, что задача партии – это «дальнейшее сближение наций и достижение их *полного единства»*. (Программа КПСС, 1961 г., стр. 112–113).

Посмотрим, как рисовалась в Программе партии судьба союзных республик в ближайшие два десятилетия. Сначала оговоримся, что текущая национальная политика Хрущева в вопросах управления, как и его общая политика, была более либеральная, более умеренная и более терпимая после тридцатилетней тирании Сталина.

В ряде законов и актов 1957 года значительно были расширены права союзных республик. Однако в главном и решающем положение не изменилось: суверенитет союзных республик как был, так и остался *фиктивным*. Им расширили круг административных полномочий, не трогая их вассальный статус. Ведь в законоинициативе и законотворческой деятельности между «суверенной» союзной республикой, скажем, Узбекистан и простой административно-территориальной единицей (скажем, Орловская область) никакой абсолютно разницы нет. ЦК партии Узбекистана имеет те же права и обязанности, что и Орловский обком партии (сам Устав КПСС ставит центральные комитеты компартии союзных республик в один ряд с обычными обкомами РСФСР в отношении их прав и обязанностей).

Органы верховной власти в Узбекистане – Верховный Совет и Совет Министров – осуществляют ту же «законодательную» и административную власть, что Орловский областной совет и облисполком с той только разницей, что в Узбекистане дублируют уже принятые в Москве законы, как свои собственные, а Орловская область проводит их в жизнь без дублирования. Поэтому не было ничего удивительного и неожиданного, когда Кремль записал в свою Программу следующее положение: «Развернутое коммунистическое строительство означает *новый этап* в развитии национальных отношений в СССР,

характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства… *Границы между советскими республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение»* (Программа КПСС, 1961, стр. 20). В Программе сказано и об общем языке для всех наций СССР: «Русский язык фактически стал общим языком общения и сотрудничества всех народов СССР» (там же, стр. 22).

Что в Программе речь шла о ликвидации давно несуществующей федерации союзных республик в ближайшем будущем, было видно из интерпретации Программы авторитетным органом Академии наук СССР – журналом «Советское государство и право». Вот что писал названный журнал по свежим следам принятия Программы: «В настоящее время вопрос о национальных взаимоотношениях в СССР имеет лишь прямо коммунистическую постановку – достижение всестороннего единства советских наций с конечной перспективой их *полного слияния…* если раньше степень федерирования, характер национальной государственности, юридическое содержание национально-государственных границ имели значение гаранта национальной свободы, то теперь они по существу не имеют больше такого смысла… Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что с этой стороны национальная государственность и *федерация в целом выполнили свою историческую миссию»* («Советское государство и право», М., 1961, № 12, стр. 15, 23). Другими словами, поскольку федерация и федерированные республики уже выполнили свою историческую миссию, они подлежат упразднению. Вероятно, в качестве подготовительной меры по реорганизации союзных республик в административно-территориальные единицы обычного русского типа, хрущевское руководство задумало и новые филиалы ЦК КПСС – Среднеазиатское бюро ЦК КПСС и Закавказское бюро ЦК КПСС. Такое же бюро, видимо, планировали создать и в Прибалтике. Во главе этих бюро ЦК были поставлены московские партаппаратчики среднего ранга, не являющиеся ни членами, ни кандидатами ЦК. Они руководили центральными комитетами союзных республик Средней Азии и Закавказья, первые секретари которых были членами ЦК КПСС, два из них даже кандидатами в члены Политбюро (Мжаванадзе, Рашидов). Так, секретарю одного из московских райкомов Ломоносову было поручено руководить, как председателю Среднеазиатского бюро ЦК КПСС, четырьмя союзными республиками – Узбекистаном, Таджикистаном, Киргизией и Туркменией. Одному из рядовых секретарей московского горкома Бочкареву, как председателю Закавказского бюро ЦК КПСС, было поручено руководить тремя кавказскими республиками – Грузией, Арменией и Азербайджаном. Таким образом, союзные республики, находящиеся по конституции между собой и Москвой в прямой федеративной связи, к тому же, согласно той же конституции, «суверенные» в осуществлении власти в пределах своей территории, были лишены своих, пусть даже бумажных, но все же конституционных прав и поставлены под надзор московского наместника с чрезвычайными правами.

Грубо был нарушен и устав партии, согласно которому центральные комитеты компартий союзных республик находятся в прямой связи и непосредственном подчинении ЦК КПСС.

Не было никакого сомнения, что эта акция находится в общей связи с подготовкой ликвидации федерации и преобразования союзных республик в административно-экономические регионы. К этому выводу приходишь, когда знакомишься с персональным составом названных бюро ЦК. Вот состав Среднеазиатского бюро. В нем представлены четыре национала – первые секретари центральных комитетов перечисленных республик и пять русских чиновников: председатель Среднеазиатского совнархоза, начальник главного управления по ирригации, начальник Среднеазиатского управления по хлопководству, управляющий Среднеазстроем и сам председатель бюро ЦК КПСС.

Из этого состава видны функции бюро ЦК – завершить экономическое районирование в Средней Азии, в результате которого исчезнет их национально-государственный статус.

Это должно было произойти в те же сроки, которые Программа КПСС назвала для построения коммунизма в СССР – до 1980 года. К этой дате должно было завершиться и слияние всех наций СССР в одну коммунистическую нацию. Цитированный автор из

Академии наук СССР писал на этот счет: «Взаимная *ассимиляция* наций по сути дела *денационализирует* национально-территориальные автономии и даже союзные республики, приближая и с этой стороны советское общество к пункту, за которым полное государственно-правовое *слияние наций* станет делом обозримого будущего» («Советское государство и право», 1961, № 12, стр. 24).

Тут воистину комментарии излишни.

Когда собственные выдвиженцы Хрущева свергли его путем заговора, то все предпринятые и намечаемые им реформы были объявлены плодом его необузданной фантазии, плодом субъективизма и волюнтаризма. Этим объяснили даже и его всемирно-историческую заслугу – разоблачение культа и преступлений Сталина, что доказала частичная ресталинизация в эру Брежнева. Была объявлена ошибочной и его установка на ликвидацию национальных республик в ближайшем будущем. Отсюда и решение брежневского руководства распустить Среднеазиатское и Закавказское бюро ЦК КПСС. Вернулись к испытанной сталинской великодержавной политике денационализации национальностей, рассчитанной на длительный исторический период.

II. Нации и национальные языки в СССР

Первоначально формула «советский народ» была обобщающей и служила для обозначения людей разных национальностей, живущих при общем для всех *советском* режиме. «Советский народ», «Советский Союз», «Советское правительство», «Советская Армия», «советский человек» – прилагательное «советское» во всех этих сочетаниях в смысле национальном – абсолютный нонсенс, а в смысле политическом – намеренная дезинформация. Мало-мальски осведомленный человек знает, что Советская власть в России существовала – и то наполовину (так называемое «двоевластие») – только восемь месяцев: от февральской революции и до большевистской октябрьской революции 1917 года. После этого власть перешла от Советов к большевикам, и Советы превратились в ширму монопартийной диктатуры. Но вот партия провозгласила на своем XXIV съезде в 1971 г., что термин «советский народ» означает не то, что люди до сих пор считали, а некое принципиально новое и даже феноменальное явление: «советский народ» – это интернациональная нация! Читайте официальное определение партии, что такое «советский народ», в котором присутствуют все признаки нормальной нации: «Советский народ, новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное общенародное государство и общую цель – построение коммунизма… Общим языком… является русский язык» и тут же приведена цитата из Ленина, что он еще в 1914 году предвидел «уничтожение теперешних национальных перегородок» (БСЭ, т. 24, ч. 1, стр.25, М.1976).

Сталин говорил лишь о «социалистических нациях» Советского Союза, что тоже бессмыслица, ибо в истории не было ни рабовладельческих, ни феодальных наций, как нет и капиталистических наций. Брежнев пошел дальше Сталина, провозгласив новую единую нацию, которая исчезнет только вместе с исчезновением советской власти. Не страшна была новая догма, страшными оказались ее последствия. После XXIV съезда последовал ряд решений ЦК КПСС и центральных комитетов компартий союзных республик о расширении программы изучения русского языка в школах за счет резкого уменьшения удельного веса родного языка. Вот тогда впервые появилась идея не только о постепенном переводе всех типов школ на русский язык обучения, но и о создании специальной сети детских садов в национальных республиках для нерусских детей на русском языке. В ход пустили и демагогию: «великий русский язык – это язык великого Ленина»! Кто же из националов посмеет не учить язык великого Ленина? Хотя конечной целью языковой политики Кремля на всех этапах оставалось превращение русского языка в общий язык для всех нерусских народов, все же такой известный «языковед» как Сталин (вспомните его работу «Марксизм и

языкознание», написанную в 1951 г.) решил, что путь к этому лежит через национальную консолидацию, то есть через слияние родственных наций и народностей в отдельные «зональные нации» со своими «зональными языками». Ведь бывшая Российская, а ныне Советская империя была и осталась современным Вавилоном наций, народностей и языков. Перепись населения 1926 г. учла 194 национальности со своим собственным языком, некоторые из них, конечно, были диалектами какого-нибудь основного языка, хотя каждая из народностей настаивала на самостоятельности своего языка. По лингвистическим признакам языки народов Советского Союза ученые делят на следующие группы:

Славянская группа (русские, украинцы, белорусы плюс национальные подгруппы из западных славян).

Тюркская группа (узбеки, казахи, азербайджанцы, туркмены, киргизы, татары, чуваши, башкиры, якуты, каракалпаки, тувинцы, карачаевцы, балкарцы, хакасы, алтайцы, гагаузы, кумыки, ногайцы, уйгуры, шорцы, крымчаки и другие).

3. Угро-финская группа (эстонцы, мордва, удмурты, марийцы, коми, карелы, финны, фанты, вепсы, манси, венгры).

Летто-литовская группа (литовцы, латыши).

Армянская группа.

Картвельская группа (в основном грузины).

Романская группа (в основном молдаване).

Евреи (включая горских, грузинских, среднеазиатских евреев, а также крымчаков по вере).

Иранская группа (таджики, осетины, курды).

Чечено-дагестанская группа (чеченцы, ингуши, бацбитцы, аварцы, лезгины, даргинцы, лакцы идругие).

Германская группа (немцы).

12. Абхазо-адыгейская группа (абхазцы, адыгейцы, кабардинцы, черкесы, абазинцы).

Языковая политика Кремля в отношении каждой из названных групп первоначально ориентировалась на завершение внутри – группой «языковой консолидации» и создание для некоторых групп общего литературного языка на основе диалекта ведущего народа. В этой связи, комментируя языковую политику партии, журнал «Вопросы философии» писал еще при Хрущеве: «В условиях социализма могут происходить частичные процессы добровольного слияния небольших этнических и экстерриториальных национальных групп, вкрапленных в крупные социалистические нации, с этими национальностями… Особенно важным в этом процессе является усвоение сливающимися этнографическими и экстерриториальными национальными группами языка крупной передовой социалистической нации, среди которых эти группы живут» («Вопросы философии», № 9, 1961). Автор даже подчеркивал, что «языковая консолидация» не есть естественный процесс. Вот что писал тот же журнал, комментируя новую Программу партии: «Сближение и расцвет наций… протекает не стихийно, а планомерно… В нашем многонациональном государстве это осуществляется в процессе единого государственного планирования» (там же). Известный советский статистик П. Подъячих в своей книге «Население СССР» (1961, стр. 111–112) приводил данные, которые должны были доказать, что, во-первых, происходит специальная внутригрупповая ассимиляция в форме «узбекизации», «таджикизации», «грузинизации», «аваризации» – когда малые народности среди названных народов просто причисляются к основному народу, во-вторых, происходит и другой, параллельный, процесс межгрупповой ассимиляции в форме «интернационализации». Это означает в данном случае как «языковую консолидацию» внутри славянской группы на основе языка «ведущей социалистической нации», т, е. русификацию украинцев и белорусов, так и переход к интернационализации неславянских народов. На это указывает и цитированный выше автор, не называя процесс своим именем – русификацией, когда кончает свой анализ следующим выводом: «Материалы переписи показывают, что параллельно консолидации происходит *ассимиляция»* (Подьячих, там же). В результате такой манипуляции со статистикой в

«Переписи населения СССР» 1959 г. было названо только 108 наций и народностей, но уже в статистике 1979 г. их оказалось 119.

Руководство Брежнева отошло от политики окольной русификации через промежуточный этап «зональных языков» и «зональной ассимиляции». Оно предпочло прямой путь «интернационализации» всех языков на основе языка державной нации – языка Ленина. Но и тут началась новая манипуляция – да еще с «приписками» по двум вопросам в бланках переписи – в отношении «родного языка» и «второго языка» опрашиваемого. «Приписки» здесь явно очевидны, особенно среди «младших славянских братьев» – украинцев и белорусов. Если за 300 с лишним лет пребывания Украины в составе царской и советской России признали русский язык родным лишь 12 %, то только за 20 лет – с 1959 по 1979 год – это число у украинцев поднялось на пять процентов, а у белорусов даже на десять процентов (с 15 до 25 процентов). Но тут совершить «приписку» не большая проблема, все-таки все три нации легко понимают язык друг друга, а вот в Средней Азии и на Кавказе за тот же период произошел лингвистический «взрыв» в отношении признания русского языка своим «вторым языком», хотя число признавших его «родным языком» колеблется вокруг нуля. Свидетели переписи рассказывают, что «вторым языком» признавали русский у всех тех националов, кто мог отвечать по-русски на пару несложных вопросов, а также у национальных детей в школах и детсадах с обучением на русском языке. Только странно, что в русской художественной литературе ее герои из националов, окончившие даже русские средние и высшие школы, разговаривают на исковерканном русском языке, не говоря уже о неистребимом акценте кавказцев. Советские авторы вспоминают теперь задним числом и грузинский акцент самого «отца народов». Не без ехидства шушукаются о том же акценте у Шеварднадзе, но тут какой-то остряк заметил: Шеварднадзе назначили не диктором московского радио, а министром иностранных дел. Сойдет.

Пропаганда и навязывание русского языка нерусским народам сопровождается намеренным унижением национальных языков, как «бесписьменных, «младописьменных» (Туркестан) или «бесперспективных» языков (Украина, Белоруссия). Что у кремлевских великодержавников только на уме, то у их низовых функционеров на языке, когда они проводят политику «интернационализации» на практике. Бесчисленны примеры намеренного и грубого оскорбления национального чувства даже у такого большого и древнего народа как украинский. Вот только пара примеров из вполне марксистско-ленинской книги Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация?». На одном из украинских предприятий состоялся литературный вечер на украинском языке. Русский председатель фабзавкома прервал чтение стихов криком: «Переводите ваше выступление на человеческий язык, мы не понимаем язык Бандеры». Другой пример. В деле известного украинского писателя и диссидента Василия Стуса, погибшего в лагере, лежало показание свидетеля: «Василий Стус – явный националист, ибо упорно разговаривает только на украинском языке». Книга эта была составлена с ведома или даже при поддержке ЦК партии Украины. Дзюба сел за нее в тюрьму, а члена Политбюро и первого секретаря ЦК Украины Шелеста сняли за «национализм». Да, заметят мне, все это происходило в эру Брежнева – в эру коррупции, «застоя» и «негативных явлений». Теперь мы живем в эру «революционной перестройки» во всех сферах, в эру «гласности и демократизации», в эру «нового мышления» и «новой психологии». Но вот беда – ни «перестройка», ни «новое мышление» не затронули область национальных отношений. Только с новой перестройкой перестроились и великодержавники и их местные вассалы и функционеры. Как долго такая ситуация продлится, неизвестно, однако новые примеры утонченной великодержавности не могут не тревожить, тем более, что великодержавникам предоставляет трибуну орган самого ЦК «Правда». Пара примеров и на этот счет. Член-корреспондент Академии Наук СССР О. Трубачев очень недоволен тем, что украинцы и белорусы претендуют на приоритет как в образовании древнеславянского государства «Киевская Русь», так и начальной славянской письменности. Он пишет в «Правде» от 28 марта 1987 г.: «Доходит до того, что сейчас в научной литературе, да и у широкой общественности набрало силу мнение, что якобы

неудобно называть нашу начальную письменность и ее язык русскими, поскольку это общее наследие языка и культуры не одних русских, но и украинцев и белорусов. Вот пример, когда из верной посылки делаются неверные выводы. Ведь Русь X–XI веков никак себя иначе не называла, а только Русью… Ясно одно: живущая с древности традиция названий "Русь", "русский", "Русская земля" не должна легковесно отменяться или заменяться»… В авторе сказывается не объективный историк, а заносчивый полемист с нескрываемым душком шовиниста. Этим собственно объясняется, что автор в своих длинных рассуждениях на данную тему тщательно избегает употреблять общепринятое как в русской, так и западной исторической науке понятие: «Киевская Русь». Страшно недоволен автор и тем, что народы союзных республик не проявляют никакого энтузиазма в деле овладения русским языком. Он пишет: «Из союзных республик, особенно из Средней Азии, поступают *сигналы* (какой академический язык! – А.А.) об ухудшении владения русским языком». В связи с этим он приводит «возмутительный» пример. Оказывается, был случай, когда национальный научный работник приезжал в Москву на заседание Всесоюзной аттестационной комиссии со своим переводчиком. Автор говорит: «Советский ученый, не знающий русского языка, – это нельзя назвать нормальным явлением». И тут же спрашивает: «Можно ли об этом говорить как о русификации?». И сам же новыми примерами подтверждает, что можно и нужно говорить именно о русификации. Автор утверждает, что как раз наука XX века сделала открытие: в группе контактирующих языков один культурно наиболее влиятельный язык играет ведущую и организующую роль. В СССР эту роль выполняет русский язык. Приводит, на этот счет действительно веский аргумент: нельзя сравнивать чукотский язык с русским языком. Этот дешевый аргумент автора уводит нас в сторону. Каждый язык – явление великое и неповторимое; как велик и неповторим и каждый народ, в том числе и чукотский. В своем выступлении в «Литературной газете» от 24 ноября 1986 г. латышский поэт Берзиньш привел на этот счет интересную цитату из стихов Петра Вяземского: «Язык есть исповедь народа: в нем слышится его природа, его душа и быт родной», добавив тут же изречение и анонимного мудреца: «Каждый народ говорит с Богом самостоятельно». Было бы глупо отрицать пользу от изучения русского языка нерусскими народами. Его надо изучать не потому, что он язык Ленина, а потому, что он язык Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Тургенева, Достоевского и Толстого, Чехова и Бунина. Его только нельзя изучать вместо родного языка, а наряду с другими языками – английским, французским, немецким, испанским, арабским и с любым другим языком, но только по добровольному выбору. Единственный язык, который нельзя изучать добровольно – это родной язык!

Если Хрущев объявил изучение родного языка делом добровольным, то Брежнев сделал еще один шаг вперед в политике русификации – он объявил русский язык не только межгосударственным языком для национальных республик, но и государственным языком для самих республик и их жителей, хотя формально и нет, по крайней мере, опубликованных, юридических актов на этот счет. Третий его шаг был не менее антинациональным: именно брежневское руководство заставило советских историков, как мы уже отмечали, заново переписать всю историю нерусских народов, положив в ее основу новую историческую концепцию. Новая историческая концепция была не только антинаучной, но и кричаще антиисторической. Сверху были заданы три принципа, которые легли в основу этой новой концепции:

первый принцип – все нерусские народы присоединились к царской империи якобы сами, добровольно;

второй принцип – все национально-освободительные движения, противодействовавшие этому, были реакционными движениями;

третий принцип – включение этих народов в состав старой царской империи было исторически прогрессивным актом для них.

Изучая период Брежнева, я сделал еще одно поразительное открытие: в Большой Советской Энциклопедии (третье издание) нет термина «русификация»! Русификация есть, а слова такого нет. И это понятно, по толкованию Ожегова русификация означает: «делать

русским по языку, обычаям»! В своем докладе к 60-летию образования СССР Андропов центральным пунктом своей национальной программы сделал старый утопический тезис большевизма о слиянии всех наций в одну нацию, тезис, от которого потом молчаливо отказался сам Ленин, когда возглавил многонациональную Россию. Однако после его смерти Сталин и его наследники вернулись к этому «первобытному ленинизму». Поэтому стоит еще раз остановиться на этом вопросе.

III. Стратегия языковой денационализации

Путь к окончательной победе коммунизма в национальном и мировом масштабе лежит, по Ленину, как это мы видели, через ассимиляцию малых народов большими народами, что он называет слиянием всех народов мира в одну коммунистическую нацию с одним или двумя языками.

Правда, Ленин был против насильственного или искусственного навязывания русского языка нерусским народам России, но он считал, что, когда в России победит коммунизм, то все национальные языки обречены на исчезновение, сохранится только русский, который и станет языком всех народов России. Сравнивая несравнимые исторические процессы – образование американской нации из разных этнических групп и даже разных рас с единым английским языком, Ленин думал, что таким же «американским путем» пойдет и образование единой коммунистической нации народов России с единым русским языком.

Ленин писал: «Всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций… которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм» (Ленин, О национальном и национально-колониальном вопросе, стр. 123, М., 1956).

Хорошо известно из истории, с каким неистовством Ленин боролся с еврейским социалистическим Бундом, который выступал за «культурно-национальную автономию» евреев в Российской Империи и против их ассимиляции в русском народе. Ленин писал, что Америка «походит на мельницу, перемалывающую национальные различия», а весь этот процесс называет «прогрессивным перемалыванием наций в Америке» (там же, стр. 124, 126), что он считал аргументом в пользу еще более быстрого «перемалывания» нерусских народов вместе с русским в будущей коммунистической России.

Ленин упускал из виду одну «мелочь»: американская нация образовалась из разных этнических групп, добровольно эмигрировавших в Америку, чтобы стать американцами. Российская империя образовалась в основном из насильственно завоеванных народов, которые не хотели, как не хотят и сейчас, стать русскими. Эту «мелочь» первым заметил сам Ленин, когда он захватил власть над многонациональной империей. Не только заметил, но и сделал отсюда и трезвые выводы: ассимиляция нерусских народов, как и вся теория слияния наций – утопия, что же касается судьбы его новой советской империи, то ее стабильность, несмотря на действие центробежных сил нерусских национальностей, может быть достигнута только на путях создания федерации и юридически и фактически равноправных и суверенных национальных республик. Таким ему рисовался СССР как федерация.

Наследники Ленина, сохраняя ленинскую ширму, решили вернуться к дореволюционному Ленину и стать на новый, «советский», путь «перемалывания народов», чтобы создать одну общую коммунистическую нацию с одним общим языком. Для этой цели была разработана новая «национальная» стратегия, в которой четыре компонента играли решающую роль: во-первых, вместо федерации, не меняя ее формы, провести во всех сферах государственной жизни иерархический принцип абсолютистского централизма, превращающий союзные республики в чисто административно-географические понятия; во-вторых, отказаться от прежней концепции национальной экономики республик, допуская в этих республиках только такие «стройки коммунизма», которые составляют интегральную часть общесоюзной экономики, и называя это «разделением труда» между союзными республиками; в-третьих, проводить в союзных республиках такую социальную политику,

которая способствует максимальной, не только классовой, но и национальной нивелировке, для чего практиковать массовую миграцию славянского населения в прибалтийские, кавказские и восточноазиатские районы; в-четвертых, держать курс на перевод всех партийных, государственных, хозяйственных, научных учреждений и школ на русский язык, ограничив действие местных языков только сферой пропаганды, художественной литературы и искусства.

Отцом этой стратегии был сам Сталин. Эту национальную стратегию последовательно и методически проводят и наследники Сталина.

В отношении первых двух компонентов «национальная стратегия» Сталина имела полный успех по одной общеизвестной причине: Сталин начисто уничтожил местные национальные кадры, которые считал потенциальными врагами новой стратегии, и выдвигал на их место нерассуждающих карьеристов. Что же касается последних двух компонентов национального лица и национальных языков – то тут дело оказалось сложнее, чем себе его представлял Сталин и сменяющиеся лидеры партии. Уже из определения, которое дал Сталин нации, видно, почему партия потерпела и продолжает терпеть здесь поражение.

По Сталину, «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры» (Сталин, Национальный вопрос и ленинизм).

Как раз из этого, далеко не полного, определения нации видно, что если территория есть величина данная, то все другие признаки нации сложились тысячелетиями, а потому не только «устойчивы», но и неистребимы какими-либо декретами. Некоторые из этих признаков, например, языки, продолжают служить человечеству даже после исчезновения народов, говоривших на этих языках, если сохранились их письменные памятники (я имею в виду так называемые «мертвые языки», один из которых – латинский – служил языком дипломатов и ученых в средние века, да еще основой образования романских языков). Все главные языки нерусских народов Российской Империи являлись письменными языками, некоторые еще за несколько веков до возникновения самой этой империи. Письменные памятники древнейших народов на нынешней территории Советского Союза – армян и грузин – относятся уже к началу V века нового летоисчисления. Мусульманские народы России, которых советская пропаганда называла «бесписьменными», чтобы подчеркнуть, что письменность им принесла советская власть, уже с VII–VIII веков пользовались письменностью на основе арабской графики. Даже книгопечатание у некоторых нерусских народов Кавказа и Балтики появилось за полвека до знаменитого русского первопечатника Ивана Федорова, организовавшего свою типографию в 1573 году во Львове на Украине. Книгопечатание в Армении появилось в первой половине XVI века, в Грузии – в начале XVII века, в Азербайджане значительно позднее – в начале XIX века, в Литве, Латвии и Эстонии в первой половине XVIII века (организатором первой типографии здесь был белорусский просветитель Франциск Скорина в 1723–25 годах).

Все это говорится не для умаления культуры русского народа, а чтобы подчеркнуть трудность проблемы, которую большевики хотят решить декретами чиновников. Проблема эта гласит: чтобы создать общую коммунистическую нацию, надо создать главный и ведущий принцип нации и национальной культуры – один общий для всех язык. Таким языком в условиях России мог быть только русский язык. Эту проблему тоже поставил сам Сталин еще в конце 20-х годов в статье «Национальный вопрос и ленинизм», заявив, что на первом этапе развития советской культуры преобладал приоритет расцвета национальных языков, а вот на втором этапе, по словам Сталина, сами нерусские нации почувствуют необходимость иметь, наряду со своим национальным языком, «один общий, межнациональный язык», то есть нерусские народы сами объявят русский язык сначала вторым, а потом и первым родным языком. Практическая языковая политика Кремля отныне переключается на осуществление сталинской идеи создания одного общего языка для всех

национальных республик. Значительный вклад в теорию Сталина внес здесь, как мы видели, его наследник и разоблачитель Хрущев, объявив, что изучение родного языка и обучение детей в школах на родном языке – дело добровольное.

Однако, русские генсеки ЦК были достаточно тактичными, чтобы перепоручить эту великодержавную миссию своим национальным вассалам на местах – тамошним первым секретарям. В Москве руководство по проведению в жизнь этой новой программы русификации было возложено на члена президиума ЦК и секретаря ЦК узбека Мухитдинова. На XXI съезде КПСС Хрущев вложил в его уста требование партии, что «овладению в совершенстве местным и русским языком нужно уделить самое серьезное внимание» («Правда», 31. 1. 1959 г.). «Местный язык» пристегнули сюда для соблюдения «интернациональной» проформы. На деле речь шла о радикальном пересмотре старых языковых программ, согласно которым обучение во всех школах происходило на родном языке, а русский язык был только обязательным предметом. Теперь начали переводить все типы школ на русский язык обучения, сохранив родной язык только как предмет добровольного изучения.

Вот как обосновывал орган ЦК КПСС журнал «Вопросы истории КПСС» новый языковый курс партии: «Все большее число родителей нерусской национальности совершенно добровольно отдают детей в русские школы или ставят вопрос о переводе обучения в национальных школах на русский язык… Опыт показывает, что обучение нерусских детей на русском языке с младшего возраста значительно облегчает им изучение основ наук» («Вопросы истории КПСС», № 4, 1959).

Эту установку Хрущева и XXI съезда последовательно и интенсивно проводил в жизнь Брежнев. Плоды этой языковой политики сказались очень скоро. Если, например, в 1955 году, по данным профессора Е. Н. Медынского, на Украине «начальное и среднее обучение проводится на родном языке учащихся» («Просвещение в СССР», М., 1955), то сегодня картина резко изменилась, до того резко, что по данным заведующего Киевского гороно Тимчука, из более чем трехсот тысяч киевских школьников на украинском языке обучаются только 70 тысяч («Литературна Украина», 9 апреля 1987). И эти 70 тысяч, вероятно, относятся к создаваемым ныне для «показухи» параллельным классам с обучением на украинском языке.

Вне всякого сомнения, родители добровольно отдают своих детей не в национальные школы, а в школы на русском языке, по одной, всем известной, причине: только для тех детей открыта возможность успешной жизненной карьеры, кто кончил русскую школу. Для такой карьеры необязательно знать родной язык даже в собственной республике. Таким образом, добровольность выбора языка обучения – русского или родного – на деле выявляется как замаскированная форма русификации. Ведь если союзные республики суверенны и их национальная культура не пустая формула, то обучение детей на родном языке должно быть не добровольным, а обязательным. Это касается и высших школ, дипломы которых должны быть признаны на всей территории СССР. Вот тогда приверженцев добровольной русификации будет меньше.

Еще хуже обстоит дело в другой советской, тоже славянской республике – в Белоруссии. Об этом рассказал большой белорусский писатель Нил Гилевич на пленуме правления Союза советских писателей в апреле 1987 года. Вот краткая выдержка из его выступления: «Ни в столице Белоруссии Минске, ни в одном из областных центров, ни в городе и даже городском поселке республики практически нет ни одной белорусской школы. Есть английские, французские, испанские – а белорусских нет» («Литературная газета», 8. 5. 87). Гилевич добавил: «Без языка нет и литературы… Мы глубоко озабочены сложившейся в Белоруссии языковой ситуацией. Но разве наша забота – это только наша забота?» На том же пленуме известный украинский писатель Борис Олейник процитировал Ленина, требовавшего «всячески противодействовать попыткам оттеснить украинский язык на второй план», с таким комментарием: «В некоторых наших областных центрах количество украинских школ приближается к нулевой отметке» (там же).

Выступления Гилевича и Олейника поддержали и другие участники пленума, в том числе и русские писатели Сергей Залыгин, Юрий Суровцев, Виктор Розов, Сергей Михалков, Юрий Бондарев, Станислав Куняев. Руководитель писательской организации Украины Юрий Мушкетик сообщил: «Школьный устав, старый и новый, который ныне обсуждается в стране и ляжет в основу закона о школе, одним из своих пунктов разрешает родителям выбирать на территории республики для своих детей школу с языком преподавания». Мушкетик добавил, что это «на практике привело к тому, что, скажем, в моем родном Чернигове, где во время моей юности большинство школ были украинские, как и во многих других городах, не осталось ни одной школы на украинском языке».

Станислав Куняев привел любопытный пример, когда любовь националов к своему родному языку объявляется в советской печати «национальным эгоизмом». Вот этот пример: «Недавно напечатал один казахский поэт в своей местной прессе: "Гордиться родным языком, заботиться о его чистоте, способствовать его развитию – одна из главных обязанностей каждого казаха… Сила народа – сила языка. Мы должны превратить родной язык в один из самых… грамотных и богатых языков"». Куняев добавляет: «Наверное, каждый из нас, думая о своем родном языке, скажет в душе то же самое. Но как комментируется (в центральной печати) этот естественный призыв: "В словах за заботой о развитии родного языка… *проглядывается национальный эгоизм* ", – писала центральная газета.

"Я думаю, – продолжает Куняев, – что любой нормальный казах возмутится, прочитав это в газете, и я возмутился бы на его месте и подумал бы: вот она, *русификация* ". Куняев добавляет: «К счастью, настоящие русские интеллигенты не несут за такую русификацию никакой ответственности». Писатель Куняев дипломатически умолчал, откуда он взял цитату казаха о родном языке и кому принадлежит комментарий к ней. Это будет понятно, если мы скажем: Куняев взял все это из статьи «Цена самолюбования», в «Правде» от 11.2. 1987 года.

Но сам факт, что в данной связи русский писатель осмеливается критиковать великорусский шовинизм самой «Правды», весьма симптоматичен.

Исключительно важным явилось выступление председателя Союза писателей РСФСР Сергея Михалкова. Он сказал: «Если мы хотим сохранить национальные литературы, мы должны срочно принять самые решительные меры по изучению в школах двух языков: русского и родного. *Первым языком должен быть свой, родной, а вторым русский.* В Башкирской и Марийской АССР растет поколение, не знающее своего родного языка. Как может развиваться в этих республиках национальная культура?»

Действительно, во всех программах партия проповедует расцвет наций и национальных культур, а на деле проводит планомерную и систематическую денационализацию. Объявляя русский язык государственным языком нерусских советских союзных республик, также ссылаются на Ленина и на ленинскую национальную политику. Между тем в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» Ленин четко и безапелляционно утверждал: «Русские марксисты говорят, что необходимо – *отсутствие* (подчеркнуто Лениным. – А. А.) обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций» (Ленин, О национально-колониальном вопросе, стр. 148). Вся языковая политика Кремля в последние 50 лет является кричащим опровержением этих установок Ленина.

IV. Колонизация и русификация как рычаги денационализации

Цари посылали на завоеванные ими национальные окраины не колонистов, а армию и бюрократию. Поэтому русское население составляло там еще в 1926 году только 5 %. Большевики, помимо армии и бюрократии, взяли курс еще на массовое заселение национальных республик представителями некоренных национальностей, преимущественно русско-украинским населением. Проводится этот курс колонизации под лозунгом

«постоянного обмена кадрами между нациями», как это записано в третьей «Программе КПСС» Хрущева. Эту программную установку наиболее интенсивно проводил Брежнев в течение 18 лет. Ее подтвердило ныне руководство Горбачева-Лигачева на своем XXVII съезде КПСС. Результаты такой преемственной политики генсеков сказались и на деле: сейчас в национальных республиках некоренное население составляет более 20 %, а в некоторых даже большинство. Советский философский журнал еще при Хрущеве оценил факт денационализации национальных республик, как положительное явление. Вот что писал журнал «Вопросы философии»: «В ходе социалистического строительства, в особенно отсталых до революции… республиках, ясно проявляется тенденция к уменьшению удельного веса коренных национальностей… В то же время удельный вес представителей других народов в населении национальных республик и областей неуклонно увеличивался» (№ 6, 1963, стр. 6). Такой вывод журнал сделал из переписи населения 1959 г., согласно которой в двух союзных республиках, а именно в Казахстане и Киргизии, коренное население составило соответственно 30 и 40 процентов, а в семи национальных союзных республиках некоренное население, главным образом славянское, составило от 33 до 47 процентов. Еще интенсивнее шел этот процесс в автономных республиках и областях. В семи автономных республиках русское население составляло тогда 39 %, а в десяти автономных республиках и областях еще больше – 65 %. Массовое, в порядке «оргнабора рабочей силы», заселение национальных окраин русским населением Кремль и называет «интернационализацией». Цитированный журнал писал: «Ныне не только республики, но и города и районы, тысячи и тысячи коллективов предприятий, строек, колхозов и совхозов и даже отдельных бригад стали подлинно интернациональными» (там же).

В чем же стратегический смысл этого «подлинно интернационализма»? Политическая цель – постоянная денационализация республик, военная цель – создание имперских баз со славянским населением в важнейших районах национальных республик, чтобы опереться на них в случае национальных восстаний.

Однако в своей стратегии «интернационализации» Кремль не учел двух факторов: во-первых, растущая нехватка рабочей силы в самой России, связанная с последствиями войны (большие людские потери, замедление прироста русского населения), во-вторых, фактор совсем непредвиденный и с точки зрения марксизма даже иррациональный, ибо по марксизму одинаковые социальные условия имеют одинаковые последствия, – этот фактор – феноменальный демографический взрыв в советских мусульманских республиках, куда было направлено острие «интернационализации». И это в то время, когда в славянских республиках прирост народонаселения имел тенденцию к спаду. Вот официальные данные прироста населения в мусульманских республиках. В 1959 году мусульманское население составляло 24 миллиона человек, в 1970 году – 35 миллионов, а в 1979 г. оно поднялось до 43 миллионов, то есть за 20 лет мусульманское население увеличилось на двадцать миллионов человек, тогда как за тот же промежуток времени удельный вес русских в составе населения СССР начал падать. Удельный вес русских в СССР в 1959 году составлял почти 55 %, а сегодня он колеблется вокруг 50 %, а по некоторым оценочным данным он опустился даже ниже пятидесяти процентов. Все это затрудняет «интернационализацию» на основе «обмена кадрами» но, видимо, не останавливает ее. На XXVII съезде партии Лигачев сообщил, в чем будет заключаться сущность национальной политики горбачевского руководства. Он сказал, что при прежних местных руководителях в национальных республиках «брали верх местнические, земляческие настроения. Они мешали выдвижению к руководству представителей всех национальностей, мешали межрегиональному обмену кадрами, обмену опытными работниками между республиками и центром»… («Правда», 28. 2. 86). Если перевести эти тираду на понятный политический язык, то Лигачев под словами «местничество» и «землячество» имеет в виду старания национальных кадров защищать перед Москвой интересы национальных республик, что же касается того, что националы «мешают обмену опытными кадрами между республиками и центром», то тут все ясно: центр хочет «интернационализировать» национальные республики сверху «опытными

кадрами», как это потом случилось в Казахстане, а в ряде обкомов других республик, где раньше во главе сидели националы, теперь поставлены «интернационалисты»-славяне. Какие же «кадры» эти республики должны дать России в обмен? Рабочих, которые категорически не хотят покидать свои республики. Конечно, нашлись бы коммунисты и среди среднеазиатских народов, которые согласились бы уехать, чтобы занять командные должности где-нибудь в России, но вот вопрос: согласится ли сам «интернационалист» Лигачев назначить первыми секретарями русских обкомов узбека, киргиза, таджика, туркмена, казаха? Таких случаев в истории советской «интернациональной» власти никогда не было и не будет. Поэтому разговор об «обмене кадрами» ничто иное, как лицемерие, призванное прикрывать нечистую «интернациональную» совесть чистейших русификаторов.

Мы уже говорили, что стратегическая цель миграции – это денационализация наций, в конце которой коренное население республик составит национальное меньшинство в собственных республиках. Отсюда ясно, что пришлое население, став большинством в республике, будет претендовать на занятие всех руководящих постов, да и само существование национальных республик с русским большинством станет анахронизмом.

Русский язык – язык этого большинства – заменит во всех сферах жизни местные языки. Что именно такова языковая цель миграции сообщил тот же журнал «Вопросы философии»: «Растущая подвижность населения… способствует постепенному языковому сближению наций и народностей как по линии взаимовлияния и взаимообогащения национальных языков, так и по линии превращения одного из них *– русского – в общий язык всех социалистических наций»* (№ 6, 1963, стр. 11).

«Взаимообогащение» сводится к массовому засорению национальных языков русскими словами, что же касается превращения русского языка в «общий язык всех», то это остается утопической целью Кремля.

По переписи населения 1979 года русский язык своим родным языком назвали в Средней Азии меньше одного процента населения, в Казахстане два процента, в балтийских странах около трех процентов, в Азербайджане и Грузии менее двух процентов. Даже в славянских республиках с родственными языками – на Украине и в Белоруссии, где число школ на национальном языке приближается к нулю, русский язык признан родным языком соответственно 17 и 25 процентами. При таких скромных успехах задача по превращению русского языка в общий для всех язык потребует тысячи лет. Вероятно, к этому выводу пришли и идеологи Кремля, когда придумали новый метод русификации, который обещает выполнение данной цели в одно-два поколения. Это воспитание нерусских детей в детских садах на русском языке. Первый опыт по этой части был проведен в некоторых автономных республиках (Марийская АССР, Башкирская АССР), опыт, который, судя по выступлению писателя Михалкова, вполне себя оправдал. Вполне законная гордость русского человека за свой великий язык у русского великодержавника переходит в болезненное чванство, граничащее с манией национального превосходства над всем человечеством. Отсюда его желание навязать русский язык не только нерусским народностям СССР, но и народам всего мира в будущем коммунистическом человечестве. Вот рассуждение одного советского философа: «Возможно, что после победы социализма в большинстве стран или во всем мире один из существующих национальных языков, выполняющих уже ныне функцию средства межнационального общения, будет совершенно добровольно принят всеми социалистическими нациями в качестве основы будущего единого мирового языка». Чтобы читатель понял, о каком языке речь идет, советский философ решил выражаться более конкретно: «Русский язык… создает новую языковую общность… Это можно рассматривать уже как предвосхищение некоторых путей и форм будущего слияния наций в едином коммунистическом человечестве» («Вопросы философии», № 9, 1961, стр. 36). Здесь партийный идеолог пошел против Ленина, который, как мы видели, считал, что при коммунизме всемирным языком будет английский язык, правда, добавляя: «… а, может быть, плюс русский».

Предложив националам величать себя «старшим братом» (Рашидов: «У узбеков, как и

всех наших народов, есть старший брат – великий русский народ» – из его речи на XXV съезде КПСС в 1976 г.), русский бюрократ, тот самый, которого Ленин назвал великорусским держимордой, ведет себя в национальных республиках как деспотический опекун над малолетними детьми. «Старший брат» их поучает, понукает, наказывает, но никогда не считает их равными себе, что вполне естественно для «старшего брата» в его отношениях с младшими братьями, когда они еще малолетки. Но беда «старшего брата» в том и заключается, что «младшие братья» по законам природы со временем взрослеют и начинают выходить из повиновения «старшему», превратившемуся в дряхлого деспота. Я думаю, что мы живем во время, когда национальные отношения в Советском Союзе начинают развиваться в этом направлении. Подспудные национальные силы впервые открыто заговорили о себе как раз в начале эры Горбачева с ее официальными лозунгами «гласности» и «демократизации». Сигнал на этот счет был дан ими на последних съездах советских писателей национальных республик, а потом повторен на восьмом съезде писателей в Москве в июне 1986 г.

Украинский писатель Борис Олейник, дипломатически возложив ответственность за русификацию не на Москву, а на местные власти, заявил на съезде писателей в Москве: «Затрагивались на недавно прошедшем съезде писателей Украины вопросы языка. И это естественно, ибо проблема развития родного языка всегда тревожила и будет тревожить писателя… Проблемы родного языка в школе, театре и детских садах – это уже вопросы национальной политики, и нарушение ее ленинских принципов ранит остро». Дальше Олейник оказывается не в ладу с фактами, когда уверенно утверждает: «Главная опасность здесь вот в чем: враги прекрасно знают, что Москва, русские, как правило, ни сном ни духом не ведают о том, что где-то уменьшилось, скажем, число школ с преподаванием на родном языке. Но им выгодно списать на Москву перекосы, сделанные преимущественно местными, родными, доморощенными ревнителями нашей политической девственности, унаследовавшими лакейскую психологию от тех, кто за исковерканный русский получал от царя наделы своей же родной земли». Что верно, то верно – от царей получали наделы, а от генсеков – номенклатурные должности, дачи, спецраспределители, ордена, даже «героев труда» за чисто лакейскую службу. Однако писатель Олейник впервые перед Всесоюзным форумом поставил во всем объеме проблему всех проблем: быть или не быть родному языку? Его поддержали почти все национальные писатели. Латышский писатель Янис Петере произнес речь – подлинную апологию родного языка. Он осмелился даже задеть тему, которая до сих пор была табу, когда сказал: «В Латвии существует напряженная демографическая ситуация с угрожающей тенденцией уменьшения населения коренной национальности» («Литературная газета», 2. 7. 1986). Писатели из Грузии и Армении критиковали те русские произведения литературы и искусства, в которых националы изображаются, если не с великодержавных позиций, то с явным оскорблением их национальной чести. Так писатель Георгий Цицишвили сказал: «Мы с горечью и досадой прочли рассказ писателя Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии», в которой автор, прибегая к непозволительным обобщениям, грубо, бестактно пишет о нравах, обычаях грузинского народа, в превратном свете представляя национальные особенности». Армянский писатель Вардгес Петросян заметил, что русский писатель не имеет права делать какие-либо художественные обобщения о народах, которых он глубоко не изучил. Он добавил: «К сожалению, такие попытки иногда делаются, особенно на киноэкране: если появляется, скажем, представитель Средней Азии и Закавказья, – это, как правило, глубокий провинциал, говорящий с ужасным акцентом, в папахе или в старомодной нелепой кепке, и чаще всего он человек из сферы торговли».

Армянский публицист и новый эмигрант Эдуард Оганесян еще более картинно рассказал, как выглядит тип армянина в иных советских фильмах: «Если в советском кино показывают солдата-армянина, то он, как правило, этакий дурачок, которого вечно поучают и из которого в конце фильма человека делает опытный русский сержант. Если он ученый и приехал в Москву на научную конференцию, то обязательно где-нибудь в гостинице начнет

жарить шашлык и спалит дорогой ковер, а его русские коллеги с умным видом будут учить глупого карапета, что в московских гостиницах шашлыков не жарят. Если он стрелочник, то обязательно не туда повернет стрелку и только находчивый русский коллега спасет поезд от неминуемой катастрофы. Так было всегда, и национальные меньшинства к этому привыкли».

Не такими знали Кавказ и кавказцев классики русской литературы – Пушкин, Лермонтов, Толстой.

V. «Конституция СССР» и национальный вопрос

С тех пор, как существуют конституционные государства, в их конституциях вы не найдете ни одной статьи, которая противоречила бы конституционной практике. Если же случаются нарушения конституции исполнительной властью или даже парламентским большинством, то существует высший конституционный суд, независимый и от правительства и от парламента, который следит за соблюдением конституции и обязывает государственные органы ликвидировать допущенные нарушения. Теперь загляните в Конституцию СССР 1977 г. Это единственная и уникальная Конституция из всех известных в истории, в которой записаны абсолютно *фиктивные права* союзных национальных республик. Вот хотя бы такие права:

«Статья 76. Союзная республика – *суверенное* советское социалистическое государство». Но что значит «суверенное государство» в юридическом смысле этого слова? Возьмем. официальное советское определение из БСЭ третьего издания: «Суверенитет государственный – верховенство и независимость государственной власти, проявляющиеся в соответствующих формах во внутренней и внешнеполитической деятельности государства». Какое же «верховенство» и «независимость» государственной власти осуществляют союзные национальные республики во внутренней и внешней политике? Стоит так поставить вопрос, чтобы увидеть всю абсурдность утверждения Конституции, что союзные республики являются «суверенными государствами». Если по Конституции СССР 1924 г. в некоторых областях союзные республики были условно «суверенны», например, в области народного просвещения или народного здравоохранения, то теперь и эти отрасли государственной жизни отошли к компетенции Москвы, где созданы Министерство просвещения СССР и Министерство здравоохранения СССР, которые не предусматривались Конституцией Ленина 1924 г. или даже Конституцией Сталина 1936 г. Еще абсурднее звучит и другая статья Конституции СССР: «Статья 80. Союзная республика имеет право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций». Какая же конституционная практика по этой статье? Украина и Белоруссия входят в состав ООН и имеют право голосовать на ее заседаниях так, как голосует советский посол, а в других союзных «суверенных» государствах дело обстоит еще проще. В составе тамошних правительств один из их членов называется «министром иностранных дел», но стоило бы ему и его правительству просто поставить вопрос перед Москвой о желании вступить в дипломатические отношения с иностранными государствами, как такое правительство «суверенного» государства немедленно исчезло бы. Есть в Конституции СССР и другая статья, которая не только абсурдна, но и прямо-таки провокационна. Она следующая: «Статья 72. За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». Эта статья механически перекочевала из Конституции СССР 1924 года в Конституцию СССР 1936 года, а оттуда и в брежневскую

Конституцию СССР 1977 года. Сотни тысяч представителей национальных партийных кадров и почти вся старая национальная интеллигенция в союзных республиках были уничтожены в период ежовщины по обвинению в том, что они якобы хотели воспользоваться этой статьей и вывести свои республики из состава СССР. Свежие примеры нашего времени: Лукьяненко на Украине и Айрикян в Армении, ссылаясь на Конституцию СССР о праве каждой союзной республики на выход из СССР, организовали в своих странах

движение за такой выход. Немедленно последовали репрессии: Лукьяненко и Айрикян вместе со своими сторонниками были арестованы и заключены в концлагеря на долгие сроки. Тоже самое происходило и происходит в Эстонии, Латвии и Литве, где до сих пор продолжаются массовые репрессии за сопротивление советскому империализму и его грубо русификаторской политике.

Перейдем к структуре власти в союзных республиках. Тут, как выражался Сталин, «кадры решают все». Какие же кадры в национальных республиках имеют решающее слово – местные национальные или присланные сюда московские кадры? Ответ очень простой и он всем известен: по форме «правительствуют» местные кадры, а по существу правят московские имперские кадры. На практике этот имперский принцип руководства осуществляется так. Во всех союзных республиках, кроме Казахстана, как уже указывалось выше, первые секретари ЦК партий люди коренной национальности, а вторые секретари, которые заведуют кадрами республики, московские посланцы. Во всех отделах ЦК, где шеф – национал, его первый заместитель москвич. В Верховном Совете республики председателем является национал, а его первым заместителем – товарищ из Москвы. Во главе Совета Министров республики стоит национал, а его первый заместитель – из Москвы. Во всех министерствах, где москвич не является сам министром, первый заместитель опять-таки посланец из Москвы. Вот эти вторые секретари партии и первые заместители министров, как доверенные ЦК КПСС, и делают политику и осуществляют власть в союзных национальных республиках.

В национальных республиках есть должности, которые вообще не доверяются националам: начальники гарнизонов, командующие военными округами. В Туркестанских республиках, как правило, не назначают туркестанцев председателями КГБ и командирами пограничных отрядов. Такой же практики придерживаются на Кавказе, в Прибалтийских республиках и Молдавии. Расстреливая Берию, Кремль приписал ему, что он хотел радикально изменить этот порядок в пользу республик.

Еще одно маленькое, но характерное замечание: все заседания и собрания высших органов власти в национальных республиках должны проводиться на русском языке, ибо русские работники, которые работают здесь иногда десятилетиями, не обязаны изучать местный язык, а национальные работники, начиная от председателя сельсовета, обязаны знать русский язык – иначе не получишь соответствующей должности.

Скажем несколько слов и о природе советского «федерализма» и о том насколько Конституция СССР защищает и гарантирует права национальных меньшинств советской империи. Советский Союз считает себя федеративным государством. В Конституции сказано: «Статья 70. СССР – единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных советских социалистических республик». В этой статье что ни фраза, то ложь. Мало-мальски знакомый с историей образования советской империи точно знает, что ни одна из нерусских национальностей добровольно к советской России не присоединялась. Все нерусские народы, как уже отмечалось, через несколько месяцев после захвата власти большевиками в Петрограде торжественно объявили о своем выходе из России и создании своих независимых государств (Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Азербайджан, Армения, Грузия, Северный Кавказ и все тюркские народы на Востоке). Ленин, Троцкий, Сталин на штыках Красной Армии присоединили их обратно к России. Что же касается «федерализма» советского государства, то это тоже чистейшая фикция. В истории еще не было государств, начиная с восточных деспотий и кончая фашистскими государствами в Европе, где централизм, абсолютизм и тоталитаризм достигли бы такой вершины совершенства, как именно в Советском государстве.

Поэтому и национальный вопрос рассматривается в таком государстве как вопрос колониальный, только его не называют этим термином. Мастерство основателей советского типа колониализма в том и заключается, что они сумели сфабриковать бутафорию

федерации, выдавая ее за реальность.

Теперь о гарантиях прав национальных меньшинств. Таких гарантий Конституция СССР совершенно не знает. Обычно, если государство федеративное, то рядом с парламентом, избранным всеобщим голосованием, существует и другой конституционный орган, выбранный от федерированных частей этого государства. Этот орган, например, в Федеративной Республике Германии, где ведь живут одни немцы, а не разные народы, как в СССР, называется Федеральным Советом (Бундесрат) и он строго следит за тем, чтобы парламент (Бундестаг) или правительство не ущемляли интересов и прав федерированных немецких земель. Даже иные, задевающие интересы земель, законы Бундестага не могут вступить в силу, если они не будут одобрены Бундесратом. В советском, с позволения сказать, «парламенте» тоже имеются две палаты: Совет Союза и Совет Национальностей, но между ними разница только терминологическая, хотя для той же бутафории председателем Совета Союза назначают русского, а Совета Национальностей – национала.

Согласно предыдущим советским конституциям, в Совет Национальностей посылали исключительно представителей коренной национальности союзных, автономных республик и областей, чтобы выслушать их специфические национальные нужды и национальные проблемы, теперь же во многих случаях, иногда наполовину коренные национальности в республиках и областях представлены в Совете Национальностей русскими, преимущественно руководящими чиновниками из Москвы. Таковы слова и дела Конституции СССР по национальному вопросу.

Ничто так наглядно и ярко не иллюстрирует неоколониальное лицо советского великодержавного империализма, как его механизм выборов в Верховный Совет СССР. Согласно Конституции СССР (Ст. 108) высшим органом государственной власти в СССР является Верховный Совет СССР, но каждый грамотный советский гражданин знает, что высшим органом государственной власти является не сам государственный орган, а партийный орган – Политбюро, которое даже не указано в Конституции. Согласно той же Конституции правительством СССР является Совет Министров СССР, а на деле правительством СССР является Секретариат ЦК и его отделы, которым прямо подчинены формальные министры СССР. Так что Верховный Совет СССР – это не парламент, не законодатель, как его считает Конституция, а просто-напросто бутафория, лжепарламент, созданный чтобы придать коммунистической диктатуре внешне «конституционно-демократический» фасад и декорум правового государства. Только одна статья в этой Конституции имеет реальную силу и точно соответствует советской действительности. Это статья 6, которая гласит: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

Таким образом, Верховный Совет СССР сам по себе не имеет никакой власти, если не считать властью его обязанность единодушно голосовать за законы и решения, которые ему преподносит Политбюро и Пленум ЦК КПСС. То обстоятельство, что партаппарат оформляет свои решения через Верховный Совет, делает последний хотя и безвластным, но импозантным учреждением. Кроме того, тот кто попал в это учреждение, автоматически становится членом высшей элиты, близкой к владыкам Политбюро, ибо заседает он вместе с ними под одной крышей.

Рассмотрим для иллюстрации практики «федерализма», как и насколько полно представлены в этом Верховном Совете СССР, скажем, азиатские и кавказские народы. В виду важности национального вопроса для стабильности и единства многонациональной советской империи в Конституции СССР 1924 г. впервые была введена статья о том, что тогдашний верховный советский орган между съездами – Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК СССР) – состоит из двух равноправных палат: Союзный Совет и Совет Национальностей. Союзный Совет формировался Всесоюзным съездом Советов из представителей союзных республик пропорционально численности населения, в количестве определяемом съездом. Совет Национальностей образовывался из представителей союзных и

автономных республик в количестве пяти человек и по одному человеку от каждой автономной области. Но что было важно: в Совет Национальностей от каждой союзной и автономной республики и автономной области могли быть избраны только представители данной *коренной национальности*. Эта статья присутствует и в Конституции 1977 г. в следующем изложении: «ст. 109. Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совет Союза и Совет Национальностей… палаты равноправны». В статье 110 сказано: «Совет Союза и Совет Национальностей состоит из равного числа депутатов… Совет Союза избирается по избирательным округам с равной численностью населения. Совет Национальностей избирается по норме 32 депутата от каждой союзной республики, 11 депутатов от каждой автономной республики, 5 депутатов от каждой автономной области и один депутат от каждого автономного округа». Из этого человек, не знакомый с процедурой формирования Совета Национальностей Верховного Совета СССР, может заключить, что здесь дело обстоит точно также, как оно обстояло и в старых советских Конституциях. Иначе говоря, в Совет Национальностей от РСФСР входят русские, от Украины – украинцы, от Узбекистана – узбеки, от Грузии и Армении – грузины и армяне и т. д. Что же касается Совета Союза, то туда входят депутаты пропорционально численности населения каждой союзной республики. Вот как раз в этом важнейшем вопросе конституции в многонациональном государстве советские лидеры сумели противопоставить своей писаной «Конституции» антиконституционную практику виртуозного обмана. Вполне нормально, что в силу того, что русские составляют большинство населения СССР, они посылают большинство депутатов в Верховный Совет СССР плюс еще 32 депутата от РСФСР. Но это не только нарушение собственной Конституции, но и прямое издевательство над малыми народами, когда Кремль, кроме положенных 32 депутатов от РСФСР, посылает не только в Совет Союза, но и в Совет Национальностей большое число русских депутатов от всех нерусских республик и областей, абсолютно непропорциональное численности русского населения там. В связи с последними выборами в Верховный Совет СССР приведу на этот счет наглядные доказательства. Чтобы слишком не распространяться, ограничусь некоторыми типичными примерами из Средней Азии и Кавказа. Возьмем в Средней Азии одну союзную республику – Узбекистан. В Совет Союза там выбрано 39 человек, из них 13 русских. В Совет Национальностей выбрано 32 человека, из них 7 русских, если добавить сюда три русских, избранных в Кара-Калпакии, то получается, что в Верховный Совет посланы от Узбекистана 23 русских депутата, то есть куда больше, чем полагается русскому меньшинству в Узбекистане. Та же картина, если не хуже, и на Кавказе. От Грузинской СССР в Совет Союза избрано 14 депутатов, из них 4 русских, в Совет Национальностей избрано 32 депутата, из них 3 русских, а считая Абхазию и Аджарию, от Грузии в Совет Национальностей избрано десять русских депутатов. Перейдем к автономным республикам и областям Северного Кавказа. От Дагестана в Совет Национальностей избрано И депутатов, из них 4 русских; от Чечено-Ингушетии в Совет Национальностей избрано 11 депутатов, из них 7 русских; от Северной Осетии в Совет Национальностей избрано 11 депутатов, из них 7 русских; от Кабардино-Балкарии в Совет Национальностей избрано 11 депутатов, из них 8 русских. 8 автономных областях Адыгее и Карачаево-Черкесии в Совет Национальностей избраны по пять депутатов, из них, в каждом случае – трое русских. На языке советской пропаганды это называется: все народы СССР равны между собой, но практика показывает, прямо по Оруэллу, что «большой брат» «равнее», чем другие.

В отношении техники голосования на выборах в Верховный Совет меня удивляет чрезмерная скромность советских лидеров. У них всегда получается 99,9 % и никогда 100 %, ибо, если верить Центральной избирательной комиссии, то около 200 000 человек голосовало «против» на последних выборах обеих палат. На последних выборах у Энвера Ходжи в коммунистической Албании против голосовал только один человек. Ныне опальному чекистскому генералу Алиеву, видно, не давали покоя «успехи» Энвера Ходжи. У него в Азербайджане из 3 439 765 избирателей на выборах в Совет Союза голосовали против только 11 человек. Это уже всесоюзный рекорд, а в Нагорно-Карабахской автономной области и

Нахичеванской АССР, входящих в Азербайджан, Алиев побил и мировой рекорд Энвера Ходжи – за «блок коммунистов и беспартийных» там голосовало 100 %! (Все данные из «Правды» 7. 3 1984 г.).

В эру «перестройки» было бы разумно прекратить эту детскую комедию «выборов», актерами и режиссерами которой все-таки являются серьезные люди.

ЧАСТЬ V. ГЛАСНОСТЬ ГОРБАЧЕВА И КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

I. Результаты стратегии языковой денационализации

В брежневскую эпоху «застоя и негативных явлений» национальные республики, наоборот, переживали феномен, имеющий судьбоносное значение в их истории. У них происходило тихое возрождение национального самосознания в тех же темпах и с тем же упорством, с каким в этих республиках свирепствовала великодержавная практика – под фальшивой вывеской «интернационализации». Предупреждения Ленина в его последних записках по национальному вопросу сбылись: чем больше великодержавники будут давить и ущемлять национальные чувства нерусских народов, тем шире, глубже и острее эти последние будут реагировать. По Ленину, в любом многонациональном государстве местный национализм является естественной и неизбежной реакцией на шовинизм державной нации.

Реакция нового руководства Кремля на алма-атинские события правильно фиксирует, что они были подготовлены практикой эпохи Брежнева, но игнорирует подлинную подоплеку самих событий, извращая их великий исторический смысл. Мимоходом сославшись на алма-атинские события, Горбачев сказал на январском Пленуме (1987 г.), что в последние десятилетия «негативные явления и деформации… проявились и в сфере национальных отношений». На самом деле «негативные явления» сводятся к росту национального самосознания, а «деформации» – к намеренной фальсификации не только ленинских указаний в его предсмертной статье «Об автономизации», но и к грубейшему нарушению принципов «Декларации об образовании СССР» от 30 декабря 1922 г. и договора между советскими республиками об их суверенитете, которые являлись основой создания СССР в 1922 г. на 1-ом съезде Советов и его первой конституции 1924 г. Горбачев поставил фальшивый диагноз болезни, оценив рост патриотизма нерусских народов, как «негативные явления и деформацию национальных отношений». Но раз диагноз фальшивый, то и рецепт лечения тоже будет фальшивым, что еще больше усугубит состояние болезни пациента. Имя этого пациента – Советская империя, которая тяжко больна не только социально-экономически, но и, в первую очередь, национально-политически. Сталин на ранней стадии существования Советской империи называл такие явления болезнями роста, и это в каком-то смысле было правильно. Но нынешние болезни Советской империи – это болезни ее упадка, прогрессирующей дряхлости, начало всеобщего кризиса национальных отношений одновременно во всех ее частях. Ведь Кремль и его новые лидеры обманывали самих себя, когда в очередной редакции «Программы КПСС» на XXVII съезде партии категорически заявили: «Национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен». И после того, как за этим «успешным решением» национального вопроса последовал алма-атинский шок, крымско-татарские демонстрации в Москве, многократные и массовые демонстрации в столицах Эстонии, Латвии и Литвы под знаменем восстановления их национальных прав, новые лидеры Кремля вместо трезвого анализа глубинных причин роста национального движения на окраинах, вместо пересмотра великодержавной политики своих предшественников, – продолжают ту же старую политику под тем же фальшивым лозунгом «интернационализации», переименовав ее теперь в политику «двуязычия».

Однако, как мы уже говорили, рост национального самосознания – не локальное и не

спорадическое явление. Национальное самосознание – наиболее ярко проявляющееся в области культуры и в «переоценке ценностей» собственного исторического прошлого, растет во всех стратегически важных окраинах империи – на Украине и в Белоруссии, на Кавказе и в Прибалтике. Причем убежденными глашатаями национального возрождения выступают там не какие-нибудь «буржуазные националисты», а выдающиеся культурные деятели, коммунисты, апеллируя к тому же Ленину, к которому часто начал обращаться и Горбачев для обоснования «радикальных реформ», «гласности», «демократизации». И все они в один голос утверждают то, о чем мы уже говорили: бессмертие нации держится на бессмертии ее языка, добавляя, что их национальные языки обречены на исчезновение, если не будет «радикальных реформ» и в области партийной языковой политики. Известная армянская поэтесса Сильва Капутикян требует восстановить в армянских школах равноправное преподавание армянского языка, армянской литературы и армянской истории наряду с преподаванием русского языка, русской и всеобщей истории. Она привела характерные примеры: 1) для интенсивного изучения русского языка в армянских школах Министерство просвещения СССР предложило разделить каждый класс на группы по 10–12 человек, но, добавляет она, «Министерство не разрешает применить тот же метод изучения армянского языка в русских школах республики, где 90 % учащихся – армяне, хотя многие ученики и свой язык знают плохо»; 2) второй пример касается преподавания национальной истории в национальных школах. Капутикян пишет: «В школах союзных республик мало часов отдано истории своих народов. У нас, например, в пятидесятых годах на это выделялось 102 часа, а сейчас лишь 50». Ее общий вывод весьма печальный: «У нас в Армении год от года сужается сфера армянского языка. Не только в учреждениях союзного значения, но и в сугубо местных армянский язык постепенно уходит из делового обихода… Когда язык остается, главным образом, бытовым, он закостеневает, отстает и утрачивает свою вековую способность включаться в общее движение развития человеческой мысли» («Правда», 7. 5. 1987). Стратегический курс языковой политики Кремля как раз в том и заключается – провести русификацию на основе изгнания из политики, экономики, культуры, науки, учреждений родных языков, которые со временем должны стать чем-то вроде рудиментов. Можно себе легко представить, как такая языковая политика проводится в других республиках, если так обращаются с одним из древнейших, с его двухтысячелетней историей культуры и литературы, народов в мире. Документом исторической важности по национальному вопросу в СССР является письмо от 15 декабря 1986 года группы выдающихся деятелей культуры Белоруссии на имя Горбачева. Его подписали 28 человек – писатели, артисты, композиторы, журналисты, ученые, среди которых есть хорошо известные во всех республиках деятели литературы, искусства, науки, такие, как Василь Быков, Янка Брыль, Рыгор Бородулин, Василь Витка, Вячеслав Адамчик. К письму Горбачеву приложен специальный документ под названием: «Комплекс предложений по коренному улучшению положения родного языка, культуры и патриотического воспитания в БССР». Прежде чем оценить эти два документа по существу, важно заметить, что документы белорусов составлены за два-три дня до алма-атинской демонстрации за национальные права казахского народа (17–18 декабря 1986). Однако события в Казахстане и письмо белорусов Горбачеву находятся в незримой, но глубокой духовной связи между собой. Что хладнокровные европейцы из Минска аргументировано изложили на бумаге, темпераментные казахи из Алма-Аты вынесли на улицу. Документы белорусов точно и без эмоций по существу воспроизводят действительное положение во всех национальных республиках, областях и округах.

Обратимся к самим документам. Главное значение белорусских документов состоит в том, что они ставят кардинальный вопрос национальной политики партии, на который на данном этапе «гласности» Горбачев едва ли может ответить, иначе как общими фразами. Вопрос этот следующий: какова цель национальной политики КПСС – вымирание или сохранение национальных языков, следовательно, вымирание или сохранение нерусских наций? Поскольку одна из конечных целей – это слияние всех советских народов в одну

коммунистическую нацию с одним общим языком, то есть русским языком, то следующее положение названных документов звучит как вызов всей великодержавной доктрине партии: «Язык – пишут авторы, – душа народа, наивысшее проявление его культурной самобытности, основа полноценного духовного существования. Пока живет родной язык, живет, имеет историческую перспективу и народ. С упадком языка чахнет, деградирует культура, народ перестает существовать как национальный исторический организм» («Лісты да Гарбачова. Выд. 2. Лондон, 1987). Авторы сообщают Горбачеву, что начиная с середины пятидесятых годов, то есть после смерти Сталина, в городах Белоруссии происходит «интенсивная ликвидация» школьной сети с белорусским языком обучения.

Многие из ранее существовавших периодических органов печати на белорусском языке теперь издаются только по-русски. Сельские школы в последние два десятилетия фактически превращены в русские школы. Высших учебных заведений и техникумов с белорусским языком обучения вообще не существует. Педагогические институты республики уже несколько десятилетий не готовят учителей белорусского языка. Издание книг растет только на русском языке. Из 15 театров республики только три ставят пьесы на белорусском языке. Кинофильмов на белорусском языке вообще нет. Авторы подводят итоги национальной политики партии в Белоруссии: «Родной язык, – пишут они, – был вытеснен почти из всех сфер жизни общества. Белорусский язык как рабочий язык и язык делопроизводства почти не употребляется ни в партийных, ни в государственных органах и учреждениях… Лиц, которые пользуются родным языком, нередко автоматически зачисляют в «националисты.»

Авторы напоминают генсеку: «Мы переживаем сложный период в истории белорусского народа, когда требуются решительные меры действия по спасению (именно спасению, ибо отдельные меры поверхностно-косметического характера положения не исправят) родного языка, родной культуры, а, следовательно, белорусского народа от духовного вымирания». В заключении авторы сформулировали свои требования к Кремлю в трех пунктах.

Пункт первый: надо «приступить к введению белорусского языка в качестве рабочего в партийные, государственные (прежде всего это касается министерств просвещения, культуры, высшего и среднего специального образования, связи, государственных комитетов по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, по кинематографии, по телевидению и радиовещанию, Академии наук) и советские органы и учреждения республики. Пункт второй: ввести обязательные экзамены по белорусскому языку и литературе для абитуриентов средних школ. Пункт третий: ввести обязательные экзамены по белорусскому языку и литературе для всех выпускников высших школ и техникумов» («Люты да Гарбачова». Лондон, 1987).

Как реагировал Кремль и лично Горбачев на письмо белорусов? Об этом мы узнаем из второго письма белорусов, о чем далее.

Уже подчеркивалось, что в деле русификации ученики и наследники Сталина пошли гораздо дальше своего учителя в кардинальном вопросе любой национальной политики – в вопросе о судьбе национальных языков. В языковой политике Сталин выступал против утверждения Ленина, что победивший мировой социализм будет пользоваться одним или двумя из существующих языков английским или русским. Сталин, наоборот, утверждал: «После победы социализма… не может быть и речи о поражении одних и победе других языков», и языки «сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком» (Сталин, «Марксизм и вопросы языкознания», 1950). Но надо заметить, что касаясь роли русского языка в таком многонациональном государстве, как Россия, Ленин говорил, что все языки должны пользоваться равными правами. Правительство демократического государства по Ленину «безусловно должно признать полную свободу родных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из них» (ПСС, т. 25, стр. 71–72).

Исходя из этого, X и XII съезды партии в 1921 и 1923 годах объявили языки народов советских национальных республик государственными языками этих республик – в этом

собственно и заключалась внешняя форма их «советского национального суверенитета». Но уже в начале 30-х годов Сталин начисто вычеркнул из истории оба эти съезда, хотя по Конституции 1936 г. грузинам, азербайджанцам и армянам (и только им) было разрешено указать в своих собственных конституциях, что в данных республиках их языки являются государственными. Однако до официального объявления русского языка государственным для национальных республик Сталин еще не дошел. Зато до этого дошли его наследники, правда, не называя вещи своими именами. В «Программе КПСС» они записали как закон:

1) надо «добровольно» изучать русский язык,

2) русский язык отныне «общий язык межнационального общения всех народов СССР». С этих пор и появилась не только доктрина, но и форсированная практика «двуязычия». Термин «двуязычие» для народов России-СССР Ленину совершенно не известен. У Сталина он встречается в далеком перспективном плане развития.

Но главное в другом. В устах наследников Сталина «двуязычие» совсем не означает того, что вытекает из сочетания этих двух слов. В самом деле, что значит «двуязычие» в классическом смысле? Его лингвистическое толкование дано в «Словаре русского языка» Ожегова в следующем определении: «Пользование двумя языками как *равноценными».* Но как определить политически «двуязычие» в условиях суверенных по советской конституции советских национальных республик? Неподражаемый по своему цинизму ответ на этот вопрос дал первый секретарь ЦК партии Белоруссии Соколов деятелям белорусской культуры, которые обратились к Горбачеву с требованием объявить белорусский язык государственным языком Белорусской республики. Вот этот ответ: «Никто никому не указывает, – сказал Соколов, – на каком языке обращаться к друзьям, выступать с трибуны». «Никто никому не указывает, – добавил он, – на каком языке писать стихи и романы». Это заявление Соколов сделал по поручению ЦК КПСС на мартовском Пленуме (1987 г.) ЦК КП Белоруссии, что вызвало второе письмо на имя Горбачева 134 деятелей науки, культуры и труда от 1 июня 1987 г. («Люты да Гарбачова», Сш. 2. Лондон, 1987, стр. 4). Предельно сжатое, богатое по фактам второе письмо белорусов посвящено опровержению следующего тезиса Соколова: «В республике созданы все условия для развития белорусского языка, белорусской национальной культуры… То, что наша республика стала регионом развития *двуязычия,* бесспорное завоевание национальной политики партии» (стр. 2). Против этого голословного утверждения белорусы приводят факты: 1) в белорусских городах в 1979 г. доля населения белорусской национальности составляла 71,5 процента, но там нет теперь ни одной национальной школы; 2) во всех средних школах, училищах, техникумах, вузах – обучение на русском языке; 3) «за весь послевоенный период не подготовлено ни одного учителя для белорусской школы»; 4) «практически все делопроизводство в республике ведется на русском языке»; 5) «даже просто за последовательное и сознательное пользование белорусским языком человека зачастую оскорбляют, обвиняют в национализме» (там же, стр. 2–3). Авторы второго письма Горбачеву напоминают генсеку: «Не следует забывать, что все это происходит в республике, обладающей государственным суверенитетом и являющейся одной из членов-основателей ООН, в республике, где 83,5 процента жителей коренной национальности считают белорусский язык родным языком» (там же). Авторы второго письма пишут и о том, какие были результаты первого письма белорусов Горбачеву: «Уважаемый Михаил Сергеевич! Вышеупомянутое письмо представителей белорусской интеллигенции, посланное Вам ранее, в сущности не возымело действия. Отдельные меры, которые приняты, или намечаются, носят не принципиальный, а… 'поверхностно-косметический' характер. Выводы комиссии ЦК КПСС, работавшей по этому письму, не были преданы гласности» (там же, стр. 5).

Тут авторы второго письма, конечно, ошибаются. Выступление Соколова на мартовском Пленуме ЦК Белоруссии как раз и было ответом комиссии ЦК КПСС на первое декабрьское письмо белорусской интеллигенции. Это в обычае советских правителей: каждый раз, когда обостряются национальные отношения, прибегать к методу создания комиссий по национальному вопросу с тем, чтобы решить его «косметически» по форме, но

великодержавно по существу (увы, боюсь, что такая же судьба ждет и несчастных крымских татар, уже судя по тому, что в комиссию по решению их вопроса входят такие заслуженные сталинисты, как Громыко, Чебриков, Щербицкий, Демичев). Соколов прав, когда он заявляет, что «двуязычие» в национальных республиках уже сложившаяся реальность, ибо русский язык навязан там как государственный, а национальные существуют, как бытовые. Он прав, когда оценивает это «двуязычие» как достижение новой великодержавной политики Кремля. Недоразумение между Соколовым и его белорусскими критиками собственно и происходит из-за того, что под «национальной политикой» обе стороны подразумевают вещи диаметрально противоположные: под национальной политикой партии белорусы понимают, ссылаясь на послереволюционного Ленина, расцвет и даже увековечение наций. Вожди Кремля, тоже ссылаясь на Ленина, но дореволюционного, понимают под ней постепенную, но систематическую денационализацию всех наций. Поэтому Кремль допускает только такое «двуязычие», которое не противоречит этой стратегической цели, а именно: русский язык – государственный на всей территории СССР, а родной язык, обреченный на исчезновение – только бытовой язык (ведь «бытовые языки» существуют и в разных регионах самой России, их принято называть «диалектами»). Произошло еще одно историческое недоразумение, которое нельзя объяснить никакими хитроумными законами большевистской схоластики, названной марксистской диалектикой. Форма явно претендует стать содержанием. Чтобы сохранить и расширить империю, большевики прибегли к уникальному трюку в правовой мысли и правовой практике: республики, составившие СССР, были объявлены «суверенными», при этом под суверенитетом понималась одна лишь форма для прикрытия имперской сущности советского тоталитарного государства. Сегодняшний кризис советской национальной политики и есть результат вырвавшихся наружу, благодаря «гласности», противоречий между этим эфемерным суверенитетом нерусских республик и имперским диктатом Москвы.

В первую очередь кризис коснулся самой большой, после России, славянской республики – Украины, которая в условиях «гласности» выступает в авангарде борьбы за возвращение родному языку узурпированного у него партаппаратом права быть государственным языком. Великодержавный отпор, который рупор Кремля – Соколов – дал интеллектуалам Белоруссии, не обескуражил украинцев. Можно даже сказать, что, как выступление Соколова, так и предшествовавшее ему ранее выступление по национальному вопросу идеологического секретаря ЦК КП Украины с тех же позиций, что и Соколов, дали новые дополнительные аргументы в руки украинских интеллигентов. Факты вопиющего нарушения всех основ той политики, которую Ленин и его партия много раз декларировали и декретировали в национальном вопросе, были настолько очевидными, что примитивные аргументы партаппаратчиков со ссылками на фальсифицированного ими Ленина, легко разоблачались при сличении ленинской теории и ленинской практики двадцатых годов с теорией и практикой его учеников в восьмидесятых годах. Двух примеров достаточно, чтобы продемонстрировать глубину ревизии ленинской национальной политики на Украине: ленинское правительство декретировало и проводило тотальную *украинизацию* партийного, государственного, хозяйственного аппарата и культурных учреждений. Сегодня слово «украинизация» равнозначно «буржуазному национализму». Ленинское правительство объявило изучение украинского языка и обучение на нем обязательным, а изучение русского языка – добровольным. Сегодня как раз наоборот – русский язык обязательный, а украинский – добровольный. Недовольство такой национальной политикой Москвы вышло наружу, в первую очередь, в выступлениях весьма заслуженных украинских писателей, деятелей культуры и науки, среди которых много и членов партии. В каком-то смысле Москва была застигнута врасплох патриотическими выступлениями украинской и белорусской интеллигенции. По всей вероятности, не было в Москве и единодушия в отношении того, как ответить украинцам и белорусам, тем более, что в их требованиях по существу речь идет о радикальном пересмотре всей национальной политики Сталина, Хрущева и Брежнева. Судя по внешним данным, Политбюро долго колебалось между двумя

позициями – либо неизменно продолжать старый курс русификации, либо попытаться разрешить кризис в национальной политике путем заключения компромисса с национальными патриотами. Когда первый вариант сорвался из-за упорного противодействия белорусов, Кремль решил идти на компромисс сначала с украинцами. Отсюда постановление ЦК партии Украины от 14 августа 1987 г. «О мерах реализации в республике решений XXVII съезда партии и июньского пленума ЦК КПСС 1987 г. в области национальных отношений и усиления интернационального и патриотического воспитания трудящихся» («Правда», 16. 8. 1987).

Сразу заметим: данное постановление в определенном смысле носит юбилейный характер – это первое постановление ЦК КП Украины за 60 лет, повторяю – за шестьдесят лет – «Об улучшении изучения украинского, русского и других языков народов Украинской СССР». Каждый понимает, что русский язык и языки других народов пристегнули сюда только для соблюдения проформы, ибо все постановления Центральных Комитетов республик и ЦК КПСС с конца 20-х годов и до конца правления Брежнева были посвящены только одному языку – изучению русского языка среди нерусских народов, но ни одно постановление партии за эти 60 лет не было посвящено национальным языкам. В этом смысле постановление украинского ЦК, принятое, конечно, по поручению Московского ЦК, – явление необычное. Его декларативная цель – увековечить роль русского языка как государственного языка Украины, предложив за это условное и ограниченное расширение сферы действия украинского языка в быту, литературе, искусстве, в школе, отчасти даже в партийных и государственных учреждениях. В постановлении подчеркнуто, что все это делается, исходя из принципа новой доктрины – «национально-русского двуязычия». Это значит, что в каждой республике, как уже указывалось, употребляются два языка: для государственных дел – русский, а для бытового общения – национальный язык.

Московских великодержавников вечно преследует идея фикс, а именно: если все национальности Советского Союза заговорят по-русски, то они станут русскими и тогда окончательно исчезнет национальная проблема в СССР. Отсюда и практические меры: обучение детей в национальных начальных школах на русском языке, обучение допризывников и солдат русскому языку (опасно формировать национальные части в армии), даже создается и специальная сеть детских садов в республиканских городах и поселках, где с нерусскими малышами разговаривают только по-русски. Киргизско-русский писатель Чингиз Айтматов жаловался, что он не дождется того дня, когда в столице Киргизии Фрунзе откроется детский сад на киргизском языке, и это там, где по словам первого секретаря ЦК Киргизии, 42 % киргизских детей не говорят по-киргизски. Айтматов дипломатически признает «двуязычие», но только при полном равенстве обоих языков во всех сферах. Его критик киргизский писатель А. Токомбаев «выразил убеждение в том, что двуязычие должно быть делом сугубо добровольным, только знание русского языка обязательно для всех» («Литературная газета», 2. 3. 1988). В такой роли глашатая русификации – из нерусских писателей Токомбаев в единственном числе.

Уже есть решение февральского пленума ЦК КПСС (1988) о «двуязычии», в котором сказано: «Следует активно развивать национально-русское двуязычие. Коренным образом улучшить изучение и преподавание языков народов СССР, русского языка… расширять в школах практику совместного обучения на русском и родном языках… В вопросе обучения недопустимы никакие привилегии или ограничения» («Правда», 20. 2. 1988). В этом постановлении нет главного: нет отмены закона о добровольности обучения на родном языке! «Изучение» и «преподавание», и то добровольно, национальных языков, но обязательное обучение на русском языке во всех школах нерусских народов, – такова суть доктрины «двуязычия».

Однако великодержавники недостаточно хорошо знают историю западных колониальных империй, чтобы понять, что знание языка великодержавной нации – не панацея против сепаратизма. Совсем наоборот: это знание языка угнетателя со временем становится вернейшим оружием в национально-освободительной борьбе против

колонизаторов. Более того, язык бывшей метрополии становится у многих освободившихся колониальных народов их государственным языком, иногда наряду с одним из местных языков (бывшие французские колонии в Африке, бывшие английские и американские колонии в Азии, давнишние испанские и португальские колонии в Латинской Америке и Африке). Господа из Кремля думают иначе и поэтому жалуются на недостаточно энергичное распространение русского языка в Средней Азии, Закавказье и Прибалтике. «Правда» писала на этот счет: «Остается актуальной задача качественного улучшения знания русского языка, особенно в сельских районах Средней Азии, Закавказья, Прибалтики» («Правда», 13.02.1987).

Я знаю, что ни один нацмен, даже в своей республике, не может сделать ни научную, ни техническую, ни административную карьеру без знания русского языка, но, спрашивается, почему «Правда» хочет, чтобы и каждый национальный колхозник обязательно изучил русский язык?

Советская империя требует от своих колониальных народов того, чего не требовали западные империи изучения поголовно всеми нерусскими русского языка, ибо это, как замечает «Правда», «закономерный процесс интернационализации культуры и межнационального смешивания населения», то есть та же самая формула «слияния наций» путем поглощения малых наций большой, державной нацией. Отсюда и требование: малые нации обязаны знать язык державной нации.

В национально-культурной политике наследники Сталина стали правее самого Сталина. Его известная двухэлементная формула гласила: «Культура, национальная по форме, социалистическая по со держанию». Наследники Сталина нашли, что в этой формуле отсутствует самый важный третий элемент*великодержавный*. Отсюда дополнение формулы Сталина этим новым третьим элементом.

В цитированной статье из «Правды» новая формула, уже при Брежневе пущенная в ход, читается так: «Единая по социалистическому содержанию, многообразная по национальным формам, *интернационалистская* по духу культура». Поскольку знатоки партийной эзоповщины хорошо знают, что термин «интернационализация» в советской национальной политике является синонимом «русификации», то все становится на свои места. Именно в интересах такой «интернационализации» газета выступает за то, чтобы национальные историки не копались в своем национальном прошлом, художники не культивировали «реакционные» традиции своих народов, акыны и ашуги не воспевали величие своих исторических героев. «Правда» констатирует: «К сожалению, в некоторых произведениях художественной литературы и искусства, научных трудах встречаются попытки под видом национальной самобытности идеализировать реакционно-националистические и религиозные пережитки, приукрасить историю одного народа, принизить роль других народов». Словом, то, что положено «старшему брату» (воспевать князей Игоря, Александра Невского, Дмитрия Донского, полководцев Суворова, Кутузова, Нахимова) не подобает младшему брату (туркестанцам запрещается воспевать Тимура, Ба-бура, Кенесары, кавказцам – шейха Мансура и имама Шамиля, украинцам – Мазепу и Грушевского, балтийцам своих национальных героев). Зато царским генералам, покорявшим огнем и мечом Кавказ и Туркестан, ставят памятники на территории завоеванных ими народов, как и царю Петру I в завоеванной им Прибалтике.

Все, кто этому сопротивляется в национальных республиках, числятся в националистах. Странно, что эти советские идеологи все еще называют себя марксистами. Я их называю монархо-марксистами, ибо в старых царских учебниках писали то же самое. Наконец, вопрос о национализме и шовинизме. Безусловно, всякий национализм, переходящий в шовинизм, явление по сути своей античеловеческое. Особенно страшен шовинизм державной нации в таком многонациональном государстве, как Советский Союз, именно потому, что державная нация вершит судьбами подвластных ей народов. Местный национализм в таком государстве – лишь реакция на великодержавный шовинизм господствующей нации. Ленин это хорошо понимал и боролся с ним, чтобы тем самым

предупредить развал Советской империи. Сталин, став на великодержавную позицию, сочинил доктрину о «буржуазных националистах», которые, оказывается, орудуют во всех союзных и автономных республиках, но не среди самой державной нации. В этом вопросе все генсеки после Сталина последовательно и скрупулезно продолжают линию бывшего «отца народов». В двадцатые годы в партийных документах и партийной печати еще говорилось о двух уклонах в национальном вопросе – о «великорусском шовинизме» и «местном национализме». Причем «великорусский шовинизм», в согласии с Лениным, объявлялся главной опасностью. С тех пор, как Сталин на XVII съезде партии в 1934 г. объявил «местный национализм» основной опасностью, совершенно исчезло из литературы понятие «великорусский шовинизм», зато ни один партийный документ, ни одна работа советских идеологов не обходится без упоминания зловредного «местного национализма», без настойчивого призыва бороться с ним. Но и здесь ученики Сталина, как это полагается прилежным ученикам, превзошли своего учителя. После Сталина оба уклона «национализма» и «шовинизма» соединены вместе и водятся только среди националов. В новой программе партии говорится, что каждый советский человек должен проявлять «нетерпимость к проявлению национализма и шовинизма, национальной ограниченности и национального эгоизма». На январском пленуме ЦК (1987 г.), который происходил после событий в Казахстане, Горбачев ограничился по существу подтверждением старой линии по национальному вопросу. Но на встрече в ЦК КПСС с главными редакторами столичных газет, журналов, теле-радио Горбачев впервые за свое генсекство сказал нечто такое, что допускает возможность распространения перестройки и на область национальных отношений. Вот это место из выступления Горбачева:

«Особого внимания требует национальный вопрос… мы за уважительное отношение и к национальным чувствам, и к истории, и к культуре, и к языку всех народов, за полное и фактическое равенство. Мы живем в многонациональной стране, и невнимание к этим вопросам опасно. К сожалению, мы порой оценивали положение на этом направлении в виде заздравных тостов… Растет, повышается культурный уровень всех народов и народностей, выросла своя интеллигенция». Но по адресу интеллигенции он добавил: «Она изучает корни своего прошлого, порой это приводит к обожествлению истории и всего, что с ней связано, и не только прогрессивного» («Правда», 14.02.1987). Но «заздравных тостов» было в прошлом не так уж много. Была перманентная чистка, направленная против так называемых «буржуазных националистов» на Украине и в Белоруссии, на Кавказе и на мусульманском Востоке; был геноцид гитлеровского типа против национальных меньшинств во время войны. Великодержавники все еще поют гимны царским полководцам за их прогрессивное дело – за насильственное присоединение к России чужеземных народов. Когда же национальные историки и писатели «обожествляют» свое героическое прошлое, то их обвиняют в националистической идеализации «реакционного прошлого».

История таких злодеяний не прощает, а народы их никогда не забывают. В этом отношении, чем дальше, тем больше советская империя будет чувствовать себя неуютно, ибо она последняя империя в истории.

Идеологи эры Горбачева пропагандируют в национальной политике два понятия, которых не было раньше: понятие «Большая и малая родина» и уже упомянутое понятие «двуязычие». Внешне это выглядит как дань великодержавников национальным чувствам нерусских народов. В самом деле, ведь до сих пор признавалась только одна большая «советская родина», которую, к тому же, надо писать с большой буквы, а теперь разрешено писать и о своей национальной родине, как о «малой родине», но уже с маленькой буквы. Это игра в пропагандную эквилибристику в смысловом отношении – явный «перекос», ибо у человека может быть только одна родина, где тысячелетиями жил и живет его народ. В чем же «перекос»? Хотя бы в следующем: у грузин – Грузия «малая родина», а СССР – «большая Родина», у русских – Россия «малая родина», а СССР – «большая Родина». Это расчленение «большой Родины» на многочисленные национальные «малые родины» является, с одной стороны, вынужденным компромиссом официальной идеологии с сложившимся веками и

внутренне неистребимым комплексом чувств национальной исключительности, аутентичности и неповторимости каждого народа, а, с другой стороны, компромисс свидетельствует, что учение большевиков об ассимиляции нерусских народов русским народом с единым русским языком и исчезновением в исторической перспективе всех других языков (более 100) молчаливо признается, если не утопией, то по крайней мере, чем-то не актуальным. К сожалению, всякий вынужденный компромисс сильного со слабым обычно недолговечен. Как только исчезнут обстоятельства, принудившие власть идти на уступки, наступает реакция. Это особенно касается доктрины «двуязычия». Судя по официальным документам, «двуязычие» тоже в своем роде уступка великодержавников нерусским народам, ибо с начала тридцатых годов и до нашего времени ни в одном из партийных документов ЦК КПСС и центральных комитетов партий национальных республик ни слова не говорилось о необходимости «двуязычия» или изучения родного языка, зато выносились многократные решения о необходимости изучения русского языка. Теперь говорится, что надо изучать оба языка – русский и родной язык, чтобы все республики и национальные области и округа сделать «двуязычными». Даже начинают говорить, что дети некоренной национальности могли бы изучать язык той нации, среди которой они живут. В докладе секретаря правления Союза писателей СССР Ю. Суровцева к 70-летию Октября, тезисы которого несомненно апробированы в ЦК КПСС, говорится на этот счет следующее: «Литературная общественность страны почти полностью, стопроцентно, стоит за реальное двуязычие… за интенсификацию и улучшение преподавания, углубленного знания русского языка (в иных республиках, особенно на селе, это дело поставлено плохо)… Одновременно за расширение реального функционирования языка, родного для коренной национальности каждой республики, за улучшение его преподавания, за распространение этого преподавания детям граждан всех национальностей, живущих в данной республике» («Великий Октябрь и современная литература», «Литературная газета», 14. 10. 1987). Заметьте разницу в постановке акцентов и приоритетов: интенсификация и углубленное изучение русского языка даже в национальных селах, аулах и кишлаках, а насчет национального языка требование не только скромное, но даже и несуразное, ибо, что значит «реальное функционирование» родного языка? Он реально функционирует в своем народе, да только его не признают государственным и поэтому ему нет хода в высшие школы и высшие учреждения партии и государства, где делопроизводство ведется на русском языке.

Новая доктрина великодержавников – «двуязычие» – не только новый псевдоним той же самой русификации, но и бессмысленное требование, ибо человек может знать много языков, а мыслить может только на одном – на своем родном языке.

Появилось еще одно новое понятие для национальных республик – это «патриотизм» без прилагательного «советский». Не хотят говорить прямо «грузинский патриотизм», «украинский патриотизм» – это по-прежнему строжайшее табу. Но даже и такой «патриотизм» «малой родины» обязательно связывают с «интернационализмом», то есть с псевдонимом русификации. Поэтому полная формула гласит: развернуть в такой-то республике «патриотическое и интернациональное воспитание». Но важны не пропагандные выкрутасы, а важна практика «реального функционирования» и безоговорочное признание языка, культуры и истории национальностей. Отрывки из писем национальных читателей «Правды», опубликованных 25 августа 1987 г., показывают, как все еще велик разрыв между словом и делом у партийных идеологов. Стоит привести здесь некоторые выдержки из них. Украинец из Днепропетровска спрашивает: «Разве это не ведет к обеднению языка – в русских школах украинский не обязателен для изучения, идет как факультативный. Английский или немецкий обязателен, а украинский по желанию. Не парадокс ли?». «Правда» комментирует: «Такого же рода сетования в письмах из Белоруссии. Лет 20 назад в республике приняли постановление, дающее родителям право "освобождать" детей от изучения в школе родного языка». Другой украинец из Харькова сообщает, что «можно привести десятки грустных примеров обывательски-черносотенного отношения к

украинскому языку» и что в Харькове «царит *украинофобия»*. Корреспондент, видимо, нацмен, из далекого Хабаровска, по словам «Правды», «принадлежит к той категории людей, которым не хватает культуры национальных отношений». Вот продолжение цитаты: «Это проявляется в делах и поступках представителей разных народов страны. Разве не об этом свидетельствует высказывание А. Г. Тополева из Хабаровска, который обвиняет русский народ в великодержавности». Вот уже более 60 лет, как «Правда» не находит ни одного примера великорусского шовинизма в делах и поступках русских бюрократов в национальных республиках, зато почти каждый день находит примеры местного национализма. Даже поступок русского председателя горсовета Харькова, который выкинул в городе все вывески на украинском языке как излишние, «Правда» не осуждает как проявление великодержавного шовинизма, хотя сама сообщает об этом в цитированном выше письме украинца из Харькова. Напротив, автор обзора писем украинских читателей, защищая великорусских шовинистов, заявляет, что вот он, видите ли, «сам по национальности украинец» и его поэтому «особенно возмущает такого рода напраслина его земляков по адресу жителей второй столицы Украины». Можно родиться украинцем, но быть прожженным «великорусским держимордой» – по терминологии самого Ленина. Людям, которые считают себя его учениками, надо бы знать хотя бы работы Ленина по национальному вопросу. Вот что писал Ленин в своей известной статье против «великорусских держиморд» из нерусских народов – против Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе: «Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилий и оскорблений и даже больше того – незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений… Поэтому интернационализм со стороны… так называемой 'великой' нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически». Как Ленин хотел ликвидировать это фактическое неравенство между Великороссией и нерусскими народами, между советской Россией и национальными республиками? Указания Ленина на этот счет актуальны по сегодняшний день. Вот эти его указания: «Надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в национальных республиках, входящих в наш союз, и проверять эти правила особенно тщательно… Нет сомнений, что под предлогом единства… и т. п. у нас будет проникать масса злоупотреблений истинно русского свойства… Тут потребуется детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике» (Ленин, О национальном и национально-колониальном вопросе, стр. 518–519).

Непопулярны сегодня в Москве такие высказывания Ленина, ибо по всем нынешним критериям Кремля в национальном вопросе как раз Ленин является отъявленным «местным националистом», который клевещет на великий русский народ. Поэтому такие цитаты из Ленина категорически запрещено приводить в текущей литературе о «ленинской национальной политике».

II. Старое мышление кремля в национальной политике

Национальный вопрос всегда был функциональной величиной генеральной стратегии большевизма. Таким он был на путях завоевания власти до революции. Таким он остается на путях удержания и укрепления этой власти после революции. Поэтому постановка национального вопроса, подход к нему, характер его решения, менялись в зависимости от изменения стратегии партии и ее ближайших целей.

Таким образом, национальная политика партии в строгом смысле этого слова не была

даже политикой вообще, а была тактикой партии, которая менялась каждый раз, когда менялась общая политика партии. Мы уже видели, через какие этапы прошла генеральная линия партии в национальном вопросе при Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежневе.

Сегодня, когда генеральная стратегия сформулирована в установках «революционной перестройки» во всех сферах, «нового мышления», «гласности» и «демократизации» советского общества, национальный вопрос как раз в силу этой стратегии приобретает самодовлеющее значение. Уже сама практика нынешней дозированной «гласности» показывает, какие потенциально взрывчатые силы таятся в недрах национальных отношений. Стоило газете «Правда» подать пример гласности, сообщив о казахской национальной демонстрации в Алма-Ате 17–18 декабря 1986 г., стоило Кремлю удержать КГБ и МВД от разгона демонстрации и ареста демонстрантов, требовавших освобождения узников совести в Москве в начале 1987 г., как последовали новые демонстрации в защиту прав национальных меньшинств в разных уголках советской империи, наиболее яркими из которых были июльские демонстрации крымских татар в Москве и Ташкенте, поддержанные узбеками, августовские демонстрации эстонцев в Таллинне, латышей в Риге, литовцев в Вильнюсе с лозунгами, требовавшими объявить недействительным пакт Риббентроп-Молотов, по которому Гитлер подарил Сталину независимые Эстонию, Латвию и Литву.

Именно дозированной гласностью (под негласным надзором КГБ) воспользовались и многие видные деятели национальных культур почти из всех республик, чтобы смело и открыто поставить вопрос об обреченности на исчезновение нерусских наций, если будет продолжаться нынешняя языковая политика партии. Таким образом Кремль оказался перед неприятной для него дилеммой: либо исключить национальные республики из «перестройки» и «гласности», либо объявить во всеуслышание, что партия возвращается к их полному внутреннему суверенитету, который им обещал Ленин в конституции 1924 года, а Сталин и его наследники полностью отвергли. Пока что Кремль избрал первый путь – исключить национальные республики из «перестройки» и «нового мышления», сохранив в неприкосновенности послеленинскую политику русификации. Что дело обстоит именно так, свидетельствует постановление ЦК КПСС от 16 июля 1987 г. «О работе казахской республиканской партийной организации по интернациональному воспитанию трудящихся» («Правда», 16. 7. 87). В этом документе, составленном в стиле Лигачева, начисто отсутствуют как перестройка, так и «новое мышление».

Не может быть более тяжкого греха для политического руководства, как самообман с целью обмана других. Так часто случается, когда оптимистические расчеты основываются на ошибочном анализе новой ситуации. Это, на мой взгляд, сейчас происходит с горбачевским руководством в оценке реального положения в национальных республиках. Несколько слов о внешней характеристике данного документа. Авторы документа, видно никогда не читали работ Ленина по национальному вопросу, зато крепко запомнили и усвоили, что на этот счет писал Сталин. Сталинские установки, утверждающие, что в условиях советского многонационального государства главной и единственной опасностью является национализм малых народов, а опасности великорусского шовинизма вообще не существует, авторы выдают за ленинские установки. Ленин, конечно, великодержавник в глобальном масштабе, но он, как указывалось, не был русским шовинистом. В этом проявлялась его гибкость, это делало привлекательным его национальную политику для нерусских народов. Авторы постановления ЦК с головой выдают себя, сами не подозревая об этом и как великодержавники и как русские шовинисты одновременно. Это заметит каждый, кто умеет читать партийные документы.

Постановление ЦК о национальной политике составлено по установившемуся трафарету – начать за здравие, чтобы кончить за упокой. При этом «здравие» – абсолютно трезвое, но оно находится в глубоком противоречии с выводами самого постановления.

Вот это «здравие»: Республика Казахстан «является крупным индустриально-аграрным районом. Совершена подлинная культурная революция, оформилась научная и творческая

интеллигенция… Прежнее руководство ЦК Компартии Казахстана, партийные комитеты допустили серьезные ошибки… Не учитывался *быстрый рост национального самосознания»*. Вся дальнейшая «заупокойная» часть постановления как раз противоречит этой трезвой констатации. Обвиняя ЦК Компартии Казахстана, что он не учел «быстрого роста национального самосознания» казахского народа, сам ЦК КПСС грубо и демонстративно игнорирует именно «быстрый рост национального самосознания» всех нерусских народов, которое проявляется в нынешнюю эпоху «гласности» не только в разных демонстрациях, но и в многочисленных требованиях национальной творческой интеллигенции.

Обратимся теперь к существу документа. Буду говорить только о тех важнейших пунктах, на которых лежит не только стиль Сталина, но и которые насквозь проникнуты духом сталинщины. Оказывается, что у руководителей Казахстана «появилось чувство национального эгоизма», которое сказалось в том, что при подборе кадров в партийный и государственный аппарат Казахстана они предпочтение отдавали казахам, а «при поступлении в вузы для казахской молодежи создавались преимущественные условия» – так буквально сказано в постановлении ЦК. Что здесь речь идет не только об одном Казахстане, доказало выступление Лигачева в Тбилиси, когда он заявил, что в грузинском университете учится слишком много грузин. Все это осуждается фальсифицированной ссылкой на ленинскую национальную политику. Но ведь суть ленинской кадровой политики, изложенной в его трудах, как и в постановлениях съездов партии при его жизни, сводится только к одному – к коренизации партийного, государственного, хозяйственного аппарата и культурных учреждений всех нерусских народов. Этот порядок отменил Сталин, да еще исключил слово «коренизация» из партийного лексикона. Это, конечно, право Кремля – следовать в данном случае политике своего все еще бессмертного учителя Сталина, а не Ленина, но тогда нельзя ли пожертвовать политическим лицемерием в интересах исторической правды?

В одном обвинении и в вытекающем отсюда выводе ЦК даже идет дальше Сталина. В постановлении сказано: «Не обеспечивалось должное представительство проживающих в республике наций во всех звеньях общественно-политической структуры. С националистическими перекосами формировались партийный и государственный аппарат, правоохранительные органы, учреждения науки и культуры». Если следовать точному смыслу такого обвинения и вытекающему из него выводу, то в Казахстане и Киргизии во всех органах власти, во всех учреждениях науки и культуры большинство должны составлять не представители коренной национальности, а славяне, ибо большинство населения в этих республиках составляют славянские колонисты, поселенные сюда в последние четыре десятилетия. Поскольку ЦК, судя по данному постановлению, полон решимости вести там политику «пропорционального представительства», ликвидирующую даже видимость «суверенной» национальной республики, то создается новая реальность, о которой не догадывались не только Сталин, но и Хрущев.

Вот что говорится в постановлении на этот счет: «Добиваться должного представительства в руководящих партийных и государственных органах всех наций, проживающих в республике». На простом языке это значит – отныне управлять будут не казахи, а пришлые. Понимая, что столь открытый курс на русификацию может встретить национальное сопротивление похлестче алма-атинского, постановление требует: «Убедительно объяснять объективный характер процесса углубления *интернационализации всех сфер* общественной жизни».

Другими словами, поскольку «объективный процесс» «интернационализации» – это неизбежный процесс, то казахи имеют все шансы стать первыми советскими «интернационалистами», управляемыми на всех уровнях пришельцами. Но чтобы стать доподлинными «интернационалистами» от казахов требуется, чтобы они отказались от своего прошлого – исторического, культурно-бытового и традиционно-религиозного. В самом деле, как иначе интерпретировать следующее место в постановлении: «В научных

трудах, произведениях литературы и искусства нередко идеализировалось прошлое казахского народа, делались попытки реабилитировать буржуазных националистов… Усилилась тенденция к национальной замкнутости… Свернута борьба с феодально-байскими нравами, патриархальными обычаями… Неактивно ведется борьба по разоблачению реакционной сущности ислама, с его попытками сохранить отжившие традиции… Усилилось влияние служителей культа на различные стороны жизни и быта населения». Более того, оказывается, религию поддерживают и в религиозных обрядах участвуют даже руководящие коммунисты. Поэтому, говорится в постановлении, надо «вести активную борьбу с националистическими настроениями, феодально-байскими нравами, родоплеменными традициями, религиозными предрассудками». Мало-мальски знакомый с историей национально-колониальной политики партии понимает, что весь этот антинациональный словесный мусор взят из писаний Сталина и постановлений сталинского ЦК конца двадцатых и начала тридцатых годов. То, чего требует ЦК сейчас от своих функционеров в Туркестане, уже на протяжении шестидесяти лет практиковалось там не на словах, а на деле: физическое уничтожение баев, мулл, «буржуазных националистов», закрытие всех мечетей, перманентный террор против народа, наконец, многократные чистки даже против коммунистической интеллигенции по обвинению в том же «местном национализме». А итог? Итог тот, что отмечен в документе ЦК – «быстрый рост национального самосознания».

Это не локальное казахское явление. Рост национального самосознания есть явление всеобщее, ибо выросли, как правильно отмечает ЦК, национальные кадры, национальная творческая интеллигенция. Сталину было легче управлять национальными республиками, ибо он систематически и методически снимал их верхний слой – интеллектуальную элиту, пока в ней еще не пробудилось национальное самосознание, а Хрущев и Брежнев вынуждены были отказаться от таких сталинских методов. Вот в этом и кроется секрет появления нового феномена возрождение всего комплекса, связанного с понятием национальной принадлежности, куда входят не только интерес к своей истории, культуре, языку, литературе, но и чувство гордости, что принадлежишь к данному самобытному и неповторимому народу. Игнорируя все это, Кремль воюет против знамения времени, когда его орган «Правда» требует: «Воспитывать так, чтобы советский человек ощущал себя в первую очередь гражданином СССР а потом уже представителем той или иной нации» (07.04.87).

Этому призыву суждено остаться гласом вопиющего в азиатской пустыне!

При всем моем пессимизме я все-таки склонен думать, что Горбачев и его руководство все еще не сказали последнего слова в национальном вопросе. В виду все возрастающего давления национальной интеллигенции всех республик, Кремль вынужден будет пойти на какую-нибудь «перестройку и демократизацию» и в своей национальной политике. Это вытекает из выступления Горбачева к 70-летию Октября, когда он заявил: «Национальные отношения в нашей стране – это живой вопрос живой жизни. Мы должны быть предельно внимательными и тактичными во всем, что касается национальных интересов или национальных чувств людей… Мы намерены более глубоко проанализировать эти вопросы в ближайшем будущем с учетом того, что вносит в жизнь страны перестройка, демократизация, новый этап ее развития» («Правда», 3.11.1987).

В связи с этим Горбачев заметил: «Мы все чаще обращаемся сейчас к последним работам Ильича». Так вот, предпоследней работой Ленина была цитированная выше статья «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». В ней Ленин предлагал вернуть союзным республикам их полный суверенитет. Если новое руководство в Кремле способно выполнить эту волю Ленина, то это действительно перестройка, а все остальное – косметика.

Когда читаешь документы ЦК и выступления его двух ведущих руководителей – Горбачева и Лигачева по национальному вопросу, то создается впечатление, что в Политбюро еще не выработалась единая линия в национальной политике. Если между Горбачевым и Лигачевым не существует намеренного разделения функций в тактических

целях по принципу угодить и «нашим и вашим», что я не исключаю и в общей политике перестройки, то в моих глазах Горбачев колеблется в сторону позиции Ленина против великодержавников, а Лигачев остается убежденным сторонником продолжения русификаторской политики Хрущева и Брежнева. Этот факт засвидетельствован в документах февральского пленума ЦК КПСС (1988). В докладе о школьной перестройке Лигачев поддержал политику добровольности изучения родных языков, кроме русского. Вот его слова: «Отказ от добровольности при выборе родителями языка обучения детей привел бы к нарушению демократических принципов в национальном вопросе» («Правда», 18.02.1988). Если следовать логике Лигачева, цари и их идеологи были большими «демократами», ибо при них не надо было изучать родной язык даже добровольно, к тому же сам «демократ» не очень последователен, ибо на русский и иностранные языки его «демократизм» не распространяется.

Лигачев грозно предупредил нерусские народы: «Нельзя допускать, чтобы… любовь к родному языку превращалась в языковый шовинизм»! Страшно, что этот человек распоряжается судьбой великой империи, состоящей наполовину из нерусских народов.

Горбачев в своем выступлении не упомянул ни о «добровольности» в выборе языка, ни о «языковом шовинизме», а только повторил свои старые тезисы, не противореча второму лидеру.

Как показывает реакция Москвы на февральские демонстрации в Эстонии, Латвии и Литве в связи с днями их национальной независимости, Кремль все еще продолжает заниматься самообманом, если советские пропагандные документы выражают его истинное мнение. Смешно и нелепо, когда советская пропаганда приписывает рост национального движения в империи злоумышленникам из «экстремистов» или даже заграничным «радиоголосам».

Однако самое страшное другое: видимо, советские империалисты не прочь направить рост национального самосознания как русского народа, так и национальных меньшинств на испытанный путь всех диктаторов с римских времен: «разделяй и властвуй». Антисемитские лозунги правого крыла русского национального движения «Память» и армяно-азербайджанские столкновения в феврале 1988 г. со многими убитыми и ранеными, – зловещие симптомы этого. Ведь резня началась, когда заместитель Генерального прокурора СССР А. Катусев публично заявил, что в Карабахе убито два азербайджанца. Катусев прибег к экивокам, а вот его духовный предшественник – главноначальствующий на Кавказе перед революцией князь Голицын, разжигая грузинский национализм против армян, выражался более ясно: «Я успокоюсь только тогда, когда в Тифлисском музее будут показывать чучело армянина в подтверждение того исторического факта, что когда-то и армяне тоже жили на Кавказе».

Если многонациональная империя беременна сразу двумя революциями – социальной в России и антиколониальной на окраинах – то самый легкий способ ускорить выкидыш, – это организация антинациональных погромов. К тому же дело не в Карабахе (там нет ни азербайджанской, ни армянской власти – там есть, как и везде, московская власть), а дело в том лозунге, который красовался на плакатах почти миллионной демонстрации в Ереване: «За беспартийную Армению!».

III. Проблемы новые, а решения старые

Поскольку статистические данные на этот счет являются величайшей тайной Кремля, то невозможно подсчитать, кто за счет кого живет в Советской империи – метрополия за счет советских колоний или советские колонии за счет метрополии. Но одно очевидно: важнейшее стратегическое сырье и ресурсы, их эксплуатация и переработка находятся в значительной части в нерусских республиках – на Украине и Белоруссии, в Прибалтийских республиках и Молдавии, на мусульманском Востоке и на Кавказе. Вся важнейшая продукция добывающей и перерабатывающей отраслей промышленности поступает в

централизованный «общесоюзный фонд» в Москве. На распределение доходов из этого фонда союзные республики не имеют ни малейшего влияния. Они, конечно, получают через общесоюзный бюджет обратно определенную часть, которая не находится в какой-либо связи с величиной их вклада в названный фонд.

Даже и этой частью фактически распоряжаются Госплан и московские министерства, поставленные над местными министерствами. Желание последних получить «побольше» Москва квалифицирует, как «национальный эгоизм», «местничество» и «иждивенчество». Смысл этих ярлыков сводится к тому, что республики дают меньше, чем они могут, но стараются забрать больше, чем они заслуживают. Когда же центр отсюда делает свои выводы, урезывая бюджеты национальных республик, то республики отвечают молчаливым саботажем выполнения имперских хозяйственных планов. Яркие доказательства на этот счет содержатся в постановлении ЦК КПСС от 20 июня 1987 года «О неудовлетворительном использовании природно-экономического потенциала аграрно-промышленного комплекса в Узбекской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР». В виду важности вопроса, приведем из него цитаты. В постановлении отмечается, что «аграрно-промышленный комплекс Узбекской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР занимает особо важное место в общесоюзном разделении труда. Колхозы и совхозы этих республик являются основными производителями хлопка… Однако, созданный в этом регионе мощный производственно-экономический потенциал, водные ресурсы, а также благоприятные природные условия используются неудовлетворительно… поставки многих видов продукции в общесоюзный фонд не выполняются… Продуктивность скота здесь одна из самых низких, а затрата кормов почти вдвое превышает затраты по стране… За десять лет производительность труда в Узбекской СССР не увеличилась, по Таджикской ССР и Туркменской ССР она даже снизилась при увеличении оплаты труда в 1,3–1,4 раза».

Такое плачевное состояние дел в среднеазиатских республиках сложилось несмотря на то, что в последнее десятилетие там было вложено в народное хозяйство в два раза больше денег, чем в предыдущее десятилетие, а именно 43 миллиарда рублей. Чем же Кремль объясняет такой, не только застой, но регресс, в поставке хлопка и другой продукции агропромышленного комплекса этих республик? Ответ, данный в постановлении ЦК КПСС повторяет то, что говорили на этот счет все генсеки от Хрущева и Брежнева до Андропова и Черненко. Вот, что он гласит: «Руководящие кадры республик подвержены *иждивенчеству,* развито стремление как можно больше получить материальных и денежных средств от государства» («Правда», 20.06.1987).

Такое стремление руководителей союзных республик в партийной печати квалифицируется как проявление «национального эгоизма» и нарушение принципов «интернационализма». Мы до сих пор знали из партийных документов, что директивное навязывание обучения на русском языке в нерусских школах называлось «интернационализмом». Теперь мы узнаем из другого постановления ЦК КПСС, на этот раз о Казахстане, что «подлинный интернационализм» имеет и другой, быть может, даже еще более важный, аспект – аспект экономический, а именно: поставлять материальные ценности из республик в общесоюзный фонд в возрастающей прогрессии. Вот соответствующее место: «ЦК КПСС подчеркнул, что интернационализм не на словах, а на деле должен проявляться, прежде всего в наращивании вклада Казахстана в единый народнохозяйственный комплекс *страны,* неуклонном повышении отдачи созданного в республике научно-производственного потенциала, активном участии в решении *общенародных задач».* («Правда», 16.7.1987).

Если освободить эти формулировки от словесной шелухи и жонглирования понятиями, то остается одна их истинная суть: не интересы данных республик, а интересы метрополии превыше всего. Отсюда требование к национальным республикам повысить их вклад в «единый фонд страны». Маркс это называл колониальными грабежами империалистов, советские империалисты их переименовали во вклад «интернационалистов».

Газета «Правда», комментируя постановление ЦК, обвинила национальные республики в том, что они стали тормозом экономического развития Советского Союза. Газета пишет:

«Экономика – вот тот материальный базис, на котором зиждется единство нашего общества, СССР… Тормозом на пути социально-экономического ускорения являются рецидивы обособленности, местничества, иждивенчества, попытки побольше урвать от общесоюзного пирога и поменьше дать самим. Поэтому следует поднять ответственность коммунистов, всех трудящихся за приращение вклада каждой республики в общенациональное богатство» («Правда», 21.7.1987). Другими словами, в советской империи обозначился, если верить Кремлю, феноменальный процесс, не известный западным империалистам: капиталистические империи богатели за счет своих колоний, а советская империя, наоборот, нищает из-за своих «иждивенцев» – национальных республик. В основе этого феномена лежит тот же социальный закон, который действует в советском обществе – отсутствие личной материальной заинтересованности. Это в природе вещей – каждый человек стремится к материальной обеспеченности, а каждая нация – к богатству и изобилию. Но советская экономическая система лишила как отдельного человека, так и все нации в целом, импульсов к свободному творчеству, а на его основе и к обогащению.

В союзных республиках прибавляются к этому и специфические национальные причины указываемого «Правдой» «механизма торможения». Как уже отмечалось, во времена Ленина национальные республики во внутренних делах были суверенны и развивали свою собственную экономику, основанную на использовании местных ресурсов в интересах данной нации.

Сталинский социализм, и поныне господствующий в СССР, радикально ликвидировал не только их суверенитет, но и их национальные экономики. Вместо национальных хозяйств начали создавать «всесоюзные стройки коммунизма», прямо подчиненные Москве. На «великие стройки» везли в порядке «оргнабора» из России мастеров всех ведущих квалификаций. Чернорабочих должны были поставлять местные правители в порядке создания «национального рабочего класса». Но никакие их усилия тут не помогли и не помогают до сих пор – националы в массе своей отказываются идти на производство, молодежь не идет в профессионально-технические училища, предпочитая им вузы, а взрослые умудряются устроить свою жизнь так, что они живут материально лучше, чем колхозники и рабочие в Центральной России. Этот второй феномен, замеченный даже иностранными туристами, объясняется в разных регионах разными причинами. В прибалтийских республиках, научно-технически высоко развитых, это объясняется способностью адаптироваться к существующим законам в своих национальных интересах, а в кавказских и мусульманских республиках – их удивительным умением обходить эти законы.

Я уже отмечал, что стратегический замысел «всесоюзных строек» сводился не только к тому, чтобы наиболее эффективно использовать сырье окраин, но и к созданию там важных опорных пунктов империи со славянским населением.

Массовая колонизация славянским населением мусульманских республик, не только промышленных районов, но и целинных, привела к резкому падению удельного веса коренного населения (например, в Казахстане и Киргизии коренные жители являются национальными меньшинствами). Когда обозначилось падение роста славянского населения СССР при продолжающемся росте мусульманского населения, то возник сразу двойной кризис: в славянских республиках не хватает рабочей силы, а в мусульманских республиках образовался ее опасный избыток. Отсюда и возникла новая «интернациональная» доктрина «обмена кадрами» – отныне Москва будет направлять в национальные республики только высшую бюрократию и технический командный состав, а эти республики должны поставлять России свою излишнюю рабочую силу. Как видно из текущей советской прессы, доктрина «обмена кадрами» тоже сработала только односторонне – московские партаппаратчики массами двинулись в национальные республики занять места, ставшие вакантными после тотальной чистки от националов, обвиненных в коррупции. Однако встречное движение националов в Россию так и не состоялось. Наоборот, начался процесс, который не может не тревожить Москву: русские колонисты целыми группами

возвращаются обратно в Россию, ввиду растущей враждебности аборигенов к пришельцам.

Попытки заменить «реэмигрантов» на производстве аборигенами имеют мало успеха.

Все сказанное отмечено, хотя и на маловразумительном жаргоне партийных эзопов, в том самом постановлении о Казахстане, которое мы уже цитировали. Вот соответствующие места из него: «Руководящие органы республики устранились от целенаправленного формирования национальных кадров *рабочего класса*... Сократился удельный вес казахов среди рабочих промышленности… мало молодежи казахской национальности поступает в профессионально-технические училища и средние специальные учебные заведения… В то же время без достаточных оснований расширялась сеть высших учебных заведений. При поступлении в вузы для казахской молодежи создавали преимущественные условия» («Правда», 16. 7. 87). Договориться до того, что в Казахстане казахам создаются «преимущественные условия» для поступления в казахские вузы и рассматривать это как нарушение «ленинской национальной политики», могут только духовные наследники Пуришкевича, но никак не Ленина.

Постановление ЦК утверждает, что обратное движение русских из Казахстана тоже объясняется националистической политикой бывшего руководства Кунаева по отношению к этим русским группам, но намеренно умалчивает, что кадрами и «интернационализацией» при Кунаеве ведал не Кунаев, а второй секретарь из Москвы, прямой ставленник ЦК КПСС. В постановлении говорится: «Указанные нарушения, а также невнимание к нуждам и запросам некоторых национальных групп (здесь речь идет о славянских национальных группах – *автор)* вызвали *отток* части этого населения из республики, особенно из Гурьевской, Джезказганской, Кзыл-Ордынской, Семипалатинской, Целиноградской областей» (там же).

Названный документ ЦК КПСС по поводу Казахской республики является уникальным во всей истории национальной политики большевизма. Только диву даешься, как могло появиться такое произведение в эру «перестройки», «гласности» и «демократизации».

IV. «Угнетенные» негры, «свободные» крымские татары и «бандиты» чеченцы и ингуши

На приеме делегации Американского конгресса в Кремле в апреле 1987 г. Горбачев задал американцам вопрос, который свидетельствует о том, как плохо знал Америку не только Ленин, но плохо знает ее и седьмой по счету его преемник генсек Горбачев.

В Соединенных Штатах живет много разных народов, но почему у вас нет государственных образований в виде отдельных штатов, основанных на этническом и культурном базисе для черных, для поляков, для пуэрториканцев и других? – таков был вопрос. При этом Горбачев сослался на псевдоавтономию малых народов СССР.

Присутствовавший в составе делегации негритянский пастор Джексон, бывший и будущий претендент в кандидаты на пост американского президента, посчитал себя кровно оскорбленным как американец и после возвращения в Америку подал протест советскому послу против бестактности Горбачева. Пастор, вероятно вспомнил, что на Западе такие «государственные образования» для черных существуют только в одном государстве – в Южно-Африканской Республике с ее политикой апартеида, где созданы так называемые «отечества» черных, которые имеют столько же независимости от белых, сколько ее имеют советские союзные республики от Москвы.

По американской конституции все расы равны между собой. Америка не знает ни институциональной, ни территориальной сегрегации. Конечно были и существуют расовые предрассудки у части населения, но как раз после Второй мировой войны Америка сделала гигантский шаг вперед по их преодолению, чему способствовал массовый героизм негритянских солдат и офицеров в этой войне. Кому не известно, что даже такой маленький – по количеству населения из аборигенов – штат Америки, как Гавайи (200 тысяч жителей) пользуется куда большей самостоятельностью по своему внутреннему самоуправлению, чем

советская Украина с ее пятидесятимиллионным населением. Больше того – украинские правители, как и правители других советских республик, назначаются из Москвы, а гавайский губернатор, как и губернаторы во всех других штатах, выбирается на месте, совершенно независимо от Вашингтона и при действительно свободных выборах с участием нескольких кандидатов от соревнующихся между собой политических партий.

Со своим странным замечанием генсек попал, что называется, пальцем в небо из-за незнания истории образования американской нации.

Горбачев только повторил ошибку Ленина, сравнивая национальный вопрос в Российской Империи с процессом интеграции национальных меньшинств в Соединенных Штатах. Российская Империя образовалась путем присоединения к России нерусских народов, которые никогда не хотели, как не хотят и сейчас, стать русскими, а Соединенные Штаты образовались из иммигрантов разных народов, которые хотели стать американцами и создали из бывших английских колоний в войне за независимость (1775–1783 гг.) новую единую нацию – американскую.

В Декларации независимости от 4 июля 1776 года были провозглашены священные для демократии, не на словах, а на практике, принципы равенства людей всех рас и убеждений перед законом, их неотъемлемые права на «жизнь, свободу и стремление к счастью». Не кто-нибудь другой, а сам Карл Маркс, назвал американскую «Декларацию независимости» «первой декларацией прав человека», ибо она на двенадцать лет опередила знаменитую «Декларацию прав человека и гражданина» 1789 года, с которой началась Великая французская революция.

Единственной этнической группой, которую против их воли, привезли в Америку в качестве рабов, были негры из Африки, которые должны были работать на плантациях в южных штатах. Чтобы их освободить от рабства, понадобилась Гражданская война 1861–1865 годов. Созданная в 1854 году в северных штатах республиканская партия, одним из организаторов которой был Авраам Линкольн, поставила своей целью ликвидацию рабства в южных штатах. Когда в 1860 году Линкольна избрали президентом Соединенных Штатов, южные штаты объявили о своем выходе из США и образовании собственного государства. Началась Гражданская война, принесшая победу Севера над Югом и полную ликвидацию рабства. Вспомним, что в то же самое время, когда Линкольн войной освобождал черных рабов от белых рабовладельцев, в России царь Александр II великой крестьянской реформой освободил белых рабов от белых же рабовладельцев.

Трагической была судьба обоих освободителей: Линкольна убил наемник бывших рабовладельцев, а Александра II – люди, которые боролись за «народную волю». Воистину неисповедимы парадоксы русской истории.

Но вернемся к черным американцам, американским полякам, пуэрториканцам. С таким же правом сюда можно включить американских итальянцев, ирландцев, латиноамериканцев, евреев и других. Если бы случилось невероятное и американский Конгресс, следуя рекомендации Горбачева, издал бы закон о «перестройке» Соединенных Штатов по этническому принципу, то все названные американские «нацмены» первыми восстали бы против такого закона. Все они одинаково горды, что они именно американцы, и только потом вспоминается романтика далеких исторических воспоминаний дедушек и бабушек, о том, как их родители или прародители когда-то прибыли в Америку из таких-то стран, имея в кармане пару долларов, а то и без цента. Дедушки и бабушки еще как-то изъяснялись на языке их бывшей родины, а их дети и внуки говорили уже только по-английски – не потому, что это навязывалось им правительством, а потому, что знание английского языка делало возможным добиться успеха в любой части этой большой страны.

Их новая родина – страна иммигрантов из самых разных частей мира – после Гражданской войны не знала и не знает национальной или расовой дискриминации. В Америке негров до сих пор линчуют только в фантазиях советских пропагандистов. Во многих городах с абсолютным большинством белого населения негров выбирают мэрами городов (например, в Лос-Анджелесе, Чикаго, Атланте и других городах). Даже в самой

столице США – Вашингтоне – мэр города – черный. Черных также много среди высокопоставленных чиновников, послов, генералов, выдающихся спортсменов и представителей искусства. Не будет ничего удивительного, если со временем в Белом доме будет сидеть черный. Если же говорить о пуэрториканцах, то население Пуэрто-Рико составляло в 1970 г. 2,7 миллиона, в то время как 1,3 миллиона эмигрировали к этому времени в США, чтобы стать американцами. Количество людей из южноамериканских стран, которые нелегально переходят границы США, чтобы на всю жизнь обосноваться там, исчисляется миллионами. Недавно правительство приняло меры для их легализации.

Странно, что обетованная страна «советского образа жизни», которая гордо рекламирует себя «отечеством всех трудящихся мира», никогда не знала такой тяги к себе этих трудящихся. Наоборот, из нее стараются вырваться все, кому это удается. Например, список «отказников» среди евреев включает сейчас около 400 тысяч человек. Десятки тысяч немцев и армян тоже находятся «в отказе».

Любой американец может выехать из Америки, даже в Советский Союз. Якобы полноправные советские граждане крымско-татарской и немецкой национальностей не могут вернуться (внутри СССР!) на свои собственные территории, автономия которых, на «этническом и культурном базисе», была признана еще при Ленине. Поэтому ссылка Горбачева на якобы успешный советский опыт решения национального вопроса звучит как исторический анекдот (Горбачев сказал конгрессменам, что Америка угнетает нацменьшинства, а вот мы, мол, дали «автономию» татарам, евреям и чукчам). Как ему ответили конгрессмены, мы не знаем, зато мы знаем другое: татарам, шестимиллионному народу древней культуры, не дали ранга союзной республики на том основании, что он живет внутри России и не может, при желании, выйти из состава СССР, воспользовавшись конституционным правом союзных республик, будто Кремль разрешил бы это окраинным республикам. Что же касается евреев, то их в СССР живет около двух миллионов. Но им не дали даже «национально-культурной автономии», а дали автономию Биробиджану, где живет 60 тысяч евреев (после войны Сталиным были запрещены еврейские школы, театры, литература).

Крымско-татарский народ – единственный из малых народов бывшей Российской Империи, которому автономия была дана по личной инициативе председателя советского правительства Ульянова-Ленина, поддержавшего предложение одного из руководителей Крымского обкома партии – его младшего брата Дмитрия Ульянова.

Дмитрий Ильич Ульянов, доктор медицины, был представителем большевистского партийного центра в Крыму до революции, в подполье, во время революции и после победы большевиков, до 1921 года. Он высоко отзывался о национальной культуре, традициях, мудрости и трудолюбии крымских татар и имел среди них много друзей, которые оказывали ему помощь и гостеприимство в тяжелые годы его преследований. Я это хорошо знаю из первых рук: двоюродная сестра Ульяновых по матери – Залежская, урожденная Бланк, была моим профессором в Институте красной профессуры в тридцатые годы. Декрет об образовании Крымской АССР Ленин подписал 18 октября 1921 года, через одиннадцать месяцев после оставления Крыма белыми войсками генерала Врангеля.

Уже этот факт доказывает, что крымско-татарский народ был на стороне революции.

Крымско-татарский народ – один из древнейших народов тюркского происхождения на нынешней территории СССР, а его государство намного старше, чем само Московское царство. Крымское независимое государство, названное «Крымским ханством», выделилось из «Золотой орды» еще в XV веке (1443 г.). Ввиду наседающих с севера славянских племен, Крымское ханство заключило военно-политический союз с Турцией (1475 г.), что обеспечило ему более чем трехсотлетнее независимое существование. Однако, после образования централизованного русского государства, а потом и Российской Империи, Крым, наряду с Кавказом, делается главным объектом возрастающей экспансии «русского военно-феодального империализма», как выражалась советская историография времен Ленина и Покровского. В продолжительной войне против Крымского ханства и его союзника

Турции, русская армия разбила татар и турок и захватила Крым (1772 г.). По так называемому Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Крымское ханство было сохранено, но поставлено под протекторат России; что это был за «протекторат», явствует из девиза императрицы Екатерины II: «Благословен тот час, когда Крым будет очищен от этого дикого племени и заменен благородной породой».

Крымско-татарские патриоты в своем обращении на имя Политбюро накануне 60-летия Октябрьской революции дали такую характеристику этому девизу: «Это означало – Крым без крымских татар». Но девиз остался простой угрозой. Ни Екатерина, ни последующие цари крымских татар не уничтожали и не выселяли с их родины. Аннексированное в 1783 г. Крымское ханство перестало существовать, превратившись в обычную губернию Империи.

Чтобы Крым остался без крымских татар, а сама эта нация была почти наполовину уничтожена после 160 лет ее насильственного включения в Российскую Империю, понадобилось, чтобы эта империя из царской превратилась в империю советскую. 18 мая 1944 г. в течение одних суток 422 000 человек крымско-татарской национальности были погружены в товарные вагоны и поголовно депортированы в Среднюю Азию по ложному обвинению: «За измену родине». В том же обращении, под которым стоит 2500 подписей народных уполномоченных, говорится о судьбе крымско-татарского народа по прибытию на место ссылки: «За первые полтора года в тисках 'особого режима' по данным переписи народа – списочному составу (материалы хранятся в ЦК КПСС) – от массовой смертности погибло 46,2 % от общей численности всего высланного народа. Это около 200 тысяч жизней, из них свыше 100 тысяч детей», (см. А. Некрич, Наказанные народы, Нью-Йорк, 1978).

На XX съезде партии в 1956 г. была осуждена практика выселения советским правительством целых народов по ложному обвинению их в сотрудничестве с немцами во время войны. Это была практика геноцида гитлеровского типа, когда целый народ, включая стариков, женщин, детей, только по одному расовому признаку объявлялся «вражеским народом». Эта расправа была признана издержками «культа личности Сталина»; но вот Сталина более тридцати пяти лет нет в живых, а крымско-татарский народ, как немцы Поволжья и грузинские месхи (более 200 тысяч человек) все еще лишены права вернуться на их исконные земли. Это тем более странно, что уже после падения Хрущева инициатора реабилитации жертв сталинского геноцида – в сентябре 1967 г. были изданы Указ и постановления Президиума Верховного Совета СССР, согласно которым обвинение крымско-татарского народа и его выселение были признаны огульными. За крымскими татарами было признано право на проживание в любой части территории СССР, значит, включая и Крым. Правда, «издержки культа Сталина» все еще сохранились, ибо не была восстановлена Крымская АССР, но важно было другое: Кремль разрешает татарам возвращаться на свою родину. Очень быстро выяснилось, что само право крымских татар вернуться на родину оказалось фиктивным. Советское правительство одной рукой подписало постановление о праве татар жить, где им угодно, а другой рукой подписало секретную инструкцию властям в Крыму: не пускать туда татар; кто уже прибыл, того не прописывать; если кто купил дом в Крыму, то сделку объявить недействительной. До такой «двойной бухгалтерии» могли додуматься только «диалектики» из Кремля. Вот тогда и возникло массовое крымско-татарское национальное движение за возвращение на родину во главе с его мужественным лидером Мустафой Джемилевым, который за это двадцать лет провел в тюрьмах, лагерях и ссылке. В начале 1987 г. крымско-татарское движение за право вернуться в Крым и за восстановление Крымской АССР приняло такой широкий масштаб, что в него оказался втянутым весь народ, в том числе даже крымско-татарские коммунисты, занимающие руководящие посты в Узбекистане. Когда крымские татары устроили демонстрацию в Москве, на самой Красной площади, то Кремль оказался вынужденным реагировать на это. Но как? Двояко и двусмысленно. Было выпущено «Сообщение ТАСС» от 24. 7. 1987 г. Сообщение ТАСС начинается с констатации некоторых фактов: «В последнее время, – говорится в нем, – участились обращения крымских татар в партийные и советские

органы с просьбой пересмотреть законодательные акты, относящиеся к упразднению Крымской АССР. Они просят воссоздать автономную республику, восстановить, как говорится в их обращениях, "нарушенную историческую справедливость"». Далее в сообщении ТАСС говорится, что к этому вопросу привлекается внимание и деятелей советской культуры. В президиум Верховного Совета СССР в пользу того, чтобы «восстановить права крымских татар» обратились, в частности, писатели – Баруздин, Евтушенко, Окуджава, Приставкин («Правда», 24. 7. 1987). Дальше ТАСС старается доказать, что решение Государственного Комитета обороны от 11 мая 1944 г. о выселении татар было вызвано тем, что крымские татары во время войны сотрудничали с немцами. Приводятся выдуманные цифры о якобы созданных в Крыму татарских добровольческих воинских частях. Все, что делали немцы в оккупированном ими Крыму, приписывается «татарским националистам». Оказывается, не немцы, а татары истребили 86 тысяч жителей Крыма, да еще 42 тысячи военнопленных, 85 тысяч гражданских лиц «угнали в Германию». Чтобы создать впечатление, что в Крыму хозяйничали не оккупанты, а татары выдумана еще одна ложь – будто в Крыму было создано Крымское национальное правительство во главе с татарином. Ведь и самому советскому правительству хорошо известно, что Гитлер никаких «национальных правительств» не признавал, а тех, кто их создавал на оккупированной им территории СССР, немцы немедленно сажали в гестапо, чтобы другие им не подражали. Так было и с действительным первым национальным правительством Украины, созданным во Львове. Весь состав этого украинского правительства сидел в тюрьме гестапо до конца войны. Что в большинстве своем народы СССР, в том числе и сам русский народ, не хотели защищать тиранический режим Сталина, доказывает общеизвестный факт сдачи в плен около пяти миллионов красноармейцев в первые два года войны. Только тогда, когда Гитлер в своей зверской, античеловеческой практике в оккупированных областях доказал, что он такой же негодяй, как и Сталин, тогда народы СССР предпочли собственного негодяя чужеродному.

Татары не могли создавать какие-либо военные части в помощь немцам еще и потому, что все взрослое и здоровое мужское население Крымской АССР было мобилизовано в Красную Армию и находилось на фронте. Что крымские татары на фронте храбро воевали и что обвинение крымско-татарского народа в сотрудничестве с немцами ложно, признает и ТАСС во второй, так сказать, положительной, части своего сообщения. Там говорится: «Но в любом случае акт поголовного выселения крымско-татарского населения не является справедливым, тем более, что тысячи крымских татар активно участвовали в боевых действиях против фашистских захватчиков, были отмечены высокими государственными наградами Советского Союза». В сообщении сказано, что «для рассмотрения всего комплекса проблем» по крымско-татарскому вопросу по решению ЦК КПСС создана комиссия во главе с Громыко. Позднее стало известно, что в комиссию, кроме Громыко, входят еще Чебриков, Лигачев, Щербицкий, Воротников. Присутствие в этой комиссии трех известных сталинистов – Громыко, Лигачева и Чебрикова – не очень настраивает на оптимистический лад. Первое же сообщение о некоторых выводах, которые сделала комиссия, дает основание думать, что перспективы возвращения крымско-татарского народа на родину и восстановления его автономии весьма неутешительны. В новом сообщении ТАСС в «Правде» от 16 октября 1987 г. говорится, что комиссия заслушала доклады руководителей России, Украины и Узбекистана об «условиях жизни и труда» крымских татар на территории этих республик. Комиссия предложила «улучшить социально-бытовые условия татар, а также оказать помощь в развитии национального языка и культуры» в местах их проживания. Одновременно подчеркнуто, что необходимо «принять решительные меры по пресечению деятельности *экстремистски* настроенных лиц из числа крымских татар». Это уже открытый призыв к репрессиям против активистов из крымско-татарского движения за возвращение в Крым.

Однако, если «гласность» и «демократизация» не пустые слова, то Кремль вынужден будет уступить крымским татарам – разрешить им вернуться на их исконную родину и

заодно восстановить их национальную автономию.

Пока что Кремль не собирается встать на такой путь разрешения крымско-татарского вопроса. Созданная Политбюро «Государственная комиссия» во главе с Громыко по этому вопросу уже вынесла свое решение. Вот что оно гласит: «Созданы дополнительные условия для развития национальной культуры, расширены возможности изучения родного языка в школах Узбекистана… Увеличены объемы и тиражи газет, часы вещания по радио на родном языке… За послевоенный период в Крыму произошли существенные демографические и социальные изменения… с подавляющим большинством русского и украинского населения… Принимая во внимание все эти обстоятельства, комиссия пришла к выводу, что для образования крымской автономии нет оснований» («Правда», 9. 6. 1988).

Было бы странно ожидать от достойных учеников Сталина Громыко, Лигачева и Чебрикова, чтобы они изменили своему учителю Сталину даже в эру «перестройки», но поражает другое – до чего убоги и смешны аргументы отказа: мы вам увеличим количество часов для радиопрограммы на родном языке, к тому же ваш Крым занят русскими и украинцами, нет места там для вас!

Наш восточный мудрец мулла Насреддин бывал находчивее, если ему приходилось аргументировать свой отказ на какую-нибудь неприятную для него просьбу.

Приходит сосед:

– Мулла Насреддин, одолжите мне вашу веревку, я хочу поехать в лес за дровами.

– Не могу, я собираюсь сушить на ней пшеницу.

– Ну, Мулла Насреддин, что за ерунда, как можно на веревке сушить пшеницу?

Это не твоя забота, тебе вполне достаточно, что для отказа я нашел причину.

«Аргументы» и «причины», которые находят сталинские наследники, чтобы отклонить требования крымских татар о восстановлении их былой автономии, свидетельствуют не только о совершенно непонятной беззаботности Кремля в судьбоносных для России вопросах национальной политики, но и о том, что он признает обоснованность мотивов депортации тех народов, которые были возвращены на родину. К ним относятсясеверокавказские народы чеченцы, ингуши, балкарцы и карачаевцы. Вот этим народам периодически напоминают, что советская власть их справедливо наказала за коллаборацию с немцами во время немецкой оккупации на Кавказе. Это обвинение было абсурдным: во-первых, во время войны ни разу ноги немецкого солдата не было, например, на чечено-ингушской земле, во-вторых, как могли сотрудничать с немцами старики, женщины, дети, да и чечено-ингушские и карачаево-балкарские коммунисты и чекисты, которых тоже депортировали поголовно? Обвинение в сотрудничестве с немцами чеченцев и ингушей было разоблачено из-за очевидной его нелепости (я писал на эту тему специальный меморандум еще в 1948 г. на имя ООН, который потом вышел отдельной книгой еще при Сталине под названием «Народоубийство в СССР»). Теперь на первое место выдвигают другое обвинение: чеченцы и ингуши организовались в банды и стреляли в спину Красной Армии. Находят даже «свидетелей» из среды чечено-ингушского народа, которые доказывают, что Сталин был прав, выселяя их с родных мест. Одним из таких «свидетелей» является некий Боков, который даже стал «кандидатом исторических наук», обосновав тезис о справедливости акта геноцида над собственным народом. Причем он умудрился доказать, что как раз сталинские депортации и спасли чеченцев и ингушей от более худшей участи – от гитлеровского геноцида. Чтобы доказать это, по заданию ЦК КПСС он пустил в «научный оборот» фальшивку, в которой говорится, что 8 декабря 1941 года Вермахт издал директиву, где сказано: «Когда Грозный, Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем ввести в горы необходимые гарнизоны, и, когда в горах наступит относительное спокойствие, *всех горцев уничтожим.* Горского населения в Чечено-Ингушетии не так уж много, и десяток наших зондеркоманд может за короткое время *уничтожить все мужское население»* (газета «Советская Россия», 13.06.1970).

Конечно, такого документа Вермахта в природе нет, к тому же зачем Гитлеру понадобилось бы уничтожать именно чечено-ингушский народ, который никогда не мирился

со сталинской тиранией? Мораль фальшивки: Советская власть как бы «эвакуировала» чечено-ингушский народ, и это спасло его от уничтожения Гитлером. От «эвакуации» погибла только половина народа, а Гитлер собирался «всех уничтожить». Вот этот чечено-ингушский «историк», судя по его писаниям, секретный сотрудник местного КГБ, достиг вершины карьеры в своей республике – сначала его сделали вторым секретарем обкома партии, теперь он «президент» республики – председатель президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. Этому типу в разгаре перестройки и гласности журнал «Коммунист» (№ 2, 1988) поручил написать статью под директивным названием: «Формировать интернационалистские убеждения». В ней автор повторяет старые обвинения, присовокупляя к ним новые обвинения против своего народа: чечено-ингушский народ расширяет сферы действия ислама, открывая новые мечети, упорно держится за «реакционные традиции», культивируя религиозные праздники, разжигает местный национализм, от которого бегут из республики русские. Журнал «Коммунист» не осмелился повторить на своих страницах старую фальшивку о «директиве» Вермахта, но зато добросовестно воспроизвел старые обвинения об обоснованности и справедливости сталинского геноцида.

Приведу только одну цитату, которая сама за себя говорит: «Суровым испытанием для всех народов СССР стала Великая отечественная война. Сыны и дочери Родины с оружием в руках защищали ее… Обнаружилось, однако, и подлинное лицо антисоветских элементов… Здесь (в Чечено-Ингушетии) предатели, враги Советской власти активизировались: сколачивали террористические группы, совершали диверсионные акты, покушались на партийных и советских активистов… Грязные преступления изменников послужили одной из причин трагедии, выпавшей на долю чеченцев и ингушей, – их поголовного выселения из родных мест. Да, были предатели, и их было немало» (стр. 89). Верно, «предателей» во времена Сталина действительно было «немало» – в концлагерях таких «предателей» сидело около 10–15 миллионов человек.

Так как автор доподлинный «интернационалист», то от клеветы на свой народ он переходит к дифирамбам «старшему брату». Но посмотрите, как неумно поступают великорусские шовинисты из «Коммуниста», вкладывая в его уста такие слова: «Русский народ проявляет такую заботу о народах Северного Кавказа, что проявляет старший брат к младшему в семье» (стр. 90). Это значит танцевать на кавказских похоронах наурскую лезгинку. Северокавказцев погнали на верную смерть в «спецлагеря» Казахстана, где половина из них и погибла от голода, холода и эпидемии тифа. Еще одна такая «забота» «старшего брата» – и тогда от северокавказцев останутся лишь одни воспоминания, какие остались от других северокавказских народов убыхов и некоторых тюрко-нагайских племен, поголовно истребленных во времена завоевания Кавказа.

По тому же вопросу о мотивах депортации чеченцев и ингушей и ее правомерности высказался и другой представитель этого народа – московский профессор, доктор экономических наук Р. И. Хасбулатов в интервью «Комсомольской правде» от 17 июня 1988 г., которому предпосланы от редакции следующие слова:

"Наши пятилетки – это ленинская политика дружбы народов, переведенная на язык экономики". Еще недавно такие лозунги горделиво красовались во многих городах. Но сегодня вдруг выяснилось, что язык нашей экономики не очень внятен, а межнациональные отношения не столь безупречны… О причинах этих явлений с доктором экономических наук профессором Р. И. Хасбулатовым беседует наш специальный корреспондент Станислав Оганян».

Я приведу из него только те ответы, которые имеют прямое отношение к теме депортации чеченцев и ингушей.

– Руслан Имранович! Сегодня уже очевидно, что был слишком поспешно сделан вывод о достижении гармонии в национальных отношениях. Об этом свидетельствуют факты последнего времени. Вы – экономист. Давайте непростую тему обсудим с точки зрения экономиста…

"Тонкости", "оттенки" вопроса представляю далеко не столь глубоко, как хотелось бы. Предложение обсудить проблему принимаю – как экономист. Ибо в тенденции к определенному нарастанию межнациональных коллизий я усматриваю прежде всего экономический аспект.

– Правильно ли считать экономическую сторону определяющей? Не следует ли рассматривать "национальный фактор" как самостоятельную силу?

– "Ничто не возникает из ничего"… Все имеет свое начало. Известно: там, где существует действительное, реальное равенство людей – а базой, основой всякого равенства выступает прежде всего экономическое равенство, – там бывает мало противоречий. Там чаще наблюдается гармония интересов. Почему? Потому что интересы каждого реализуются одинаковой мерой. Не важно, какой это коллектив: одно- или многонациональный. В многонациональном же коллективе элемент неравенства усугубляется, осложняется еще и подозрениями в национальной дискриминации. И если не решить проблему кардинально, т. е. не обеспечить подлинного равенства всех на деле, то национальный фактор, обрастая дополнительными наслоениями, противоречиями, трудностями, превращается в действительно самостоятельную, самодовлеющую, автономную силу, нередко запутывая саму суть вопроса.

– Хорошо бы это положение проиллюстрировать на каком-либо конкретном примере…

– Если можно – на собственном. Мое детство прошло на самом севере Казахстана, в небольшом селе Полудико, куда мы, чеченцы, были перемещены в феврале 1944 года со статусом "спецпереселенцы". Село поневоле оказалось интернациональным. Кроме нашей семьи – матери, двух моих старших братьев и сестры, там поселились еще несколько семей наших родственников и бывших односельчан, десятка три семей из бывшей Немцев Поволжья АССР, корейцы, татары. При абсолютном преобладании русского населения.

Жили мы там лет десять. И я не помню ни одного скандала на национальной почве, ни одного оскорбления. А ведь мы были «спецпереселенцы»… Почему в данном случае произошло несовпадение официальной государственной позиции, выразившейся в факте насилия над нами, и общественного мнения в этом небольшом, богом забытом селе? Ответ я нахожу именно в факторе нашего фактического равенства со всеми жителями этого села.

Посудите сами. С 5–6 лет я, точно так же, как и другие мальчишки, по мере своих сил, помогал матери, семье. Мать работала колхозной дояркой. Я (как, повторяю, и другие) делал, что мог: доставал из глубокого колодца воду, поил коров, чистил коровники зимой, ухаживал за телятами в 40-градусный мороз. Возил сено, копал картошку, ездил в лес за дровам и т. д. Все в селе были в одинаковом положении – одинаково бедны. Всем всего не хватало, особенно хлеба – трудодни-то были в основном пустые…

Рядом с моей матерью работали матери моих сверстников – и тоже до кровавого пота: русские, казашки, немки, кореянки… Моя первая учительница Вера Владимировна чуть ли не ежедневно приходила к нам домой, отшагивая добрых пять километров. Зачем это надо было ей – возиться с мальчишкой из семьи преступников? Она могла бы спокойно «подвести» меня под исключение… Я думаю о ней и понимаю, что с ее стороны это был урок подлинного интернационализма и доброты человеческой.

Начальство ассоциируется у меня с 2–3 бригадирами да председателем колхоза. Это были люди строгие, но справедливые. Сами работали рядом с колхозниками, когда требовала обстановка. Мать не обижали, наоборот, поощряли, называя лучшей дояркой. Конечно, это было «равенство нищих». Но оно было для всех и по самой своей сути исключало причины для межнациональных конфликтов.

– Ну а если несколько отвлечься от чисто экономической стороны проблемы, что, на ваш взгляд, вызывает вспышки национализма? Какова их природа?

– Причин много. Не берусь судить обо всех. Однако важен ленинский методологический подход при анализе подобных ситуаций. Он состоит в следующем: никогда, ни при каких обстоятельствах не стремиться делать «козлом отпущения» народ. Этот ленинский метод наши «провинциальные дантоны и республиканские Робеспьеры»

решительно отбрасывают, сваливая всю вину на народ и в то же время выводя за грань критики само «руководство», неразумные действия которого как раз и задевают национальную гордость и самолюбие.

Вот давайте полистаем газету «Грозненский рабочий» за 26 января 1988 г. Идет пленум обкома партии. В повестке дня – руководство перестройкой. Но что это? Вместо анализа сегодняшнего положения докладчик возвращается к «смутным» временам трагического 1944 года и начинает пространно рассуждать о том, как враги (речь идет о чеченцах и ингушах) подло наносили удары в спину Красной Армии, сколько было банд, их численность, вооружение, экипировка и т. д. Право, даже мне, никогда не жившему в этой республике, неприятно читать все это. А что говорить о жителях Чечено-Ингушетии?

И все-таки давайте до конца разберемся с этими «бандами». Они «появились» в результате фальсификаций, придуманных Берией, Сталиным и их местными прихлебателями. Была состряпана преступная идея о «виновности» народа, его пособничестве врагу. Но правда восторжествовала. Народ полностью реабилитирован. С того дня прошло почти 30 лет, а разговоры о «бандах» получили самостоятельную жизнь и свободно «гуляют» по миру, мстя целому народу, «расстреливая» его. Время от времени местные деятели «пробивают» свои лживые статейки и в центральной печати. Спрашивается: с какой целью осуществляется «обстрел»? Думается, здесь налицо рецидив «локальной сталинщины»: запугать, поставить «на место»: «Вы-де все равно виновны…» Не в этом ли причина необычайной, прямо-таки патологической боязни местных руководителей из чеченцев и ингушей прослыть «националистами»? Они не могут и не хотят выступать на своем родном языке по телевидению, в местных газетах. И даже гордятся этим. О руководителях русского происхождения и говорить не приходится – язык коренного народа в большинстве своем они и подавно не знают. Право же, можно подумать, что товарищ Колбин, выучивший грузинский язык, работая в Грузии, а теперь и казахский, менее занят, чем некоторые чиновники из Чечено-Ингушетии.» Из другого интервью «Известиям» (22. 3. 1988) русских историков Л. Дробижевой и Ю. Полякова выясняется, что можно писать о «чечено-ингушских бандах», об их «предательских ударах в спину Красной Армии». Но нельзя писать о восстановлении республики, ибо тогда пришлось бы рассказать о ее ликвидации. Вот ответ на соответствующий вопрос члена-корреспондента Академии Наук СССР Ю. Полякова:

«… Мы большие мастера замалчивать трудности в национальных вопросах. Вот Северный Кавказ, высылка целых народов, их возвращение. Чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы от мала до велика знают, что с ними происходило с 1944 по 1956 год. И когда об этом историки молчали, какое может быть уважение к истории? Приступая к написанию истории Северного Кавказа, сотрудники Института истории СССР столкнулись с прямыми возражениями местных партийных и научных работников… Аргументы возражений были странные: если, мол, говорить о восстановлении, нельзя не сказать о ликвидации, а это значит ворошить прошлое».

Даже в эру гласности и второй волны разоблачения сталинщины люди, которые причисляют себя к «интернационалистам», пишут о чеченцах и ингушах и об их трагедии самые дикие вещи. Сталина, которого обвиняют во всех грехах, своих и чужих, подчеркнуто оправдывают, когда говорят о его депортации чеченцев и ингушей. Странным образом как раз сейчас над чечено-ингушским народом учиняют новый духовный геноцид. Оказывается, излюбленное хобби чеченцев и ингушей – издревле – «резать русских»! И этому русские люди верят. Н. Старцева написала на эту тему статью в «Литературной газете» от 3 августа 1988 г. под названием «О национальных болестях». Она пишет: «Живущие бок о бок с чеченцами и ингушами русские, украинцы, армяне, татары, люди других национальностей имеют слабое представление о том, что волнует исконных жителей этих мест, лишены самой возможности узнать об их традициях, обычаях, культуре, злободневных вопросах национального бытия. (Почему бы в этих условиях и не принять на веру высказывание действующего лица повести А. Приставкина, что у чеченцев "резать русских – это

национальная болесть такая!", как это сделал автор одного литературного обозрения.)». Н. Старцева продолжает: «В 1944 г. чеченцев и ингушей вместе с несколькими другими народами Северного Кавказа этапировали за тысячу километров. В 1948-м в постановлении об опере В. Мурадели, "претендующей на изображение борьбы за установление Советской власти и дружбы народов на Северном Кавказе в 1918–1920 гг. ", предписывалось уяснить, что "помехой для установления дружбы народов в тот период на Северном Кавказе являлись ингуши и чеченцы"».

Это постановление ЦК партии, в котором задним числом Сталин и Жданов старались оправдать геноцид, было самой великой ложью и прямым издевательством над историческими фактами. Ведь это генерал Деникин писал, что двигаясь на Москву, он вынужден был оставить в Чечено-Ингушетии одну треть своих вооруженных сил, ибо Чечено-Ингушетия, заключив союз с большевиками во главе с Орджоникидзе, превратила свою страну, по его словам, в «бурлящий вулкан». Ведь это тот же Деникин требовал от чеченцев и ингушей, с угрозой сожжения их аулов, выдать Орджоникидзе, лидера чеченцев Таштемира Эльдарханова, лидера ингушей Вассан-гирея Джабагиева, а когда чеченцы и ингуши отказались их выдать, действительно, белые сожгли дотла два десятка чечено-ингушских аулов. Ведь это сам Сталин писал на страницах «Правды» в 1918 г., что революционная Чечня во главе с командующим Чеченской Красной Армией Асланбеком Шериповым (убитым белыми в 1919 г. в боях под Воздвиженской) храбро борется за Советскую власть. Ведь это Серго Орджоникидзе докладывал в 1919 г. в телеграмме на имя Ленина, что во Владикавказе под его руководством съезд ингушей провозгласил Советскую власть. Все эти факты хорошо известны историкам. Но какое было дело Сталину до исторических фактов? Если факты говорили против него, то он обычно отводил их аргументом уголовника: «Если факты действительно таковы, то тем хуже для самих фактов».

Сталина давно нет, но почему же «новомышленники» из Кремля разрешают своим идеологам проповедовать и дальше каинову философию Сталина о «контрреволюционных народах – чеченцах и ингушах»? Ну, хорошо, Сталин закрыл все архивы, в том числе и старые советские газеты. Поэтому молодое русское поколение не знает не только истории нерусских народов, но даже и собственной истории. Однако «Отечественная война» происходила на памяти нынешних руководителей Кремля. Ведь эти руководители точно знают, что чеченцы и ингуши не сотрудничали и не могли сотрудничать с немцами по двум причинам: во-первых, чеченцы и ингуши не могли переходить на сторону немецкой армии, ибо их, начиная с февраля 1942 г., в Красную Армию не брали, а тех, которые уже находились в Красной Армии, демобилизовали; во-вторых, чеченцы и ингуши не могли с ними сотрудничать, так как ни одного клочка чечено-ингушской земли немцы не заняли.

Вернемся к статье Н. Старцевой. Она пишет: «Литература, сбрасывающая покровы со сталинщины, обнажает и психологический механизм, благодаря которому люди начали верить в то, во что поверить, казалось бы, невозможно, начинали уговаривать и обманывать себя. У Л. Чуковской («Нева», № 2) Софья Петровна долго убеждена, что другие матери – матери изменников, убийц и врагов, она же среди них случайно, ибо ее-то сын невиновен». Сознанию свойственно искать какие-то правдоподобные объяснения… «Дело в том, что детей, как, впрочем, и многих других, – пишет Г. Муриков в другом ленинградском журнале («Звезда», № 12, 1987) о повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая», – привезли на богатые и плодородные земли Кавказа… освободившиеся после выселения чеченцев». Почему же их выселили? Г. Муриков отвечает (цитирую по Н. Старцевой): *«Массовое сотрудничество с немцами,* измена – серьезнейшие преступления перед народом, – в этом были основания для столь решительного действия (имеется в виду сталинское выселение народов, – Н. Старцева). Но кое-кто, разумеется, скрылся. И вот – уже на новой основе – вновь вспыхивает нечто подобное басмачеству». Это утверждение о «массовом сотрудничестве с немцами», Н. Старцева опровергает ссылками на факты. Вот ее комментарий: «Прежде чем подводить задним числом обоснование под сталинские решения, в результате которых погибли сотни тысяч безвинных людей, не худо было бы заглянуть в

карты военных действий на Кавказе в 1942–1944 годах и увидеть, что территория Чечено-Ингушетии вообще не была оккупирована – уже по одному этому не могло быть "массового сотрудничества" с врагом. Критик, переходящий к обобщениям, мог бы после ознакомления с историей узнать еще и о том, что у чеченцев и ингушей не было ни одного даже малого войскового формирования, которое сражалось бы против наших войск». Н. Старцева заключает: «Меня поразили слова поэта Хусейна Сатуева, сказанные им при нашей встрече в г. Грозном: "Надо, чтобы была правда. Наши народы испытали на себе чудовищную жестокость культа. Мы до сих пор плачем на наших камнях. Зачем нам погибать дважды? Ведь когда о народе пишут разные вымыслы, мы снова умираем в общественном мнении"». Автор кончает статью вопросом: «Все ли сделано, чтобы реабилитация вернувшихся воплотилась в материальных формах – в том числе и в создании равных возможностей для творческой самодеятельности народов?»

Вероятно, долго, долго надо ждать ответа на этот вопрос. Вот как раз в августе 1988 г. американский Конгресс принял закон, согласно которому американцы японского происхождения, которые были заключены в лагеря после объявления войны Японией Америке, получают вознаграждение двадцать тысяч долларов на человека. Сам акт заключения в лагеря (без конфискации имущества) этих людей президент Рейган назвал «великой трагедией». Конечно, никакого сравнения не может быть со сталинским народоубийством в СССР и временным лишением свободы общения японских американцев с внешним миром, с целью обезопасить страну от шпионажа. Зато напрашивается другое сравнение: жертвы сталинского геноцида не только не получают вознаграждения за свои муки, наоборот, одних из этих жертв не пускают до сих пор на свои древние земли, других, которые были возвращены Хрущевым, все еще травят за мнимую измену и «массовое сотрудничество с немцами». Горбачев легко мог бы положить конец этой непонятной кампании нового «духовного геноцида» над чечено-ингушским народом, назвав сталинский геноцид сталинским преступлением.

Заодно хочу привести здесь и рассказ члена Президиума Верховного Совета СССР, известного писателя Расула Гамзатова об антинациональных «перекосах» в его родном Дагестане. Гамзатов, как и Олейник в отношении Украины, обвиняет в великодержавной политике не русских бюрократов, а их местных лакеев. Вот его рассуждения в интервью «Известиям»:

«В Махачкале нет ни одного детского сада, ни одной школы, ни одного класса, где учили бы языку наших предков. Но откуда взяться им, если местное педучилище больше не выпускает преподавателей аварского, даргинского, лакского языков… а ведь в городах живет половина дагестанцев… Я убежден, что в Москве никто не был заинтересован в том, чтобы в педучилище было упразднено преподавание национальных языков, литературы и истории».

Вот тут Гамзатов, как и Олейник, глубоко ошибается. Аварский язык – это язык великих имамов Дагестана, которые больше полвека воевали с Россией за кавказскую независимость. Нельзя преподавать правдивую историю Кавказа, не рассказывая о них. Ведь сам же Гамзатов сообщает: «До сих пор тема Шамиля остается запретной в дагестанской литературе… Сегодня в Дагестане по указанию местного начальства (!) тщетно разыскивают факты, которые подтвердили бы… добровольное присоединение к России… Памятник генералу Ермолову в Грозном, насколько мне известно, до сих пор вызывает отнюдь не безобидные эмоции». Свою критику Гамзатов заключает словами: «Некогда слияние национальных языков обещалось как скорый апофеоз дружбы народов. Сегодня это звучит диковато» («Известия», 29. 3. 1988).

Гамзатов – большой поэтический талант Кавказа и автор замечательной книги «Мой Дагестан», но где его книга о трагедии депортированных кавказских народов. Русский писатель Анатолий Приставкин написал на эту тему названную повесть. Другой русский писатель, которому навеки обязан поэтический и фольклорный Восток за его классические переводы на русский язык, – Семен Липкин выпустил захватывающую книгу о той же кавказской трагедии. Причем Семен Липкин, о гражданском мужестве и высоком чувстве

гуманизма которого мне рассказывал Владимир Войнович, выпустил свою книгу на Западе, во времена Андропова, явно рискуя тюрьмой или психушкой, а вот кавказец Гамзатов упорно молчит о трагедии земляков, хотя ничем не рискует, да еще сам Горбачев считает его своим «старым другом». Между тем он в большом моральном долгу как раз перед чеченцами и ингушами за свои писания о них из «культовской» эпохи.

V. Альтернатива: принудительная империя или конфедерация независимых государств

В СССР существует не только национальный, но и русский вопрос. Национально русских никто не угнетает, но политически и социально русские так же угнетены и так же бесправны, как и другие народы. Раньше ссылались на латышей, евреев и кавказцев, но теперь русских угнетают сами русские. От этого русскому народу не легче. Чтобы понять трагедию нерусских народов, важно знать истоки трагедии самого русского народа. Бесчисленное количество трудов посвящено «загадочной душе» русского человека, которому, оказывается, кнут нравится больше пряника. Но никто не хочет заметить, что под кнут он собственно попал в поисках пряника, пряника не только для себя, но и для всех, в интернациональном масштабе. Это в характере русского человека – не будучи счастливым самому, стремиться осчастливить всех. Руководствуясь благими намерениями он может губить себя и других. Недаром поэт сказал о русском человеке: «Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано». Широта его характера во многом объясняется свойствами как духовного, так и геополитического порядка. Несправедлив Пушкин, сказавший, что русский человек ленив и нелюбопытен. Его первоначальная экспансия собственно не диктовалась, как у других колонизаторов, меркантильными побуждениями в поисках соболиных шкур, золотых приисков или пленения чужеземцев с целью превращения их в своих рабов. Его толкал непреодолимый зуд крайнего любопытства: узнать, что лежит дальше за горизонтом, какие и как живут там народы. Не случайно в космос первым полетел тоже русский человек. Колониальный аппетит пришел во время еды – народное любопытство, поставленное на службу государству, послужило делу экспансии, начиная с Ермака. Скромная по размерам территории Московская Русь растянула свои границы от Балтики до Тихого океана и даже добралась до американского материка – территориально до Аляски и промышленно до самой Калифорнии. Русская трагедия обозначилась, когда Русь начала выходить за свои территориально-этнографические границы. Расширение Руси привело к сужению, а потом и к ликвидации свободы русского человека. Человек, который хотел осчастливить других, стал самым несчастливым человеком в мире. Историк Ключевский хорошо видел эту связь между разбуханием Российской, тоже в своем роде «лоскутной», Империи и потерей русским народом свободы и гражданских прав. Он писал: «До половины XIX века внешне территориальное расширение государства идет в обратно пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа… По мере расширения территории вместе с ростом внешней силы народа все более стеснялась его внутренняя свобода… На расширяющемся завоеваниями поприще увеличивался размах власти, но уменьшалась подъемная сила народного духа. Внешне успехи новой России напоминают полет птицы, которую вихрь несет и подбрасывает не в меру сил ее крыльев». Не только свободу терял народ, но он от внешних завоеваний не богател, как западные народы от их колониальных грабежей, а, наоборот, становился еще беднее. Эту истину Ключевский выразил в лапидарной формуле: «Государство пухло, а народ хирел» (В. О. Ключевский, «Курс русской истории», т. 3, стр. 8). Именно в этом заключалось роковое отклонение русского исторического процесса от западного. Величие государства достигалось ценой физического и духовного рабства. Так было всегда. Так оно и сегодня, когда, чтобы играть роль военной сверхдержавы, надо держать людей на уровне жизни малоразвитых стран, а границы самого государства – на замке. Именно из-за вечной нужды и порабощенности в русском человеке родилось глубочайшее чувство социальной

справедливости, переходившее прямо-таки в патологическую ненависть к своим угнетателям. В том и другом он не знал меры. Все эти Пугачевы и Разины, Желябовы и Перовские, Нечаевы и Ткачевы и их гениальный синтез – Ленин могли родиться только в России. Именно эти крайности в русском характере – любовь и ненависть, милосердие и жестокость, «все или ничего» – виртуозно были использованы Лениным и Троцким, когда они одной лишь бесшабашной социальной демагогией легко навязали этому же народу беспрецедентный в истории казарменно-полицейский социализм. Русский народ так же не мечтал о таком социализме, как свободный человек не мечтает попасть в тюрьму. Обещанный «рай на земле» обернулся величайшим в истории обманом. Однако, великий народ не имеет права пользоваться привилегией быть обманутым. Надевая цепи на самого себя, он не смеет заковывать в них другие народы. Да, его изнасиловали из-за оплошности, но, как выражался Маркс, оплошность простительна легкомысленной девушке, потерявшей из-за нее свою невинность, но никак не мудрому и великому народу. Более того. На русском народе лежит историческая ответственность за его прямо-таки сказочное терпение. Сталин на торжествах в Кремле по поводу победы в войне похвалил русский народ именно за его терпение, добавив, что советское правительство делало ошибки, за которые другой народ прогнал бы свое правительство. Сталин был прав. Во время войны власть перешла от клики Сталина к вооруженному русскому народу. Он сверг и уничтожил чужеземных тиранов, но сохранил своего тирана, да еще собственную победу приписал ему одному, первому дезертиру первого периода войны. В чем же причина этого нескончаемого долготерпения?

Гитлер убил шесть миллионов евреев, из них его подданных было менее трехсот тысяч, а Сталин убил, по подсчетам проф. И. А. Курганова, 66 миллионов собственных подданных (в СССР пишут, что Сталин убил «только» 55 миллионов чел.). И все же ностальгия по нему возрастает. Ведь Хрущев потерял свой пост главным образом потому, что он разоблачил величайшего преступника в маске лжебога. Но даже и Хрущев не решился на большее, чем вынести Сталина из мавзолея Ленина и похоронить его тут же на Красной площади. Удивительно, что и сегодня, в эру Горбачева и его «гласности», через 35 лет после смерти тирана, вождей партии все еще одолевают гамлетовские сомнения: «быть или не быть Сталину преступником?». Сомнениям не положил конец даже сам Горбачев, когда к 70-летию Октября дал «диалектический» ответ о роли Сталина: «Руководящее ядро партии, которое возглавлял И. В. Сталин, отстояло ленинизм в идейной борьбе» («Правда», 3. И. 1987 г.). Но тут же добавил, что позже, в 30-х годах Сталин стал преступником. Даже нашлись «инженеры человеческих душ» типа Чуева, которые повелительно требовали от Кремля: «Верните Сталина на пьедестал, нам, молодежи, нужен идеал»! Уникальный преступник как идеал советской молодежи – такое может написать только духовный раб, а внимать такому призыву – только государственные рабовладельцы. Невольно задаешь себе вопрос, не имеем ли мы здесь дело с феноменом атавизма у потомков крепостных. Вспомним знаменитое лермонтовское: «Прощай немытая Россия, страна рабов, страна господ…». Вспомним Чехова: «Надо по капле выдавливать из себя раба…». Вспомним еще раз и цитату Ленина из Чернышевского: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы». Вспомним также и абсолютно правильный комментарий Ленина, который целиком можно отнести к рабам созданного им государства: «Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремления к своей свободе, но оправдывает и приукрашивает свое рабство… такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам». Удивительным образом с ними сходна мысль талантливого советского критика наших дней – Татьяны Ивановой в ее статье в «Литературной газете». Вот ее слова: «Не в том ли суть перестройки, что мы все обязаны очнуться, взять себя в руки и вспомнить свои основные права, те права, за которые, не щадя себя, боролись наши предки, шли на каторгу… которые они отстояли в 1917 году… Главное из этих прав было право на свободу… Перестроиться – значит побороть в себе *рабство,* одолеть собственное ничтожество».

Спрашивается, в чем же все-таки истоки величия и «ничтожества» русского характера?

Почему даже сейчас чисто внутренняя задача – «перестройка» – тоже должна стать по Горбачеву мировой программой? Знаменитую формулу псковского инока Филофея о Москве: «Два Рима пали, третий стоит, четвертому не бывать» модернизировал недавно московский «инок» из движения «Память»: «Москва – четвертый Рим плюс социализм», – сказал он. Московский «инок» явно перекликается с философией глобальной стратегии «перестройки» Горбачева. Горбачев, как и все его мессианские и коммунистические предшественники, начал с того, что уже в самом названии своей книги выразил суть своей исторической миссии: «Перестройка и новое мышление для нашей страны и *для всего мира»*. Книгу он заключил словами: «Сейчас весь мир нуждается в перестройке… в качественном изменении… Мы встали на этот путь и призываем встать на него другие народы и страны» (М. С. Горбачев, названная книга, Москва, 1987).

Почему свободные и процветающие страны Европы и Америки должны следовать примеру кремлевской перестройки, задуманной, чтобы вывести собственную страну из глубокого экономического и социального тупика? Ответ дал Горбачев в своем докладе к 70-летию Октября: «Перестройка» – это продолжение Октябрьской революции 1917 года; добавив: «Сегодня мы видим: человечество действительно не обречено вечно существовать так, как оно жило до Октября 1917 г. Именно Октябрь, именно социализм указывают человечеству маршруты, ведущие в будущее» («Правда», 3. 11. 1987).

Страна, которая 70 лет прозябает в полунищете, указывает человечеству «маршруты, ведущие в будущее» – что это: реальный анализ собственной ситуации или это ритуальный бред догматиков? Или это просто политическая шизофрения Кремля? Филофей мечтал о «Третьем Риме», Ленин – о «Мировой советской республике», а Горбачев хочет провести мировую «перестройку». От Филофея до Горбачева прошло более 450 лет, а философия одна и та же? В чем ее секрет?

Бердяев думает, что корни русского максимализма надо искать в русском характере и русском образе мышления. Бердяев – русский философ широкого образа мыслей. В своей роли интерпретатора «русской идеи» как человек истинно русский, он уникален, ибо еще не было другого русского мыслителя, который бы так свободно, так беспристрастно мог говорить о собственном народе, как он. Бердяев любит выражаться парадоксами, порой бьющими в цель, но и нередко спорными. Когда Бердяев писал свою самую известную книгу «Русская идея», перед его глазами была не собственная русская аудитория, а западный мир, всегда враждебный русскому самосознанию. Бердяев в какой-то мере потакал западным предрассудкам о России. Отсюда и невероятная популярность Бердяева на Западе, тогда как в России он пользуется успехом большей частью у либеральных интеллектуалов. При всех этих оговорках, вытекающих из моего субъективного восприятия, все-таки вклад Бердяева в «русоведение» по своей оригинальности превосходит все, что писали иностранцы и сами русские на данную тему. Я не философ и не психолог, чтобы позволить себе рассуждения о русском характере и русской душе. Поэтому я и не судья писаниям Бердяева. И все-таки кажется, что без Бердяева нельзя понять политическую генеалогию «Филофей – Ленин – Горбачев», с одной только очевидной оговоркой: в основе советского коммунизма лежит не мессианская идея Филофея, как думает Бердяев, а всем известная коммунистическая идея английских утопистов Томаса Мора и Роберта Оуэна, итальянского утописта Томмазо Кампанеллы, французских утопистов Фурье и Сен-Симона и немецких утопистов Маркса и Энгельса с их так называемым «научным социализмом». Марксизм, согласно самому Ленину, синтез «трех источников» французского социализма, английской классической политэкономии и немецкой классической философии. Да, коммунизм в Восточную Европу принесли русские танки, но коммунизм в Китае и Индокитае, на Кубе и Эфиопии, в Анголе и Никарагуа (продолжение следует) не продукт русской души, порой даже продукт антирусской души (Китай, Югославия, Албания, Польша). Что же касается русского вклада в коммунизм в виде знаменитой русской крестьянской общины, то ее коммунистическую роль Маркс признавал лишь в том случае, если еще до ее разложения, на Западе произойдет «пролетарская революция». Единственный и действительный вклад русских в марксизм

исходит от Ленина и его ученика Сталина. Он может быть охарактеризован очень коротко: *«тотальная и тоталитарная дегуманизация марксизма»,* развивающая из него идею физического насилия («Диктатура пролетариата») и превращающая марксизм в идеологическую сивуху, в эрзац-религию. Одно бесспорно: глобальная концепция утопического коммунизма находится в каком-то родстве с глобальной философией русского мессианства. Но Бердяев идет дальше, делая далеко идущие обобщения о характере русского народа. Народ в догматической фантазии марксистов, каким когда-то был и Бердяев, играет ведущую роль в истории. На самом деле народ есть то, что из него делают его водители. Обратное влияние очень условное. Но в каждом народе есть своя собственная специфика национальных черт, благородных и низменных, жестоких и милосердных, агрессивных и миролюбивых, которыми политические манипуляторы пользуются, каждый раз апеллируя к той стороне полярных черт, которые наилучшим образом служат достижению поставленной ими цели.

В этом смысле Бердяев не прав, приписывая только одним русским поляризованные черты, свойственные любой нации. Однако полезно знать что же Бердяев говорит о русских национальных чертах. Бердяев начинает свою «Русскую идею» со знаменитой цитаты из Тютчева: «Умом России не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить». Вся книга Бердяева посвящена тому, чтобы «умом Россию понять» и «аршином общим измерить». Выводы, к которым он пришел изложены в первой же главе. Вот наиболее яркие из этих выводов:

«Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, то есть совмещение противоположностей. Им можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушить к себе сильную любовь и сильную ненависть».

«По поляризованности и противоречивости русский народ можно сравнить лишь с народом еврейским. И не случайно, что именно у этих народов сильно мессианское сознание».

«Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ, в русской душе боролись два начала, восточное и западное».

4. «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли ирусской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине».

5. «Русский народ не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, онбыл более народом откровений, вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайность».

6. «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисийская стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» (Н. Бердяев, стр. 5–7).

Немного дальше Бердяев связывает русскую идею империализма и коммунизма опять-таки с русской идеей мессианства: «После народа еврейского русскому народу наиболее свойственна мессианская идея, она проходит через всю русскую историю вплоть до коммунизма… Империалистический соблазн входит в мессианское сознание… Духовный провал идеи Москвы как третьего Рима был именно в том, что Третий Рим представлялся как проявление царского могущества, потом как империи, и, наконец, как Третий

Интернационал» (там же, стр. 11–12).

Потом русское чисто религиозное мессианство переместилось в область политическую и стало кредо русского империализма. Бердяев пишет: «В русском мессианизме, столь свойственном русскому народу, чистая мессианская идея Царства Божьего, царства правды была затуманена идеей империалистической, волей к могуществу. Мы это видели уже и в отношении идеологии Москвы – Третьего Рима. И в русском коммунизме, в который перешла русская мессианская идея в безрелигиозной и антирелигиозной форме…» (там же, стр. 197–198).

При всем своем внешне русском нигилизме и критичности по отношению к «поляризованным» чертам русского народа, при всем пафосе свободы и осуждении тирании русский империализм для Бердяева – не следствие, а искажение и русской истории и русского мессианства. Вот его заключение: «Русские думали, что Россия – страна совсем особенная с особенным призванием. Но главное была не сама Россия, а то, что Россия несет миру, прежде всего – братство людей и свободу духа. Русские устремлены не к царству этого мира, они движутся не волей к власти и могуществу. Русский народ по духовному своему строю, не империалистический народ, он не любит государство. Вместе с тем, это – народ – колонизатор и имеет дар колонизации, и он создал величайшее в мире государство… Получилась болезненная гипертрофия государства, давившего народ и часто истязавшего его. В сознании русской идеи, русского призвания в мире, произошла подмена. И Москва – Третий Рим, и Москва – Третий Интернационал связаны с русской мессианской идеей, но представляют ее искажение. Нет, кажется, народа в истории, который совмещал бы в своей истории такие противоположности. Империализм всегда был искажением русской идеи и русского призвания» (там же, стр. 218).

Когда Бердяев заносил на бумагу эту «Русскую идею» – это было уже в 1946 году – «Москва – Третий Рим» закрыла свой «Третий Интернационал», но расширила свои границы в Европе до самой Эльбы, включив в свой состав полдюжины восточноевропейских государств, одну треть Германии, половину Австрии, а в Азии всю Маньчжурию, южный Сахалин и Курильские острова прямо под носом у Японии. Но я всегда делал и делаю разницу между царским империализмом и империализмом советским. Разница не в субстанции обоих типов империализма, разница количественная и качественная. Царский империализм не был глобальным даже в маске мессианства, он был региональным – евроазиатским. Советский империализм – глобальный, ибо его стратегическая цель – создание коммунистического общежития во всем мире. Качественная разница беспримерна по своей чудовищности – царизм преследовал цель умиротворения непокорных народов, большевизм – истребление непокорных методами массового террора и даже геноцида по расовому признаку, как у Гитлера (поголовная депортация чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкар, крымских татар, калмыков, месхов, немцев Поволжья). Царизм практиковал политику русификации, но ни одному царю не приходила в голову мысль денационализировать нерусские нации России, заставляя их поголовно изучать русский язык вместо родного языка.

Но главный недостаток тезисов Бердяева о русском характере заключается, на мой взгляд, в их «неисторичности». Бердяев пишет в конце первой половины XX века о русском народе, жившем в позднем средневековье. Отсюда легковесная игра в терминологию: «Москва Третий Рим» Филофея, которая как бы по столбовой дороге русской истории ведет прямо к Москве «Третьего Интернационала» Ленина. Недостаток такой схемы в том и заключается, что тот русский народ, о котором Бердяев рассуждал, давным-давно был на кладбище. 1917 год – это разрыв русской духовной и национальной истории с прошлым. Тот русский народ, который совершил Октябрьскую революцию, вербовался, кроме группы обманутых идеалистов, из «люмпен-пролетариев» Маркса, анархистов Бакунина, нигилистов Тургенева, «бесов» Достоевского, руководимых не только кающимся дворянином Лениным, но и уголовниками типа Сталина. Советский народ, который вырос из этой революции, этот «интернациональный гибрид», во многом носит другие черты характера, нежели те, которые

были знакомы Бердяеву. Одни из них унаследованы от его новых вероучителей, а другие благоприобретены при новой политической системе. Этот народ поэтому и называется сегодня не «русским народом», а «советским народом» (термин бессмысленный, ибо он указывает не на национальность, а на политическую систему) и существует уже в четвертом поколении. Ровесникам Октября уже более 70 лет, а родившиеся после 1917 г. составляют 90 % населения. За это время успели уже сложиться новые черты в характере как русского, так и нерусских народов советской империи. Вернее будет сказать, что образовались не новые полярные черты, а новые поляризованные народы в каждом народе. Произошло это на основе его искусственного разъединения на части, когда «молчаливое большинство», вопреки всем усилиям идеологов, осталось самим собой, другая же часть поддалась разложению. Разложившаяся часть, готовая на все и вся, представляет собой социальную и интернациональную клоаку, которую выпестовал сталинизм, превратив ее в опору своей власти. Нынешние трудности Кремля были предопределены не столько утопическим по замыслу и антиэкономическим по существу «социализмом», сколько систематической и преднамеренной практикой сталинской машины власти, направленной на тотальное разрушение, растление и оплевывание тысячелетнего духовного мира русского человека – его истории, его культуры, его религии, его традиций, его души. Русского человека, верующего в Бога, чтущего исторические святыни и национальные идеалы, сталинский режим перековал в «советского человека» – в ханжу и хама, – неверующего ни в какие идеалы – ни в небесные, ни в земные, ни даже в собственные социалистические. Да, режим во многом преуспел в разрушении старого духовного мира русской нации, но потерпел историческое поражение, когда он попытался внести свои собственные идеалы в образовавшийся духовный вакуум. Теперь все знают, что сам марксизм – это род новой атеистической религии, которая обещала рай не на небе, как все классические мировые религии, а «рай на Земле». Этим собственно и объяснялся триумф социальной демагогии большевиков в 1917 году.

Однако то, что тогда служило в глазах невежественной массы преимуществом новой религии перед классическими религиями, разоблачилось впоследствии, когда от теории перешли к практике, когда обещанного «рая на Земле» не состоялось! «Критерий истины – практика», – говорят марксисты. Практика как раз показала, что на русской земле можно построить все что угодно – от ленинской революции до сталинской инквизиции, – но построить коммунизм на ней невозможно. Сами советские коммунисты никому не позволят построить даже ту первую фазу коммунизма – социализм без материальных привилегий для бюрократии, какой обещал Ленин в «Апрельских тезисах» и в книге «Государство и революция». Хрущев хотел построить коммунизм в СССР за 20 лет – слетел. Ельцин хотел построить ленинский социализм без материальных привилегий для бюрократов хотя бы в одной Москве, – тоже слетел. Если Горбачев попытается посягнуть на эти привилегии еще до того, как он уберет брежневцев из ЦК, – то слетит и он. Ведь пресловутый «советский народ» собственно и состоит из одной этой бюрократии, для которой нынешний строй и есть заветный «социализм».

Как велик численно этот «советский народ»? Горбачев назвал число бюрократов в хозяйственном и партийно-советском управлении: восемнадцать миллионов человек! Это число совпадает с численностью самой коммунистической партии, что совсем не означает, что все члены партии принадлежат к «советскому народу», а среди беспартийных нет «советских людей». Многомиллионная армия сексотов – подонки общества – это тоже «советский народ». Номинально державная нация – русский народ – не причастна к власти, ибо власть не от нее и не через нее, а от партии, через партию, во имя партии, через политическую систему, которую я назвал партократией. Сама эта партия составляет какую-нибудь десятую часть взрослого русского населения. Она когда-то представляла, по Ленину, «ум, честь и совесть эпохи». Глубокие душевные травмы причинила эта «совесть эпохи» и самому, по существу своему антисоветскому, русскому народу, который вынужден адаптироваться в сложившихся условиях, чтобы выжить. У него поэтому появились

специфические «советские черты», которые не были присущи бердяевскому русскому народу: абсолютная апатия к духовным исканиям, атрофия всякого гражданского чувства и гражданского достоинства, паническая приверженность страху перед начальством, рабская покорность самым диким актам произвола режима, гениальное политическое двуличие и целенаправленная ложь как средство самострахования, обожествление собственных палачей, как великих мудрецов, осуждение их жертв, как извергов рода человеческого, – таков далеко не полный список благоприобретенных черт советского образа «духовной жизни». Эти черты до того вошли в кровь и плоть многих, став привычными жизненными ориентирами, что они и породили массовую психологию безмолвных рабов. Эти черты не привилегия одних русских. Они привиты в разной степени и всем нерусским. Такой народ именно и нужен большевикам, ибо мало вероятно, чтобы поляризованный бердяевский русский народ примирился бы с советской тиранией и советским социализмом.

Вернемся к национальному вопросу. Примеров физического геноцида много в истории, но духовно-этнический геноцид впервые начал практиковать только советский империализм. Этот этнический геноцид Москва начала с языка. Если есть что-нибудь извечное, сокровенное и судьбоносное, доминанта всех чувств и идей в каком-нибудь маленьком или великом народе – то это его национальное самосознание – самосознание своей неповторимости, уникальности. Но возникает и ощущение обреченности, если народ лишится первого атрибута своей уникальности – национального языка. Отсюда следует, что в любом имперском многонациональном государстве правительство в национальном вопросе вело политику языковой денационализации покоренных наций и навязывания им языка державной нации. Однако и здесь советский тип империализма сказал новое слово: не только практиковать языковую денационализацию, но и денационализацию историческую, систематически вычеркивая из памяти народов их историческое прошлое. Пресловутые «пять признаков империализма» Ленина относительно классического империализма западных держав оказались невинными «родимыми пятнами» по сравнению с тем, что готовил народам советский социалистический империализм. Советский империализм динамичен и привлекателен, ибо он бесподобен в искусстве маскировки своего антинационального лица, стратегических целей в формулах надрасового интернационализма, он коварен в методах и средствах их достижения, он бесподобен на поприще социальной демагогии и политического фарисейства. Колониальная система классического империализма в покоренных странах интересовалась в первую очередь и главным образом *материальным фактором* – выкачкой из колонии материальных ценностей; советский социалистический империализм интересуется в первую очередь и главным образом *человеческим фактором* – как привести в свою веру покоренные народы, как перековать людей, хорошо понимая, что после этого остальное приложится само собой.

Динамичность советского империализма выразилась и в той своеобразной форме организации самой империи, которую не знала ни одна классическая империя на Западе. Советский империализм объявил свои колонии «независимыми» государствами со всеми атрибутами, которыми характеризуются независимые государства – здесь свои национальные правительства, свои национальные парламенты, свои национальные коммунистические партии, свои национальные флаги, свои национальные гербы, но у этой конструкции есть один недостаток – она насквозь фальшива, ибо управляют советскими «независимыми» республиками не из их собственных столиц, а из Москвы. Ленин, как и Маркс, утверждал, что капиталистические монополии, концентрация и централизация производства с общественным трудом создали готовые формы перевода экономики на социалистические рельсы, только надо снять с этого производства его капиталистическую оболочку. Аналогичное можно сказать и о советских «независимых» республиках – своей бутафорией «независимых» «суверенных» советских национальных республик Москва создала готовую форму их будущей подлинной независимости, но только надо вывести их из-под власти Кремля. Все предпосылки к этому, по иронии судьбы, создали сами большевики: национальную культуру, национальную интеллигенцию, национальные кадры,

которые когда-нибудь скажут: «Мы хотим быть хозяевами в своем национальном доме!».

Я утверждаю, что дорога к свободе и суверенитету самого русского народа лежит через разложение советской империи.

Чтобы уяснить данную проблему, важно расширить ее рамки. Исследуя рост национального самосознания нерусских народов советской империи, нельзя игнорировать другой феномен эпохального значения – рост национального самосознания самого русского народа. Мы видели, что первоначально классический большевизм Ленина ставил перед своими идеологами генеральную задачу – исторической и идеологической дерусификации русского народа. Поэтому изгонялось из духовного обращения все то, что свидетельствовало о величии русского народа, русских государей, русских полководцев, русских святых, русских первооткрывателей, русских колонизаторов, то есть всех тех, от кого большевикам досталась сама великорусская империя. Конечная цель как была, так и осталась и по сегодня: изгнать из обращения понятие – «русский патриотизм», заменив его «советским патриотизмом», чтобы Иван и всерьез сделался «гомо советикус» Александра Зиновьева, не помнящим родства. В основе русской нации лежали, кроме языка и культуры, два духовных фактора – русская православная религия и русское государственное правосознание, хотя и импортированные извне, но русифицированные в вековых традициях народа. Куда легче было физически уничтожить почти поголовно духовенство, 130 тысяч помещиков и столько же «буржуев» в России, чем искоренить из сознания народа как раз эти духовные факторы. Наилучшее свидетельство банкротства большевистской марксистской идеологии перед неистребимым духом русского религиозного и патриотического сознания принесла «отечественная война», когда страна была спасена от оккупантов не под знаменем марксизма, а под знаменем русского патриотизма («амнистия» православной церкви, амнистия русских князей и полководцев, «закрытие» Коминтерна и т. д.). Послевоенный поход против «космополитов» и «низкопоклонников» бил в ту же точку – эксплуатировать русский патриотизм в иных целях. «Иные цели» были, как и во время войны, – коварные. Подготовить новую «великую чистку» для возвращения джина обратно в бутылку, вынужденно выпущенного из нее во время войны. Этот джин был его величество «русский дух». В этом заключался и исторический смысл пресловутой ждановщины, которая целила не только в еврейских «космополитов», но и в русских «низкопоклонников».

Едва успел Сталин осудить «низкопоклонников», казнить «сионистов» (1952 г.) и посадить за решетку «врачей вредителей» («заговор врачей»), как ему помогли умереть его ближайшие русские соратники, в которых проснулся в какой-то мере тот же «русский дух» – Маленков, Хрущев, Булганин плюс изменивший ему земляк Берия. (Я нахожу подтверждение своей гипотезы из «Загадки смерти Сталина» в записках К. Симонова, который не исключает, что Сталин умер в результате заговора Берия. См. журнал «Знамя», № 4, 1988).

Последующая эпоха – хрущевско-брежневская – была эпохой в духе великорусского самодержавия в формулах псевдоинтернационализма, которые не вполне удовлетворяли русских, но больно ущемляли нерусских. Эпоха «гласности» дает, правда, в очень ограниченных рамках, высказаться о своих национальных стремлениях, как русским, так и национальным представителям. Националы ответили на гласность требованием, чтобы их родной язык был признан государственным языком, а русские – потоком разоблачительной литературы о сталинщине, об эре брежневского «застоя» и явлением «Памяти».

«Память» для меня это весь «советский мир» в миниатюре. В этом микрокосме представлены разные течения с их внутренними противоречиями – монархисты и анархисты, православные и атеисты, патриоты и антисемиты, ленинцы и столыпинцы плюс засланные сюда ячейки новых зубатовых из КГБ. В движении «Памяти» видны не только отталкивающие черты шовинизма, но и бунт здорового русского патриотизма против марксистского мракобесия в настоящем и протест против марксистского вандализма в прошлом. Взаимодействие таких исключающих друг друга элементов и идейных течений в русском движении, вероятно, лежит в той же плоскости поляризованных противоречий в

русском характере, которую нарисовал нам Николай Бердяев. «Память» – трещина в мнимом монолите «единства партии и народа» и как таковая – прецедент величайшей исторической значимости с непредсказуемыми последствиями. И тут полезно вспомнить мысль великого француза Вольтера: Я не разделяю ваших взглядов, но я буду до последнего вздоха защищать ваше право иметь свои собственные взгляды, добавив: кроме шовинистических.

Представители творческой интеллигенции национальных республик потребовали от Москвы отказа от установки интерпретации исторического и культурного прошлого нерусских народов в духе великорусской концепции старых исторических школ времен царизма. Они потребовали вернуться к Ленину и Покровскому в оценках национально-освободительных движений в старой России. Без давления снизу советские верхи никогда не шли на уступки и повороты в своей политике. Чем больше такое давление, тем радикальнее сами повороты, осуществляемые, чтобы предупредить социальный взрыв, называемый революцией. Ленин как бы предвосхитил ситуацию в СССР в конце брежневской эры, когда писал: «Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности, всеми тремя русскими революциями, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения: для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому, *лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить»* (Ленин, т. XXV, 3 изд., стр. 223, курсив мой – А.А.).

Такое положение сложилось как раз в Советском Союзе сегодня. Это заметил даже известный советский поэт Булат Окуджава, когда сказал: «Революционная ситуация есть, а революционеров нет»! Как раз цель перестройки – предупредить такую революцию.

Русские патриоты обычно говорят: «Русские – первая жертва коммунизма». Это несомненно так, но отсюда следует и логический вывод: русские первыми должны и сбросить его либо революционным переворотом сверху, либо легальными методами мирной революции снизу, чему примером служит славная польская «Солидарность» со своей «мирной пролетарской революцией» в августе 1980 года.

Вновь, со времени Октябрьской революции, Россия стоит перед судьбоносным этапом своего развития. Сегодня впервые обозначились исторические шансы мирного перехода от монопартийной тирании к правовому государству. Русское национальное движение, отказавшееся от губительной для него же имперской концепции, и сомкнувшееся с национальным движением нерусских народов советской империи под старым лозунгом Герцена времен польского восстания 1863 г. – «За вашу и нашу свободу», – приведет к триумфу свободы и демократии на всей территории СССР. Если Маркс был в чем-нибудь прав, то в своем знаменитом изречении: «Не может быть свободным народ, который угнетает другие народы». И здесь есть с кого брать пример – с западных империй, которые после войны – одни добровольно, другие вынужденно – дали независимость своим колониям. Над крупнейшей из них – над Британской империей – не заходило, как выражались, солнце. Во времена расцвета этой империи ее премьер Дизраэли говорил, что британские колонии – жернова на шее Англии. Потомки Дизраэли были достаточно разумны, чтобы по-хорошему избавиться от этих «жерновов». Англия ничего не потеряла, но выиграла. Многие из ее бывших колоний, в том числе и такая великая страна, как Индия, объединились в добровольное «Британское содружество народов». Если Россия последует примеру Англии, то выиграют все – русский и нерусские народы. Единственный путь к этому – роспуск принудительной империи и провозглашение конфедерации независимых государств из числа национальных республик, которые готовы войти в нее добровольно.

В этой связи интересен национальный пункт из «Кельнского обращения», подписанного известными в СССР и на Западе русскими писателями и публицистами из новой эмиграции. Если содержащиеся в этом пункте мысли в какой-то мере отражают настроения русской интеллигенции в самом СССР, то это было бы величайшим прогрессом на путях решения национального вопроса. Вот, что гласит названный пункт:

«Важнейшим условием социальных преобразований могло бы стать обретение различными народами страны фактической национальной независимости. Декларированное в советской конституции право наций на самоопределение, вплоть до выхода из состава СССР, должно воплотиться в реальный процесс превращения империи в добровольное содружество независимых государств, с гарантированным правом для членов этого содружества на выход из него. Существование империи стало во всех отношениях вопиющим анахронизмом и одним из важнейших препятствий социальному, экономическому и культурному прогрессу страны. «Велфер-империя», в которую в настоящее время превратился Советский Союз, в первую голову истощает духовный и материальный потенциал самого имперского народа. Опыт национальных движений только последнего времени (Казахстан, Армения, Азербайджан, Прибалтийские республики, движение крымских татар, борьба украинцев и белорусов за признание родного языка в качестве государственного и т. д.) убедительно свидетельствует, что национальные проблемы, возникшие уже в советский период истории страны, не могут быть решены удовлетворительным образом в рамках сохранения такой империи» («Русская мысль», 1.4.1988, Париж). Вторгнутся ли «перестройка» и «новое мышление» в область национальных отношений, зависит от исхода борьбы между реформаторами и консерваторами на верхах советского господствующего класса. Ситуация здесь очень запутанная, соотношение сил неясное, противоречия острые, и поэтому было бы легкомысленно отважиться на какой-либо обоснованный прогноз. Кремль отрицает, что существуют противоречия и разногласия, как в общей политике, так и по национальному вопросу, и этим косвенно подтверждает их наличие.

Верно, на международной арене, и тут никаких разногласий нет, «перестройка» сработала отлично. Горбачев одной лишь риторикой, заимствованной из толкового словаря демократии, покорил Запад. Нет ничего легче, как покорить добродушную демократию, умело пользуясь ее же философией, но покорить или околпачить риторикой собственный народ – дело абсолютно безнадежное, ибо у этого народа долгий и трагический исторический опыт; сколько обещаний, сколько обманов, сколько кровавых преступлений совершал режим от имени и во имя социализма? Народ учили и выучили ничему не верить. На встрече Горбачева с писателями и журналистами один из его советников – В. М. Фалин – эту же истину выразил другими словами: «Мы кредит доверия исчерпали или близки к тому, чтобы исчерпать. И мы можем сегодня писать только правду, всю правду» («Правда», 13. 1. 1988.), Если эта «вся правда» сводится только к тому, чтобы второй раз после Хрущева поносить имя Сталина на страницах советской печати, не затрагивая субстанции созданной Сталиным партии, государственной машины и социального порядка, то это занятие не только заведомо бесплодное, но и опасное в виду наличия гигантского взрывчатого сталинского потенциала в рядах партии, армии и КГБ. Если на то пошло, Сталин страшен не столько чудовищным террором в прошлом, хотя он и в этом превзошел всех тиранов в истории вместе взятых, сколько он неизмеримо страшен живучестью своего духа в настоящем: в образе мышления, в образе действия, в образе жизни, во всем психологическом комплексе людей. Сталинизм живет не только в каждом активисте системы, но и в каждом человеке, если даже он и убежденный антисталинист, ибо сталинизм – это повальная психологическая травма, перешедшая по наследству в хроническую духовную болезнь всей нации. От такой болезни вылечиваются не заклинаниями, а исполинским шоком. Таким шоком мог бы явиться организованный сверху взрыв всей сталинской государственной машины от базиса до надстройки и переход верховной власти в СССР от партии к государству с подлинно демократической конституцией, с разделением парламентской, исполнительной и судебной властей, со свободой совести, слова, печати, собраний, демонстраций, союзов и политических партий, с одинаковым доступом для всех к средствам массовой информации, с полной свободой выезда и возвращения в страну для всех граждан, с превращением самого СССР в конфедерацию независимых государств. Иначе нынешнее экспериментирование над сталинской машиной в целях ее «демократизации» может

кончиться тем, чем кончились эксперименты Хрущева – вторым триумфом неосталинистов.

Сейчас советским государством правит «тройка»: Горбачев – Лигачев – Чебриков. Распределение ролей между ними рисуется мне, образно выражаясь, так: Горбачев – главноуговаривающий, Лигачев – главноуправляющий, Чебриков – главно-надзирающий. Что же касается партии, то на ее вершине произошло беспрецедентное структурное раздвоение власти: генсек Горбачев – председатель Политбюро ЦК КПСС, то есть глава «говорильни» – малого «партпарламента» (большой «партпарламент» – это пленум ЦК); «второй секретарь» или «второй генсек» Лигачев – председатель Секретариата ЦК КПСС, то есть глава фактического партийного и советского правительства. Над действиями их обоих бдительно надзирает третий член «триумвирата» – шеф КГБ Чебриков. Этот «триумвират» является главным «механизмом торможения» перестройки, ибо каждый из его членов, как лебедь, рак да щука из басни Крылова, тянет партийно-государственный воз в разные стороны: щука Чебриков тянет его в зловонное болото оголтелой сталинщины, рак Лигачев пятится назад в «славные тридцатые годы», как он сам выразился однажды, лебедь Горбачев стремится в фантастическую высь, «а воз и поныне там». И великий баснописец объяснил, почему это так: «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет и выйдет из него не дело – только мука».

Такая ситуация на вершине Кремля сложилась не случайно. Марксист объяснит ее философски – «бытие определяет сознание», исторически «мертвые хватают за живых», диалектически конфликтом между поколениями. В каждом из таких толкований есть свой резон. Ведь за «революционную перестройку во всех сферах» взялись вчерашние реакционеры, но из разных поколений. Духовно воспитанные на Сталине или на раскавыченном Сталине, политически выдвинувшиеся в безмятежную эпоху «застоя», то есть в эпоху господства политического болота с частичной ресталинизацией, которая на два десятилетия законсервировала «перестройку» Хрущева, эти организаторы новой перестройки освобождаются от старого мышления весьма туго и по разному, как бы пропорционально их возрасту – *старики,* которым сталинская прививка вошла в плоть и кровь и закрепилась более органически, тоже хотят перестройку, но без того, чтобы предать анафеме самого Сталина, – *«молодые»,* которых Хрущев успел заразить бациллами антисталинизма, – не мыслят себе перестройку иначе, как с полным разрывом со сталинским прошлым.

Сегодня уже очевидно, что «стариков» возглавил Лигачев, а «молодых» – Горбачев. На апрельском пленуме ЦК КПСС (1985) обе группы заключили «исторический компромисс» и договорились приступить к перестройке только в двух областях – экономической и отчасти социальной, не трогая систему политическую, но очень скоро выяснилось, что невозможны никакие радикальные экономические и социальные реформы без радикальной реформы установленной Сталиным политической структуры и органов ее управления. Вот тогда начались разногласия между «стариками» и «молодыми», между консерваторами и «революционерами». Решить этот спор был правомочен только пленум ЦК КПСС, а он состоял и после XXVII съезда партии на 64 % из членов ЦК брежневского времени, симпатия которых была на стороне сталинистов в Политбюро. В этих условиях Горбачев прибег к гениальному трюку в партийной политике, который впервые применил сам Ленин, когда против его стратегии захвата власти в «Апрельских тезисах» 1917 г. («перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую») единогласно выступил весь его большевистский ЦК. Ленин решил играть в «демократию» и потребовал перенести стратегический спор из ЦК на широкое обсуждение всей партии. Это была первая ленинская «гласность». Для ее успеха в свою пользу Ленин возглавил газету «Правда», выставив оттуда Каменева и Сталина, отвергавших «Апрельские тезисы». Через пару недель вся партия стала на точку зрения Ленина. В конце апреля Всероссийская партконференция избрала новый ЦК, объявивший «Апрельские тезисы» программой будущей большевистской революции. Нынешняя «гласность» как раз и смахивает на этот ленинский тактический маневр в борьбе за власть над ЦК.

У Ленина можно учиться только тактико-стратегическому искусству, но у него нельзя учиться вопросам философии права и правового государства, ибо в этих вопросах Ленин духовный отец Сталина. Поэтому надо отказаться от детской игры в политические прятки: не противопоставлять Сталина Ленину, что нелепо и абсурдно, а открыто критиковать порочную правовую философию Ленина и основанную на ней уголовную практику Сталина. Вот тогда все станет на свое место. Пока Ленин пользуется привилегией абсолютной безгрешности, а его произведения рангом марксистского «священного писания», все разговоры о гласности и демократизации не достигнут цели – «перестроечной революции» в мозгах людей. Даже источник

нынешнего кризиса национальных отношений не в Сталине, а в Ленине. Теорию слияния всех народов России в одну нацию, то есть политику русификации, выдвинул, как мы видели, еще до революции сам Ленин, а не Сталин. Этническую карту Российской Империи после революции искромсал, по методу «слияния наций», тот же Ленин, а не Сталин.

Ленин был великий мастер в революционном разрушительном творчестве, но в государственном созидательном творчестве он подготовил только Сталина. Даже оружие по уничтожению своей большевистской партии и ее руководящего штаба – ЦК – вручил Сталину сам Ленин, когда ввел продолжающееся и поныне «осадное положение» в партии в виде резолюции «О единстве партии», согласно которой партаппарат был поставлен над партией, с запрещением в партии всего того, что раньше считалось демократическим правом каждого: инакомыслия, групп, фракций, несогласных с партаппаратом. Именно опираясь на эту резолюцию, которую Ленин неожиданно и без обсуждения в самой партии, навязал X съезду партии в 1921 г., за год до того, как Сталин стал генсеком, Сталин уничтожил сначала всю «ленинскую гвардию», а потом и ленинскую партию. Так и получилось: Ленин посеял ветер, а ленинская партия пожала бурю! Нет уж, без снятия табу на критику Ленина, Сталин будет жить и дальше, как «Ленин вчера».

Как Сталин – из Ленина, так и чередующиеся генсеки, в свою очередь – из Сталина, ибо все они учились своему искусству управления государством непосредственно у него, на его деяниях и на его практических инструкциях. Недаром один партийный политик периода Брежнева сказал: «Мы изъяли из библиотек творения Сталина, но сами мы вынуждены частенько заглядывать туда».

Разногласия и серьезные расхождения между реформаторами и консерваторами в Политбюро и на пленуме ЦК факт абсолютно бесспорный. Но это не исключает и существования сговора между Горбачевым и Лигачевым о распределении ролей между ними по тактическим соображениям, поскольку оба стоят на позициях «перестройки», которую каждый понимает по своему. Это нужно для успеха задуманной стратегии в обеих сферах – внутри страны и во внешней политике. Внутри страны – Лигачев обязан повести на «перестройку» консервативную партийно-государственную бюрократию, во внешней политике Горбачев должен внушить Западу «новое мышление» и нарисовать привлекательный процесс превращения режима диктатуры в правовое государство, которому следовало бы открыть дверь в западный мир вообще и в «общеевропейский дом» в особенности, для получения кредитов, техники и технологии.

На Западе все мерят на свой аршин, преувеличивают возможности Горбачева, игнорируют факторы, которые его связывают. Однако, после Ленина и Сталина, направление и приоритеты советской политики решают не сильные личности, как бы они ни выделялись во вне и какие бы титулы они ни носили, а «силовые факторы» и их координированная воля в «треугольнике власти» – КГБ, армия и партаппарат. Генсек, выдвинутый этим «треугольником», от него и зависит. Как только он уклонится от заданной ему линии, он падет, даже если будет самым популярным в народе лидером. Каждый, кто внимательно следит за делами в самой партии, знает, что она вместе с моральным авторитетом, из-за тотальной коррупции в ее руководящих органах, потеряла в какой-то мере и свою былую власть, тогда как власть двух других «углов» КГБ и армии – осталась незыблемой.

«Гласность» и «открытость» бьют по КГБ, разоружение и ревизия глобальной военно-политической стратегии бьют по интересам армии. Это зловещая загадка нашего времени, насколько и до каких границ эти два столпа, на которых только и держится сам советский режим, позволят реформаторам подмывать фундамент супердержавы. Советские вооруженные силы и политическая полиция слишком уж хорошо понимают, что в логическом конце тотального разоружения, «революционной перестройки», гласности и действительной демократизации с ее неизбежной децентрализацией «единой и неделимой власти» Москвы, обозначатся не только разложение советской империи изнутри и выход из-под ее контроля восточноевропейских стран, но и потеря Советским Союзом его позиции мировой супердержавы, поскольку супердержавой СССР стал не в силу своей экономической и технико-технологической мощи, как Америка, а исключительно из-за превосходства советского оружия. Россия всегда дорожила своим военным величием больше, чем своей социальной благоустроенностью. Когда после победы союзников в Крымской войне 1853–56 годов Россия вынуждена была топить свой Черноморский флот, русские адмиралы и генералы плакали прямо на глазах у солдат.

Россию сейчас никто не побеждал, ее военные корабли присутствуют на всех мировых морях и океанах, ее наземные силы со стратегическими атомными ракетами превосходят силы противника. Кто захочет добровольно уничтожить все это, вызовет у доморощенных милитаристов не слезы, а взрывчатый гнев против собственных правителей, как это случилось с Хрущевым, когда он начал сокращать армию, военный бюджет и свертывать военную индустрию.

Борьба за власть в Кремле, борьба между реформаторами и консерваторами стала совершенно очевидной на только что закончившейся XIX партконференции. В интересах народов СССР, чтобы из этой борьбы победителем вышел Горбачев, но в конечном итоге в интересах Запада была бы победа Лигачева, ибо он ясен, как Ленин и предсказуем, как Сталин.

VI. Национальный вопрос на XIX партконференции

В Тезисах ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партконференции национальному вопросу посвящен седьмой пункт. В нем сказано: «В рамках перестройки политической системы следует рассмотреть и принять назревшие меры по дальнейшему развитию советской федерации… Жизнь показывает, что требуется постоянное внимание к вопросам межнациональных отношений, развитию каждой нации и народности… Происходит закономерный рост национального самосознания… Децентрализация и максимальная передача на места многих управленческих функций в полной мере относятся ко всем формам нашей национальной государственности и автономии» («Правда», 27. 5. 1988). Москва готова расширить самостоятельность национальных республик только при одном условии: если они и дальше будут подчиняться диктату московской бюрократии. Как раз в этом и заключается смысл следующей оговорки: «Ключ к дальнейшему развитию наций… в органическом соединении самостоятельности союзных и автономных республик… с их ответственностью *за общесоюзные государственные интересы»* («Правда», там же). Ни слова о событиях на национальных окраинах империи. Ни слова об опасности великодержавного шовинизма, зато подчеркнута важность «интернационалистской идеологии» против «национализма и шовинизма», термины, под которыми в обоих случаях подразумевают исключительно рост национального движения нерусских народов за национальную самостоятельность. В докладе Горбачева на самой партконференции развивались эти «Тезисы ЦК» без их конкретизации в плане «перестройки». Некоторые его комментарии на этот счет заслуживают упоминания.

Горбачев утверждает, что «при всех трудностях, которые были на нашем пути, сегодня мы констатируем, что союз выдержал проверку временем» и что и «впредь единственно здоровой основой нашего развития может быть только последовательное проведение

ленинской национальной политики» («Правда», 29. 6. 1988). Значит национальная политика Сталина, Хрущева и Брежнева была «ленинской политикой» и ее следует продолжать «последовательно». Если уж бесконечно ссылаться на «ленинскую национальную политику», то, казалось бы, что Горбачев должен сослаться и на «последнее слово» ленинизма в национальном вопросе, а именно на его «Национальное завещание» в виде статьи «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», опубликованной после разоблачения преступлений Сталина на XX съезде партии. Ни в «Тезисах ЦК», ни в докладе Горбачева, ни в резолюциях XIX партконференции нет ссылки на эту поистине историческую работу Ленина с требованием радикального пересмотра той «единственно здоровой основы», на которой Сталин создал существующую и поныне лже-федерацию и лже-автономию. Почему остается в силе «заговор молчания» вокруг этой работы Ленина даже в период «гласности» и новой волны разоблачения сталинщины, догадается каждый, кто прочтет хотя бы ленинский эпиграф из нее к данной книге.

Когда люди в национальных республиках выходят на улицу и требуют на многотысячных демонстрациях покончить и в национальном вопросе со сталинщиной и вернуть их республикам, в полном согласии с Лениным, их национальный суверенитет, то подобные действия, по мнению Горбачева, «приобретают националистическую окраску». Вывод его один: «Интернационализации экономики, да и всей общественной жизни, нам не избежать. И всякое стремление к национальной замкнутости может привести к экономическому и духовному оскудению». «Национальной замкнутостью» здесь называется стремление к национальной независимости, при которой нерусские народы вне советской империи, якобы, обречены на «духовное оскудение».

Распад западных империй после Второй мировой войны и образование в результате этого около шестидесяти независимых государств в Африке и Азии доказали, что самым высшим духовным богатством колониальные народы посчитали быть хозяевами у себя дома, если даже проиграют экономически. Москва, видимо, никогда не поймет, что именно таковы чувства и подопечных ей народов. Ведь, как я уже писал, обещание Ленина дать им национальную независимость с гарантией на право выхода из состава Российской Империи, была единственной причиной, почему их симпатии оказались на стороне Ленина во время революции и гражданской войны. Их горько обманули, но такая обида живет в веках.

В прениях по докладу Горбачева национальный вопрос не нашел ни должного отражения, ни трезвого анализа. Не только русские ораторы, но и их национальные вассалы были единодушны в «заговоре молчания» о происходящем на окраинах. Два выступления двух новых первых секретарей ЦК компартии Азербайджана и Армении все-таки касались и событий в их республиках. Секретарь Азербайджана А. Везиров сказал, что ситуация в Карабахе и вокруг него «приобрела общественно опасный характер», «не прекращаются попытки столкнуть два наших народа… Резко обострилась ситуация в связи с тем, что к нам стали прибывать из Армении тысячи проживающих там азербайджанцев. Немало армян покинули Азербайджан». Осудив антиармянский погром в Сумгаите, лидер Азербайджана сказал, что требования о «пересмотре национально-территориального устройства», как и события в Сумгаите, «дестабилизировали обстановку» в Азербайджане и Армении. Он утверждал, что лица, которые организовали «дестабилизацию», «стремятся подорвать перестройку, распространить на другие регионы страны очаги межнациональной розни» («Правда», 30. 6. 1988).

Секретарь Армении С. Арутюнян подошел к тому же комплексу вопросов с другой стороны, связав события в Азербайджане и Армении с общими основами национальной политики партии, и потребовал выработки нового мышления во всей национальной политике. Вот соответствующее место из его выступления: «Истоки создавшейся обстановки кроются в сложных переплетениях исторических, социальных, экономических, культурных, этнических проблем, имевших место извращениях национальной политики в период культа личности и застоя. Кощунственно утверждать, что причинами этих событий явились перестройка, демократизация и гласность. Болезненные проблемы явились не сегодня и не

вчера. Они накапливались постепенно десятилетиями, не получая не только необходимого решения, но даже и гласного признания. Именно антидемократическая практика замалчивания и равнодушия… попытки загнать их вглубь или решать их авторитарными методами привели к столь взрывному их проявлению сегодня». Арутюнян возразил и против недобросовестной пропагандистской теории, что во всем виноваты «экстремисты», которые вышли из-под контроля. «Это, – сказал оратор, – весьма упрощенное представление… Не могу не сказать здесь, что подобные объяснения больно задевают национальные чувства коммунистов, трудящихся и противоречат они и просто здравому смыслу». Он предложил вообще пересмотреть старую национальную политику в масштабе всей страны. Вот его главный вывод: «Настоятельная необходимость сегодня – выработка нового политического мышления в национальном вопросе» («Правда», 01.07.1988).

Секретарь союза писателей Украины Борис Олейник заявил, что национальная проблема не региональная, а общесоюзная проблема. Вот его главный тезис: «Одно из тяжких последствий культа – извращение ленинской национальной политики. Не стоит искать виновных по регионам. Ведь беда универсальная. В этом плане одинаково печальны и следствия, и причины. Следствие, в частности, на Украине таково: национальный язык очутился почти на околице духовной и материально-производственной жизни народа. Он постепенно как-то уходит из делопроизводства, из государственного и партийного обихода. Более того, во многих городах уже не существует школ на родном языке. Почти во всех высших учебных заведениях студенты лишены возможности учиться на языке своих матерей». Б. Олейник выдвинул конкретное требование: «В этом вопросе не должно быть разночтений. Надо на державном уровне создать режим наивысшего благоприятствования функционированию родного языка во всех сферах и на всех этажах общества, подкрепляя теорию правовыми законами, вплоть до привлечения к ответственности лиц, которые препятствуют развитию национальной культуры». Эти слова Олейника были покрыты аплодисментами конференции, равно как и его «диалектическая» находка в определении разницы между «родиной» и «страной». Заявив, что во время войны украинцы дрались и гибли не «За Сталина, за родину», а только за «родину и страну», Олейник определил, что это значит: «Не знаю, как у кого, а у меня и пославших меня на конференцию есть родина – Советская Украина и есть страна – Союз Советских Социалистических Республик» («Правда», 02.07.1988).

Конференция приняла специальную резолюцию «О межнациональных отношениях». Излюбленные лозунги Горбачева «радикальные реформы» и «новое политическое мышление» напоминают о себе в этой резолюции только своим блестящим отсутствием. Вся резолюция – набор пустых слов из приевшейся всем тошнотворной пропагандной болтовни времен Сталина. В вопросах национальной культуры и национальных языков новые лидеры стали правее даже Сталина. Они целиком поддерживают великорусскую политику Хрущева-Брежнева, заявляя и в данной резолюции, что обучение в школах на родном языке дело не обязательное, а добровольное. Однако поражает другое: русификация культуры и аппарата власти нерусских республик, как и объявление местного национализма главной опасностью в национальной политике, новые лидеры повторно обосновывают ссылками на Ленина, тогда как позиция Ленина в этих вопросах была абсолютно противоположной и она хорошо известна партии, благодаря Хрущеву и XX съезду. Поэтому прямо-таки кощунственно звучат по адресу основоположника большевизма следующие слова из резолюции: «Любые претензии на национальную исключительность недопустимы и оскорбительны… В духе ленинской традиции следует бороться прежде всего со "своим" национализмом и шовинизмом, и делать это должны в первую очередь представители соответствующей национальности» («Правда», 5. 7. 1988). Это самая бесстыжая фальсификация Ленина и открытая апология Сталина в его споре с Лениным. Ленин так писал не о «своем» национализме, а о великорусском шовинизме. Это ведь Ленину принадлежат слова: «Необходимо отличать национализм большой нации и национализм нации маленькой… Приняли ли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы

действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды». «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть».

Я утверждаю, что нынешний кризис национальных отношений своими историческими корнями уходит в практику великодержавно-шовинистического правления от Сталина до Брежнева. Как видно, новое руководство не нашло ничего лучшего, как продолжать ту же практику, демонстративно игнорируя, что местный национализм в его шовинистической форме лишь реакция на разгул великорусского шовинизма в национальной политике партии. Такой же фальсификацией является новая легенда о «ленинской традиции», согласно которой Ленин, якобы, требовал, чтобы в органах власти республик были «представлены все нации и народности». Ленин этого не требовал. Наоборот, он требовал «коренизации» органов управления национальных республик за счет вытеснения оттуда русских чиновников. Нравится это Кремлю или нет, но таковы были решения X и XII съездов партии, которые происходили при жизни Ленина. (Замечу, что фальсифицируя Ленина, новые лидеры часто ссылаются на Ленина, но точно не указывают, когда и где Ленин высказал ту или иную приписываемую ему мысль.) Зловещие и неотложные проблемы национальных отношений, которые в любое время могут вызвать взрыв с непредсказуемыми последствиями, новое руководство хочет решить путем создания еще одного нового центрального ведомства по надзору за национальными республиками. В резолюции сказано: «Рассмотреть вопрос об образовании специального государственного органа по делам национальностей». Такая инициатива вызывает плохие воспоминания. Дело в том, что подобный орган уже был в истории советского режима. Назывался он «Народным комиссариатом по делам национальностей» и возглавлял его Сталин. Второе издание такого органа имеет шансы на успех, если Кремль найдет другого Сталина, чтобы возглавить его.

Когда я дописывал эти строки, из Москвы пришла новость: основатель движения за национальную независимость Армении Паруйр Айрикян указом президиума Верховного Совета СССР лишен советского гражданства и выслан из страны. Половину своей жизни (18 лет!) он провел в советских тюрьмах и концлагерях за то, что хотел мирными методами воспользоваться статьей 72 Конституции СССР, которая гласит: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». После своего освобождения в 1987 г. он вновь возглавил армянское национальное движение за выход Армении из СССР с объявлением своей полной государственной независимости путем плебисцита. Ни террора, ни восстания, ни других форм насилия он не проповедовал для осуществления своей цели. Единственное средство борьбы, которым пользовалось его движение, – слово убеждения. За это свободное слово его вновь посадили в марте 1988 г. За это же свободное слово его выдворили из страны, когда еще не засохли чернила на торжественных резолюциях XIX партконференции о введении в стране «гуманного социализма», «правового государства» и о «дальнейшем расширении гласности» на основе «нового политического мышления». Мышление, как будто, новое, но дела, как видим, все еще старые. Что же касается спора между Арменией и Азербайджаном: какому московскому вассалу – армянскому или азербайджанскому – должен подчиняться Горный Карабах – это пустой и вредный спор. Армяне ведут его с ложных позиций, забывая народную мудрость: снявши голову по волосам не плачут. Не в том трагедия Армении, что Сталин в 1923 г. включил Карабах в состав Азербайджана, а в том, что Ленин в 1920 г. на штыках Красной Армии оккупировал и аннексировал независимые национальные республики Кавказа – Армению, Азербайджан, Северный Кавказ, включив всех их вместе с Грузией в состав Советской империи. Во время независимости Кавказа этого спора не было, он возник только при большевиках – продолжателях политики «разделяй и властвуй», приведшей к кошмарной резне в Сумгаите. Истинные патриоты Кавказа могут поставить судьбоносную проблему, как ее ставит Айрикян – о праве народов на выход из состава СССР.

В заключение хочу рассказать об одном курьезе и заодно похвалить «оперативность» советской идеологической разведки с ее феноменальным ясновидением вещей, которые ко времени ясновидения еще не существовали. Так, почти за год до написания данной книги

орган ЦК компартии Азербайджана газета «Бакинский рабочий» утверждала, что я выпустил книгу под названием «Последняя империя». Даже приводится цитата из не существовавшей тогда книги. Сначала газета представляет меня читателям с намеренным искажением моей биографии по известному методу кагебистских башибузуков: «Знакомьтесь: Абдурахим Авторханов (так зовут не меня, а звали моего убитого на войне брата – А.А.), по образованию экономист, дезертир Красной Армии… Ощущение собственного ничтожества компенсировал злопыхательством на родные пенаты. Эта его книга "Последняя империя" – источник для диверсионных выходок авторов передач вездесущей радиостанции "Свобода". Вот что утверждает Авторханов: "Каждый советский гражданин со дня рождения до смерти содержится под тотальным полицейским надзором. Против всяких инакомыслящих индивидуально или в группе – применяется научно подготовленная, разнообразная по видам система террора"» («Бакинский рабочий», 23 октября 1987 г.). Отвечаю коротко: я не экономист, не дезертир Красной Армии, потому, что никогда в ней не служил, а сидел как «враг народа». Книги под названием «Последняя империя» не выпускал, а выпускаю данную книгу на ту же тему под другим названием – «Империя Кремля». Насчет приписываемой мне цитаты, каюсь, она принадлежит мне. Ее газета очевидно взяла из серии моих скриптов «Последняя империя», которая передавалась по радио «Свобода».

VII. XIX партконференция: стратегическое перевооружение большевизма внутри и вовне

На XIX Всесоюзной конференции КПСС (июнь-июль 1988 г.) Горбачев предпринял некоторые шаги для обнародования ряда реформ по перестройке политической структуры существующего режима, не затрагивая его субстанции. Он хочет дать стране «демократию», но сохраняя диктатуру коммунистической партии, он хочет расширить гласность, но запрещая независимую печать (даже предложение превратить газету «Правда» из органа ЦК КПСС в орган КПСС с правом критиковать ЦК, было отвергнуто на конференции), он хочет разграничить функции между партией и государством, но предлагает поставить во главе Советов на всех уровнях первых секретарей партии, он хочет ввести «реальный плюрализм», но без права критики партии и идеологии марксизма-ленинизма, он хочет допустить инициативу народа и деятельность многочисленных народных «неформальных объединений» в стране, лишь бы они не занимались политикой. Таков общий смысл «Тезисов ЦК КПСС» и доклада Горбачева на конференции.

Но есть и «новшества». Впервые в истории большевистской диктатуры выдвинуты и новые программные лозунги, за которые еще вчера сажали в психушки и тюрьмы людей, часть которых продолжают сидеть и сегодня. Лозунги эти следующие: построить отныне «демократический, гуманный социализм», а советское государство превратить в «правовое государство». Однако советские люди не только дошлые, но они и великие скептики, которых сама партия на бесконечных примерах лжи и обмана отучила верить себе. «Никто не верит, поэтому никто не работает», – сказал один делегат на конференции. За эти 70 лет советские люди видели всякие формы социализма – сначала «военно-коммунистический», а потом и нэповский социализм Ленина, дальше пошли другие «социализмы» «победивший социализм» Сталина, социализм вот-вот переходящий в коммунизм Хрущева, «реальный», «зрелый» или «развитой социализм» Брежнева, а вот тот социализм, который предлагает им сейчас Горбачев, а именно – «гуманный социализм» или, что одно и то же, «социализм с человеческим лицом», его советские люди видели только мимоходом – под советскими танками в Праге. Что же касается «правового государства», то советских людей вот уже 70 лет учат в школах, где настольными учебниками являются произведения Ленина «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», в которых так называемое «правовое государство» объявляется фикцией, а «демократический, гуманный социализм» выдумкой социал-демократических «лакеев» буржуазии из II Интернационала.

Тем не менее, то, что сейчас предпринимает Горбачев, – это не «показуха», а глубоко

обдуманная, политико-психологически отлично разработанная концепция для стратегического перевооружения большевизма как внутри страны, так и вовне. Почему это стало необходимым? Иногда сухие факты из первоисточника говорят больше, чем длинные рассуждения. Такие факты были оглашены на XIX партконференции. Обратимся к некоторым из них. Министр здравоохранения СССР академик Чазов сказал:

«Мы гордились системой охраны здоровья народа, но молчали о том, что по уровню детской смертности находились на 50-м месте в мире после Маврикия и Барбадоса. Мы гордились, что у нас больше, чем в любой другой стране мира врачей, больниц, но молчали, что по средней продолжительности жизни занимаем 32-е место в мире» («Правда», 30. 6. 1988).

Советский посол в ФРГ Квицинский сказал: «Существенного увеличения продажи машин, оборудования и другой продукции высокой степени переработки не получается ввиду технологического отставания советской промышленности и общего низкого качества наших готовых изделий. Это широко известный факт… Чтобы продать советскую продукцию приходится иногда идти на то, чтобы даже снимать с нее марку 'Сделано в СССР'… Свои покупки в ФРГ мы почти целиком оплачиваем экспортом невосполнимых природных богатств: нефтью, газом, лесом, бриллиантами… Продолжается валютный импорт не только хлеба, которого у нас не хватает, но и металла, который мы производим больше, чем США» («Правда», 3. 7. 1988). Он забыл указать, что по экспорту оружия СССР вышел на первое место, опередив США.

К этому надо добавить, что доля СССР в мировой торговле упала ниже десяти процентов, а его экспорт не только в ФРГ, но и в другие страны, на 90 % состоит из указанных Квицинским энергетических и сырьевых ресурсов. Таким ресурсам свойственно когда-нибудь исчерпаться. Что тогда? Как же дальше строить «социализм»? У этого явления, кроме антиэкономической природы самой советской системы, есть еще три врага, которые паразитируют на советской экономике – гигантская военная машина, на которую тратится около 17 % национального дохода, дюжина «марксистско-ленинских» режимов в Африке, Азии и Латинской Америке, на содержание которых расходуются ежегодно около сорока миллиардов долларов, 18-и миллионная бюрократия, на которую тратятся 40 миллиардов рублей.

Когда сталинская модель социализма окончательно обанкротилась (Юрий Афанасьев: «Я не считаю созданное у нас общество социалистическим», «Правда», 26. 7. 1988), то решили испробовать другую модель. Поэтому в основу концепции стратегического перевооружения большевизма внутри страны положили бухаринскую модель интерпретации ленинского нэпа («обогащайтесь»!). В международной политике партия вспомнила трезвый совет Ленина: в арсенал советской цивилизации надо принять все достижения мировой буржуазной культуры, науки и техники с тем, чтобы опираясь на эти достижения и используя «рыночный социализм» в СССР, подготовить победу советского социализма над капитализмом не только внутри Советской России, но и в международном масштабе. Ленин пророчествовал, что если советская страна пойдет по этому пути, доказывая практическими примерами превосходство коммунистической смешанной экономической системы над западной капиталистической системой в прямой конкурентной борьбе с ней, то, говорил Ленин: «Тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно» (Ленин, ПСС, т. 43, стр. 341).

К разрыву со сталинской моделью социализма Горбачев двигался не по рецепту Черчилля Хрущеву «Через пропасть можно перепрыгнуть только в один прием» – а серией обходных прыжков, которая еще далеко не завершилась. Одним ударом можно было бы разрубить «гордиев узел» сталинщины при революционном перевороте сверху, для чего потребовалась бы поддержка хотя бы одного угла из «треугольника» власти – партаппарата, КГБ и армии, чего очевидно не было. Да и сама стратегия перестройки является изобретением весьма ограниченного круга партийно-государственных деятелей, опирающихся не на «треугольник», а на интеллектуальный и творческий потенциал народа.

Перестройка это не антикоммунистическая стратегия, а только антибюрократическая. Отсюда опасность грозного конфликта между маленьким авангардом «перестройщиков» и гигантской армией бюрократов на всех уровнях. Эта бюрократия кормилась из двух источников: высшая и средняя бюрократия материальными привилегиями от государства, а низшая «пролетарская» бюрократия от использования дефицита товаров и продуктов (порой даже искусственного), чтобы манипулируя дефицитом, делать личные обогащения (в советской печати пишут, что в стране от такой «второй экономики» образовался новый класс подпольных миллионеров). Перестройка хочет взять под контроль это состояние. Отсюда враги перестройки из этой высшей и низшей бюрократии наряжаются в костюмы «идейных ленинцев», выступающих против подкопов «ревизионистов» под фундамент «победившего социализма». Вдохновителем «ревизионистов» считают Горбачева. Их главный политический аргумент: мировая буржуазная и социал-демократическая печать возносят до небес «антипартийную доктрину гласности» Горбачева и хвалят его перестройку – значит Горбачев подрывает основы советского социализма. Эти «ленинцы», вероятно, напоминают Горбачеву полюбившееся Ленину изречение вождя немецких рабочих Августа Бебеля: «Ты дурак, старый Бебель, тебя хвалит немецкая буржуазия – значит ты изменил немецкому пролетариату».

Как бы там ни было, а вот Лигачев счел за лучшее напомнить XIX партконференции, что как раз его, Лигачева, не хвалит ни буржуазия, ни социал-демократия. Вот цитата: «Пишут и о нас. В том числе разное пишут за рубежом о Лигачеве. Иногда спрашивают, как я к этому отношусь? Перефразировав слова великого русского поэта, скажу: в диком крике озлобленья я слышу звуки одобренья» («Правда», 2. 7. 1988). Лигачев, конечно, понимает, что такой цитатой не может воспользоваться его коллега Горбачев. Я думаю, что как «ленинцы», так и поклонники Запада неправильно понимают «политику дальнего прицела» Горбачева. Горбачев не изменяет ленинизму, он не ищет и альтернативы социализму. Он ищет, как раз опираясь на тактико-стратегические указания Ленина, другой формы или другой модели социализма, при которой можно жить и процветать, если, конечно, такая модель вообще мыслима и практически осуществима. Поиск новой модели продиктован не благими намерениями новых лидеров, а соображениями реальной политики, когда страна во всех сферах – политической, экономической, социальной и духовной – очутилась в глубочайшем структурном кризисе. Выбор путей и методов для выхода из кризиса был ограничен. Собственно была только дилемма: или выйти из кризиса по-сталински, то есть «большим террором», но для этого нужен был бы в нынешних условиях не просто новый Сталин, а дважды Сталин, что трудно представить себе даже в фантазии, или более простой выход – найти смекалистого мастера «спуска на тормозах» от сталинского социализма к ленинско-бухаринскому «рыночному социализму». Такого мастера и нашли в лице Горбачева. Сама идея «спуска» тоже принадлежит Ленину. В «Заметках публициста», обосновывая большевистское отступление от ортодоксального марксистского социализма к нэповскому капиталистическому социализму, он сравнивал поведение большевиков с поведением альпиниста при восхождении на высокую гору. Альпинист с большим риском и при злорадствующих выкриках враждебной толпы снизу карабкается к вершине горы, остался лишь маленький участок, но он такой крутой и отвесный, что велика опасность сорваться и упасть в пропасть. Тогда, доказывал Ленин, лучше прекратить восхождение, спуститься вниз и начать новый подъем на ту же вершину, но с другой стороны горы. Так обстоит дело, по Ленину, и в политике. Шеф КГБ Чебриков и был первым человеком в новом руководстве Кремля, произнесшим еще три года назад слово, которое считалось величайшим табу в лексике сталинского социализма – слово «реформы» (это было опасно тогда генсеку, но не шефу КГБ) и обосновал необходимость реформ ссылкой на ленинскую тактику избрания «другого пути» восхождения на социалистическую вершину. Вот его аргументы: «Наша партия, – об этом говорил Ленин, – научилась необходимому в революции искусству – *гибкости,* умению быстро и резко менять свою тактику, учитывая изменившиеся объективные условия, *выбирая другой путь к нашей цели,* если прежний путь оказался *на*

данный период времени нецелесообразным, невозможным… Да, мы меняем тактику и *совершенствуем стратегию.* Мы выбираем наиболее целесообразные и соответствующие изменившимся условиям пути к нашей цели. Взять решительный курс на пересмотр всего того, что не оправдало себя… на *реформы и изменения»* («Правда», 7 ноября 1985 г., доклад Чебрикова к 68-й годовщине Октября).

Сам Горбачев осмелился произнести слово «реформы» только в начале следующего 1986 года, на XXVII съезде партии без ссылки на нэп (это все еще было опасно), а только ссылаясь на «продналог». Чебриков мог бы сослаться на Ленина и в отношении необходимости стратегического перевооружения большевизма новыми методами для новой «мирной экспансии» во внешний мир, такими методами, которые соответствуют новым международным условиям. Он этого не сделал. Я хочу сделать это за него, не для устрашения западных поклонников Горбачева, а к сведению внутренних его врагов. Вот один из многочисленных тактико-стратегических советов Ленина своей партии: «Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда не годится такая политика революционного класса, которая не сумеет продолжать "лавирование", "соглашательство", "компромиссы", чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения» (Ленин, 4-е изд., т. 31, стр. 58).

Вот когда в Политбюро было принято решение спуститься со сталинской стороны социалистической горы, чтобы подняться на ту же гору с другой ленинской стороны, то возникла новая, не менее страшная проблема – как дискредитировать сталинское «восхождение», не рискуя самим упасть как раз в ту пропасть, которую хотят обойти. Другими словами, как ругать Сталина и сталинские порядки, не ругаясь самим по адресу «отца и учителя» или даже отпуская ему иногда дифирамбы насчет его былых заслуг в борьбе за ленинизм против троцкизма (Горбачев), или как Сталин боролся «как лев» «с западными державами в Ялте за "польскую независимость"» (Громыко), или, наконец, «вспоминая славные тридцатые годы» (Лигачев). Тяжелая проблема была решена легко, по рецепту, которому позавидовал бы сам Макиавелли: писателям, публицистам и ученым предоставили почти неограниченную свободу поносить сталинизм и ругать сталинские порядки, назвав все это «гласностью». Однако была сделана и существенная оговорка – никто не имеет права критиковать внешнюю политику Сталина, как и его внешнеполитические преступления (тема Катынь все еще табу). Вся внешняя политика от Ленина до наших дней считается положительной и последовательной, но признается, что бывали *отдельные* «ошибки» и «просчеты». Вот что сказал на этот счет Горбачев на конференции: «Советская внешняя политика, несмотря на некоторые ошибки и просчеты в прошлом, в целом имеет огромные заслуги перед страной социализма, перед всем человечеством. Перестройка потребовала от нее *нового качества и по существу, и по форме»* («Правда», 29.06.1988). Поэтому неправы сталинисты и в том, что Горбачев изменил интернациональным принципам большевизма в поддержке мирового коммунистического движения. В этом отношении я не вижу отсутствия последовательности между Лениным и его чередующимися наследниками. Стоит только восстановить в памяти девиз каждого из генсеков (не говоря уже об их делах), чтобы опровергнуть подозрения в «измене» Горбачева делу мирового коммунизма.

Сталин (в «Вопросах ленинизма»: «Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача. Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах».

Хрущев (в беседе с когрессменами в Америке): «Мы похороним капитализм без войны, а ваши внуки будут жить при коммунизме».

Брежнев (на XXIV съезде КПСС): «Полное торжество дела социализма во всем мире неизбежно. И за это торжество мы будем бороться не жалея сил».

Горбачев (на XIX партконференции): «КПСС считает себя неотъемлемой частью мирового коммунистического движения, которое сейчас ведет трудный поиск выхода на новую стадию своего исторического развития. И мы будем… активно участвовать в этом поиске».

Только Горбачев не хочет дразнить капиталистического быка красной тряпкой, да еще повторять догматические зады сталинских ихтиозавров, которые, как и те бурбоны ничего не забыли и ничему не научились.

Партия глубоко презирала ленинские реформы нэпа, чем и воспользовался Сталин. Партия явно саботирует реформы второго нэпа – горбачевского, чем могут воспользоваться сталинисты.

XIX партконференция, на которой некоторые делегаты открыто потребовали вывода из состава Политбюро и ЦК таких виновников брежневщины, как Лигачев, Чебриков, Громыко, Соломенцев, доказала, что страна идет навстречу новому политическому кризису в руководстве с продолжающимся углублением кризиса национальных отношений. Предсказать такой кризис легко, но представить себе его возможные результаты крайне трудно, теряясь в догадках, какие же реальные силы стоят за Горбачевым, тогда как силы Лигачева у всех на виду.

Все решения XIX партконференции останутся на бумаге, если их претворение в жизнь зависит от воли «коллективного руководства» ЦК КПСС, ибо «коллективное руководство» при однопартийной системе есть коллективная безответственность, как это доказало время застоя Брежнева с его тотальной коррупцией от низов до самых верхов. Оглядываясь назад на историю и исторический опыт всех олигархических режимов, к которым безусловно относится и советский режим партократии, можно констатировать одну историческую закономерность: на субстанциональные реформы политической системы эпохального значения олигархия не способна. На это способна только сильная личность с железной волей, революционной решимостью и неограниченными полномочиями. Нет слов, любая диктатура – олигархическая или личная – явление омерзительное. Однако личная диктатура для подготовки скачка «из царства необходимости в царство свободы» – это нечто вроде «скорой помощи» для спасения великой нации от дегенерации и богатейшей страны от вечной нищеты. Такая личность и нужна сегодня Советскому Союзу. Она, может быть, уже существует в потенции, в становлении. Сейчас на вершине партии образовалось явное «двоевластие» с двумя «генсеками» – есть генсек «де юре» Горбачев, который председательствует в «малом партпарламенте», то есть в «говорильне» в лице Политбюро (в нем генсек «де юре» имеет большинство), но есть и генсек «де факто» – Лигачев, который руководит Секретариатом и аппаратом ЦК, то есть фактическим партийным и советским правительством СССР, выдвинутый на этот пост «малым партпарламентом» по поручению «большого партпарламента» (Пленума ЦК КПСС, где большинство имеет Лигачев). Эту открытую тайну сообщил всей партии и стране на XIX партконференции сам Лигачев, когда заявил: «Несколько слов о работе Секретариата ЦК. Мне поручено вести текущую работу в Секретариате ЦК. Это поручение Политбюро. Секретариат упор делает на организацию и контроль текущей работы» («Правда», 02.07.1988). Начиная со Сталина, все генсеки – Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко сами непосредственно руководили аппаратом ЦК и сами выбирали себе первого помощника или «второго секретаря» в ЦК, а вот теперь Секретариатом руководит не Горбачев, а Лигачев. На партийном языке это значит, что Лигачев не ответственен перед генсеком «де юре», а только перед «малым и большим партпарламентами», как и сам Горбачев. Это беспрецедентное структурное «двоевластие» в ЦК собственно и является основным «механизмом торможения» перестройки, демократизации, гласности. Ведь все генсеки были сильны тем, что они держали руку на руле фактического управления партией и государством – Секретариата и аппарата ЦК. За этим рулем стоит сейчас не Горбачев, а Лигачев. Поэтому я его и называю генсеком «де факто». Партия в душе на стороне генсека «де факто», но умом она колеблется в сторону генсека «де юре». Этим объясняется, что конференция, подготовленная Лигачевым и его

аппаратом, несмотря на все оговорки и сомнения, все же приняла, с некоторыми важными коррективами, предложенный Горбачевым план реформ политической структуры страны. Самой решающей и самой главной из всех реформ надо признать предложение Горбачева об унификации высшей партийной и государственной власти в одном лице с полномочиями в широком масштабе. Это учреждение поста председателя Верховного Совета СССР, являющегося одновременно и главой партии даже не будучи генсеком. Ленин не был генсеком. Чтобы без внутренних потрясений отнять у партии ее монополию на власть и вернуть «кесарю – кесарево» под вновь пущенным в ход лозунгом Ленина, провозглашенным накануне Октября, «Вся власть Советам!», Горбачеву ничего не оставалось, как предложить партии компромисс – поставить во главе нижестоящих государственных органов первых секретарей каждого уровня. Это, на первый взгляд, как будто противоречило общему замыслу самого Горбачева о разделении и разграничении функций между партийными и государственными органами. Однако в нынешний переходный период не было никакой возможности получить согласие партии на фактическую узурпацию ее монопольной власти иначе, как пересадив первых секретарей с их партийных кресел в кресла чиновников государственного аппарата, объявив государственные должности их основной функцией, а партийную работу функцией идеологического порядка. Все это нужно было Горбачеву, чтобы сделать следующий шахматный «ход конем» со стратегическим умыслом: учредить названную должность главы государства с прерогативами наподобие прерогатив американского президента. Иначе говоря, превратить советскую генсековскую систему в «президиальную систему». Вот какие должны быть, по Горбачеву, прерогативы советского президента: «По мнению ЦК КПСС повышению роли высших представительных органов и всей системы Советов народных депутатов, укреплению правового характера власти, лучшему представительству Советского Союза в мировых делах отвечало бы учреждение поста председателя Верховного Совета СССР. Следует установить, что он избирается и отзывается путем тайного голосования съезда народных депутатов СССР… В условиях общего повышения роли представительных органов председатель Верховного Совета СССР должен быть наделен достаточно широкими государственными полномочиями. Он мог бы в частности осуществлять общее руководство подготовкой законов и важнейших социально-экономических программ, решать ключевые вопросы внешней политики, обороноспособности и безопасности страны, возглавлять Совет Обороны, вносить предложения о кандидатуре председателя Совета Министров СССР, а также выполнять ряд других обязанностей, традиционных для такого поста в государстве» («Правда», 29.6.1988).

Что же остается тогда генсеку «де факто» – шеф-идеологу Лигачеву? Ему остается архи-архивная идеология марксизма-ленинизма, которая никому не нужна, прежде всего не нужна самому Лигачеву.

Когда Горбачев выдавал свое предложение за «мнение ЦК КПСС», то, по всей вероятности, речь шла о Политбюро, а не о Пленуме ЦК КПСС. Этим надо объяснять, что партконференция приняла предложение об учреждении должности председателя Верховного Совета СССР, но обошла полным молчанием вопрос о его функциях и правах, описанных Горбачевым в его докладе. У Горбачева не обязательно председателем (президентом) Верховного Совета СССР должен быть нынешний генсек «де юре», им может быть и Лигачев, и даже теперешний председатель Президиума Верховного Совета Громыко, на то ведь и «выборы с тайным голосованием». Но поскольку президента выбирает не партия, а «съезд народных депутатов», то больше шансов быть избранным у Горбачева. Странно, что такие выдающиеся деятели и убежденные сторонники перестройки, как Борис Ельцын и академик Абалкин, видно совсем не поняли стратегический замысел Горбачева в данном комплексе вопросов о перестройке политической системы. Зато Лигачев и консервативный пленум ЦК это поняли и поэтому не занесли в резолюцию то, что говорил Горбачев о прерогативах и широких государственных полномочиях председателя Верховного Совета СССР.

Кто не в курсе тонкостей функционирования внутреннего механизма власти партократии, тот оставит не замеченным один важнейший факт: всесоюзные конференции КПСС имеют значение только совещательного органа партии, в отличие от ее законодательных органов: съездов партии и Пленумов ЦК между очередными съездами партии. Поэтому конференции КПСС не имеют права выбора нового состава ЦК или права его обновлять, как этого требовали сторонники Горбачева накануне XIX партконференции на страницах «Правды», ссылаясь на «прецеденты», созданные Лениным на двух конференциях до Октябрьской революции и на один прецедент на сталинской XVIII конференции в феврале 1941 года. Самое главное решения Всесоюзной конференции приобретают по уставу партии законодательную силу для партии только в том случае, если они утверждены Пленумом ЦК. Подобное утверждение всегда происходило в конце каждой конференции на специальном Пленуме ЦК. Такой Пленум ЦК не состоялся после XIX партконференции и поэтому решения XIX партконференции не закон, а только рекомендации. Только через месяц Пленум ЦК подтвердил их как рекомендации. Это оставляет открытым вопрос об их судьбе в продолжающейся борьбе за власть в Кремле. Единственное оружие у Горбачева в этой борьбе – это его дар анализировать и пропагандировать. Однако, у партии другая иерархия ценностей, ей, воспитанной на плоских стереотипах сталинского жаргона, чужды всякие духовные поиски, политическое мудрствование и ораторское красноречие. Серые партаппаратчики утвердились во главе партии и государства на основе неписаного сталинского закона – не допускать к власти оригинальных мыслителей и ярких ораторов. Кто выделялся из серой партаппаратной массы, уже считался подозрительным. Возьмите того же Горбачева. Ведь он уже за семь лет до своего генсекства все-таки был одним из секретарей ЦК КПСС, но он был достаточно разумным, чтобы не высовываться из серой секретарской массы со своими выдающимися способностями. Но эти способности пригодились сегодня Кремлю в его международной политике. Одной своей риторикой, заимствованной из буржуазной правовой философии, Горбачев творит политико-психологические чудеса. Кто мог бы даже в мыслях представить себе, что такой выдающийся политический талант всего западного мира и закоренелый враг коммунизма, как Франц Йозеф Штраус, после трехчасовой беседы с Горбачевым вернется из Москвы в полном восхищении от его личности и от его политики. Кто мог бы допустить, что такой убежденный антикоммунист, как президент Рейган, откажется после последней встречи с Горбачевым от своего знаменитого изречения: «СССР – это империя зла». Что говорить тогда о рядовых обывателях. На опросах общественного мнения в Европе, кто из политических лидеров мира заслуживает наибольшего политического доверия, Горбачев занял первое место. На подобном опросе в католической Польше, этого вечного врага России, одинаково как царской, так и советской, Горбачев занял второе место после ее собственного земляка – Папы Римского. Однако все рекорды участников мировой эйфории в адрес Горбачева побила одна американка. Она решительно и безапелляционно заявила: «Появление Михаила Горбачева – это второе пришествие Иисуса Христа!».

Этот неразгаданный политический сфинкс хорош для сюрпризов и непредсказуемых действий. Если же он все-таки провалится, то не только из-за своего интеллектуального превосходства над собственной партией и ее допотопной идеологией, но еще и потому, что он хотел улучшить систему, которую нужно уничтожить, если не хочешь, чтобы уничтожили тебя самого. Другой альтернативы эта сталинская система не допускает. Когда в кругу его старых кавказских поклонников Сталина спросили: «Коба, почему ты взял себе имя 'Сталин'?», то ответ последовал моментально: «Потому, что сталь не гнется, а ломается». Поэтому и уголовно-политическая система, созданная Сталиным, подобна стали: ее нельзя согнуть, ее можно только сломать. Чем раньше Горбачев это поймет, тем быстрее пойдет процесс экономического процветания страны и духовного оздоровления общества.